
СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ
ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

ДНЕВНИК

ТОМ 11

1866

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БУЛАТ

ТВЕРЬ 2009

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II

Святой праведный Иоанн Кронштадтский.

Дневник. Том 11. 1866

Издание регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

Одиннадцатый том воспроизводит дневник, хранящийся
в Государственном архиве Российской Федерации (Ф.1067. Д. 11. Л. 1—40)

НАД ИЗДАНИЕМ РАБОТАЛИ:

игумен Дамаскин (Орловский),
клирик города Москвы, член Синодальной Комиссии по канонизации святых,
Председатель регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

протоиерей Максим Максимов,
клирик Московской епархии,
секретарь Синодальной Комиссии по канонизации святых

Геворкян Кристина Вартановна

Особая благодарность
директору Государственного архива Российской Федерации
Мироненко Сергею Владимировичу и его сотрудникам,
Центральному Государственному архиву кинофотофонсдокументов
города Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД)

ББК 86.372.24

Редакторы — Криницына Елена Григорьевна,
Федорова Ольга Евгеньевна
Макет — Хвостиков Федор Иванович

На обложке — Собор в честь
апостола Андрея Первозванного
в городе Кронштадте (1898 г.)

ISBN 978-5-902112-71-6

Форзац — Андреевский собор во время служения
отца Иоанна Кронштадтского (1898 г.)

Предисловие

Настоящее издание — это первая публикация всех известных на данный момент дневников святого праведного Иоанна Кронштадтского (1829 — 1908). Дневники охватывают период с 1856 года по 1898 год. На настоящий момент отсутствуют тетради дневников за 1885 — 1890 и 1894 — 1896 годы и за период с 1898 года до середины 1908 года. Отсутствие тетрадей за эти годы несколько не умаляет значения публикации, так как недостающие тетради добавили бы какие-то подробности, касающиеся жизни праведника, ничего не добавив по существу.

В связи с публикацией дневников следует сказать, что они впервые предоставляют возможность составить подлинную биографию праведника как с точки зрения фактов, так и по существу его духовного подвига. Имеющиеся на данный момент биографии отца Иоанна Кронштадтского носят несколько упрощенный характер: они — и не икона, и не фотография, а скорее похожи на лубок. В качестве развлекательного чтения такие биографии имеют право на существование — но в качестве вспомоществования на пути ко спасению, в качестве духовного ориентира они могут принести скорее вред, нежели пользу, так как могут ввести читателя в заблуждение относительно жизни праведника, рисуя такую картину окружавшего его мира, в которой было мало сходства с реальной, зачастую весьма суровой действительностью.

Многие страницы дневника написаны отцом Иоанном с предельной откровенностью, так что у читателя может возникнуть помысел, а уж не обычный ли он

человек, отец Иоанн, — хотя и священник, а, может быть, такой, как и мы, грешники. Однако внимательное чтение и изучение дневников праведника показывает, что нет, совершенно не такой и что между им и нами лежит едва ли не пропасть. То, к чему современные христиане уже привыкли, то, что составляет, можно сказать, почти бытовую сторону жизни современного человека, тот мир помыслов, который является почти обычной обстановкой внутренней жизни современного христианина и даже и не осознается им и никак не оценивается, — то осознавалось праведником как горькое падение, требующее с его стороны самого жестокого, беспощадного обличения. Его самоукорение столь велико, последовательно и неотступно, что показывает, что воистину Дух Божий действовал в нем, — и пусть Господь и попускал ему оступаться, но Он же и воздвигал его вскоре. По силе борьбы с мысленными искушениями посреди житейского моря и посреди мира, в котором он жил, святой праведный Иоанн являет пример одного из величайших святых XIX — начала XX столетия, на котором почилла великая милость Божия, которая, по слову апостола Павла, *зависит не от подвизающегося, а от Бога милующего* (Рим. 9, 16).

Зная, что отец Иоанн любил богослужение и сам читал канон на утрени, некоторые священники также стараются читать каноны на утрени, но часто не получают того, на что рассчитывают, ибо, предпринимая чрезвычайные, но единичные усилия, упускают из виду заботу о ежечасном и ежеминутном исправлении своей души, непрерываемом предстоянии совести Богу, что требует напряжения иного качества. В этом случае уже не человек усиливается сделать что-то с его точки зрения хорошее, а душа человека просвещается, как стекло солнечными лучами, словом Божиим, которое *живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от*

Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет (Евр. 4, 12—13). Человек каждую минуту судится им и старается убрать с души всякое пятно, которое открывается на ее одеждах Божественным глаголом. Именно поэтому дневники святого праведного Иоанна Кронштадского начинаются с углубленного прочтения и толкования им Священного Писания. Невозможно спастись и право жить, не зная Закона Жизни, не изучив вполне воли Божией, запечатленной в святом Евангелии. Это первая заповедь праведника всем спасающимся — читать, углубляясь в содержание, и снова читать Священное Писание, вникая в богодухновенные глаголы, и судить ими себя, и по мере их исполнения снова просить Господа открыть ум для уразумения читаемого. Оно как неколеблемый камень, на котором только и может каждый воздвигнуть постройку своего спасения.

Из дневников отца Иоанна мы узнаем, как он боролся со страстями, присущими в той или иной мере каждому человеку, какими были подлинные отношения его с сослуживцами в храме, с супругой Елизаветой и с родственниками, — а эти отношения были весьма далеки от того, что обычно изображается его биографами. Но из дневников мы узнаем и то, каким путем шел праведник и какой христианский выход он находил из сложных коллизий человеческого бытия.

Ныне много говорят о праве человека на личную тайну, что нельзя касаться того, что человек писал в личном дневнике. Говоря так, люди забывают, что на Страшном Суде не будет личных тайн, сокровенных чувств и мыслей. Таким читателям личной тайны ответим словами самого святого праведного отца Иоанна, которые он написал, имея в виду дневник: «Не истреблять этой книги и по смерти моей: может быть, кто-нибудь найдет подобный мне по мыслям и по чувству и покажет свое глубокое сочувствие написанному в этой книге, если не всему, чего я и не смею надеяться (потому что могут найтись здесь, при строгой критике, и ошибки), то по крайней

мере некоторым местам ее. Всё хорошее и справедливое в этой книге почитаю не своим, а Божиим, так как мы не способны ... *помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога* [2 Кор. 3, 5]. Мои только ошибки и недостатки».

Публикацией дневников исполняется завещание отца Иоанна, тем более непреложное, что завещателем в данном случае является один из великих святых Русской Православной Церкви последнего времени.

Игумен Дамаскин (Орловский)

Текст Священного Писания, цитируемый автором на церковно-славянском языке, приводится в издании в русском переводе. Параллельный церковно-славянский текст некоторых цитат, необходимый для понимания авторского толкования, внесен редакцией и печатается в квадратных скобках: *Были богаты на всякое доброе дело* [церк.-слав.: *избыточествуете во всяко дело благо*]. Отступлением от общего принципа цитирования являются некоторые стихи, которые приводятся на славянском языке, что в стилистическом или смысловом отношении представляется более целесообразным.

В издании используются следующие условные обозначения:

(Лк. 1,1) — указание на цитату Священного Писания, сделанное автором;

[Лк. 1,1] — указание на цитату Священного Писания, сделанное редакцией;

[...] — непрочитанное слово;

[славою] — предположительно прочитанное слово;

[животных] — отсутствующее в тексте, но необходимое по контексту слово, внесенное редакцией.

Забыл ты предостережение странника Андрея:
злобу отринь.

1866 г.

Заставить гимназистов выучить: «Помилуй мя,
Боже...» [Пс. 50].

Пишешь хорошо (почерк и мысль), когда мыслишь
просто, не задумываешься, а когда начнешь думать-
задумываться (мнительность), хитрить, думая о важно-
сти лица, к которому пишешь, то выйдет и почерк нехорош,
и внутреннее содержание такое же.

Какое имя греху? — Нелепость, безумие, бессловесие¹,
мечта², беззаконие.

Белого хлеба как можно меньше ешь. Сладкого чаю
меньше пей.

Катех[изация] в церкви.

Прости мне согрешение мое, Господи, яко ради неблаго-
звучного кашля ([...]) презрел я мать мою и озлобился на
нее в сердце. Из-за немощи природы, которая самому
мне свойственна и со мною бывает, я презрел ее.

Брат Константин как агнец кроток, а я как зверь злой
и кровожадный. Доколе не [изменяюсь] внутренно?
А ведь он образ Божий. Будь ласков ко всякому ближне-
му, особенно к своему, особенно к тому, к которому ты
привык, к которому чувствуешь холодность, равнодушие,
пренебрежение. А всё враждуем из-за пристрастия к сла-
стям. Но радуйся, когда берут твое и не воздают: Господь
воздаст. Или, что я говорю? Благо тебе, что берут твое:
это у тебя, может быть, лишнее и может послужить к
душевному вреду твоему, к пресыщению твоему. Помни,
что всякий вид злобы и гордыни и жаления земных благ
есть мечта бесовская. Любите друг друга, исполняйте
усердно заповеди Божии. Не враждайте никак, ни из-за
чего друг на друга, не служите врагу.

Что за ветхая прелесть³ эта злоба? Как она вкралась в
меня? Как она льнет ко мне? Как действует? Я горд —
вот беда моя; надо смириться, счесть себя подножием,
попранием всех, слугою всех, худшим всех, отребьем,

оскорблением человечества, отстоем, гноением человечества, предметом поношения от всех, презрения от всех, поругания всех — и это во глубине сердца.

Как это может быть: брат приходит к тебе с любовью, а ты встречаешь его со злобой?

А чай внакладку никогда не пей: вред для души, сластолюбие, злоба, раздражительность, гордыня, презорство⁴ оттого.

Сам Живот Ипостасный — мой мир, сладость, блаженство, источник всякого блага — во мне. Чего же я еще ищу? Чего домогаюсь? Из-за чего страстую, беспокоюсь, ярюсь? И сам не знаю, что и для чего делаю.

Имей простое око — око благодати ко всем. Пора отложить ветхого человека и облечься в нового, обновляемого по образу Создавшего [Еф. 4, 22, 24].

В сущность христианства, в душу его вдумывайся чаще; будь творцом Евангелия, а не слышателем только; в любви практикуйся к Богу и к ближнему; к горнему всеми силами стремись, долнее всё презирай; очищайся, святись, обновляйся. Вот сущность!

Ветхозаветная история внушает тебе, что ты обветшал грехом; новозаветная — что ты обновлен Спасителем, но не без твоего участия. Участвуй сам в обновлении, стремись, напрягайся. Силы, средства даны.

Если не охладеешь к сладостям мира, не можешь быть горячим к Спасителю. *Никто не может служить двум господам* [Мф. 6, 24]. А приступающему к Святым Тайнам надо иметь горячую любовь к Спасителю, ибо Святые Тайны — любовь. Господь весь — любовь, весь — желание! *Желанием возжелех сию пасху ясти с вами* [Лк. 22, 15]!

Если кто Духа Христова не имеет, тот и не Его [Рим. 8, 9], то есть Духа кротости, смирения, незлобия, чистоты и целомудрия. А как исполняться Духом Божиим? *Назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными* [Еф. 5, 19]. Значит, весьма полезно и необходимо христианам и христианским детям учиться пению церковному.

Не желать вещества и не жалеть вещества, а единого Бога желать и жалеть да человека, Его образ и подобие, жалеть (любить) и желать ему всего доброго и лучшего. Желать позволяется только потребного для тела, и то не во время святого дела, например молитвы.

Своего Ваньку сумасшедшего (то есть свое грешное «я») не слушай, а Иоанна слушай. Разумей, что говорится, да исполняй делом.

Презирай сущее в тебе многоразличное зло, а не людей и не озлобляйся на них. Это зигзаг сатаны.

Помни слова: *якоже себе* [Гал. 5, 14] (то есть люби ближнего) и подразумеваемые, да ревностно исполняй — не лукавь. Бог на Своем, а диавол на своем хочет поставить, но Бог — Творец, а тот — тварь преступная, и все в одном сердце нашем. Чудная вещь это сердце! Оно — центр Божества или диавола, воли Божией или диавола.

Не попускай себе озлобляться на кого бы то ни было, тем паче на отца, ни из-за какого предлога. Мгновения злобы бойся. Будь ласков ко всем от сердца, особенно к присным⁵. *Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви* [Рим. 13, 8].

Не оскорбительно ли для Духа Божия Животворящего то, что мы прилепились сердцами своими к сластям и надеемся на них и хотим жить ими, а не Духом Святым? — Прочь сласти.

Зачем сласти не считаем на сор? Зачем льнем к ним сердцами своими? О, если бы мы помнили, что людям так немного нужно! О, если бы мы не имели диавольского лукавства, подозрительности на ближнего! Тогда-то особенно и позаботится Господь об нас и об нашем, когда мы пещись [будем] прежде всего и больше всего об Нем и о том, что Его! Чуден, всеобъемлющ Его Промысл.

Напрасно нападаешь на жену и свояченицу за то, что они читают светские книги: для них это невинное удовольствие. Что им делать? К духовным книгам нет вкуса, не развит, а больше делать нечего. [...] Ты [не закон], тебя дома не бывает.

Плоть моя — орудие Велиара⁶. Потому надо распинать ее со страстями и похотями.

Если бы не дочь, вы и не догадались бы, [может], напоить отца чаем.

Сахар-сливки.

Сласти, сахар и прочее — яд души, отчуждение от Бога и ближнего. Так и ноет от них внутренность.

Какое блаженство — презреть все сласти и иметь в себе живущего Бога — Отца, Сына и Святого Духа! А в чьем сердце пристрастие к сладостям, в том не пребывает Бог, ибо сердце то прелюбодействует.

Так ли должны жить в этом мире имеющие надежду на воскресение плоти и на соединение ее с душою? В сладостях ли, в удовольствиях ли всевозможных, в пренебрежении ли своей верою, богослужением, словом Божиим, заповедями Божиими, воздержанием, чистотою, кротостию, смирением?

Нет действительности, постоянства ни в чем земном — всё мираж, сновидение, всякий день это видим: и тело наше преходит, лопается, как водяной пузырь. Стоит ли обращать внимание на эту минутную игру плотской жизни, удовольствий плотских? *Вся сени немощнейша, вся соний прелестнейша*⁷, чрез всё земное враг прельщает нас и от Бога и от вечной Его жизни отлучает.

Сладкого и горячего чаю избегай: разгорячает плоть, страсти возбуждает, плотскую, страстную жизнь усиливает. Это прелесть.

Человек зрит на лице (это грех, ложь), *Бог же зрит на сердце* (это правда, истина) [1 Цар. 16, 7]. Бог любит простые и смиренные сердца (мать моя). Так и ты, помимо образованности или невежества, красоты или безобразия лица, красивой или грубой одежды, взирай на самое существо человека — душу, на этот образ Божий, который в душе необразованного часто бывает цельнее, чище, чем у образованного человека. Недаром святые отцы, получившие великое образование, принимали простой образ жизни, простые одежды, простые нравы и

обычаи. Александр, епископ Команский⁸, Григорий Богослов⁹.

На молитве или сном борет враг, или смущением и боязнию, или озлоблением и раздражением: всячески домогается того, чтобы не занимались делом Божиим.

Ангельскую песнь вопиет Ты... Ангельски и живи: не прилепляйся к земному, мудрствуй о горней жизни. Сласти попирай.

*Бежи, говорим, несытые души, Учителю таковая дерзнувшая*¹⁰. А сами эти несытые души и есть: сами озлобляемся друг на друга, снедаем друг друга, жалеем друг другу даров Божиих.

Ради Бога чего человек не должен сделать, ради Творца и Спаса своего? Всё, даже жизнь положить. Но вот Бог повелевает любить всякого человека, особенно родителей, как себя, почитать, как желаем, чтоб почитали нас, и как приятно видеть почтение от других. Как этого не делать? Как гордиться пред кем-либо? Как презирать? Как озлобляться? Особенно не чуждайся простоты и грубости вида и речи.

Пора научиться нерадеть о сластях, из-за коих бывает нелюбовь к Богу и ближнему, пора за ничто сласти считать, презирать их как прах, как песок подножный.

Землею я обложен, зёмен я, но земля для меня должна быть чужда: я духовен и тело мое некогда будет духовное. Отрешаться должен я от земного. Поститься.

Если в ком видишь какие-либо немощи душевные или телесные, например робость, малодушие или сластолюбие (разумею относительно пищи и питья), охотно снисходи, считая немощи другого, особенно отца-матери, своими, ибо и сам тем же немощам подвержен. Себе охотно снисходишь — снисходи и к другому.

Господи, благослови! Убедить, понудить всех приобрести Евангелие, Катехизис, молитвослов, святителя Тихона «О должности христианина»¹¹. Комитет для нищих.

И себе, и другим чаще напоминай, говоря: *кто во Христе, [тот] новая тварь* [2 Кор. 5, 17].

Во славу Всесвятыя, Единосущныя, Животворящаго и Нераздельнаго Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Января 24-го дня 1866 г.

Презирать злобу свою и ближнего, за мечту, за дым, за водяной пузырь считать ее, за безумие, нелепость, пакость вражью! Всякое зло, всякий грех, всякую страсть презирать.

Где Я, сказал Господь, там и слуга Мой будет [Ин. 12, 26], то есть на всяком месте.

Все мы должны быть едино во едином Боге. Это цель и венец христианства.

Все святые Божии — одно во едином Боге, и Бог всё в них: *всяческая во всех* [1 Кор. 15, 28; Еф. 1, 23]; несомненно повсюду призывай их.

Если учимся и учим других, а сами не исправляем сердца своего, оставаясь гордыми, злыми, завистливыми, любостязательными, немилосердными, неводержными, прелюбодейными, нечистыми, то что в нашем учении? Больше осуждение. Что наше учение без смирения, благодати сердечной, без воздержания, без изменения и обновления внутреннего? Что наша сановитость без смирения, незлобия, самоотвержения? *Кто хочет между вами быть большим, да будет всем слугою* [Мф. 20, 26]. Что наша внешность блестящая без внутренней доброты¹²? Один обман, мираж. *Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их* [Мф. 23, 26].

Кротость же, смирение и незлобие состоят в том, чтобы ни из-за чего не гнушаться человеком, разве одним его грехом, — и то грехом, а не человеком — ни из-за чего не озлобляться на него даже внутренно, но хранить к нему неизменную любовь и уважение; особенно не гнушаться тем, что в природе человека (хотя есть в нем нечто или многое и несовершенно), например грубым видом лица его, грубою речью и прочим. Любовь христианская всё покрывает [1 Кор. 13, 7]. Истинная любовь тут-то смиряется, тут-то и благодетельничает, тут-то и

снисходит, где видит необразованность, грубость, немощь, бедность, даже греховность и страствование, считая немощи других как бы своими или немощами, общими человеческой природе, сознавая свои большие немощи и считая за справедливое и должное служить немощным членам великого тела человечества: своею образованностию — необразованности других, богатством — бедности других, своею силою — немощи других, своею чистотою и целомудрием помогая возникнуть от нечистоты другим, ибо для того и не сделал Господь всех образованными, всех богатыми, знатными, сильными, чтобы дать место взаимной любви и помощи, взаимному сочувствию, взаимодействию, теснейшему сближению членов общественного тела, благосостоянию и процветанию его. Ибо если в теле благоденствует один член, то с ним благоденствуют все, если страдает один — с ним страдают и все [1 Кор. 12, 26].

Владыко Господи Иисусе! Дажь мне благодать имети Тя всегда в сердце моем, Живота всех и прещедрого всех благ Подателя, и вся благая мира сего вменяти якоже достоин¹³ и якоже суть в самой вещи — в сор (и самое тело мое), хранить же всеусердно любовь к Тебе и к образу Твоему — человеку, ибо любовь к Тебе неразлучна с любовью к ближнему, ибо Ты — всё во всех и все в Тебе одно, то есть быть должны, и все к тому должны стремиться, и у всех всё должно быть обще. *У множества уверовавших было одно сердце и одна душа... все у них было общее* [Деян. 4, 32]. Вот образец христианской жизни! Пристрастие к благам мира сего отторгает от любви к Богу и ближнему сердца наши и к миру сему крепко привязует, в гордыню, злобу, любостяжание повергает.

Истинный христианин в Боге полагает всю свою жизнь духовную и телесную, всё свое богатство, всю силу, всю сладость, а христианин по имени, а не по сердцу жизнь свою полагает в деньгах, в богатстве, во множестве брашен¹⁴, сластей, одежд, в светских развлечениях, удовольствиях, в театре, в концертах, в играх,

например в игре картежной, в чтении светских книг, вообще в земной суете. О, как много между нами язычников по сердцу, по жизни, по стремлениям! О Христе Спасителю! Где жизнь по учению Твоему? Где изменение, обновление наше? Где Дух Твой? Где стремление к горнему? Где жажда благ, о которых человеку нельзя пересказать... ибо не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его [2 Кор. 12, 4; 1 Кор. 2, 9]? Полюбили мы, окаянные, землю, проклятую за грехопадения наши, землю неправды, войн, убийств, любодеяния, вместилище всякого греха, полюбили сласти земные, в которых сокрыто любодеяние, отречение от Тебя; полюбили блеск земной, забыли, что верные из нас назначены к просветлению наподобие солнца на бесконечные веки; полюбили удобство и красоту, богатство земных жилищ и забываем, забыли о обителях вечных, красота которых неописанна и непреходяща. Возврати, Господи, пленение людей Твоих, яко вси пленени есмы [Пс. 13, 8; 52, 7] и, к вящему злополучию своему, не сознаем своего пленения.

Пришел к трапезе, поел, попил, ушел — и прошло удовольствие пищи и питья, нет его; оно и должно быть скоропреходяще, потому что дано только для удовлетворения потребности преходящего тела (тело — скорлупа моя, не я). Так и каждый день проходит, так и вся жизнь пройдет, и не будет ее, этой земной жизни и этих земных благ. Зачем гоняемся за суетою, прилепляемся к суете? К вечным благам, безмерным благоутробием Владыки уготованным, да стремимся.

Ядый Мя, той жив будет Мене ради [Ин. 6, 57]. А я ем часто пречистое Тело и Кровь Господа в Святых Тайнах — значит, я буду жив одними Святыми Тайнами. Чего же мне беспокоиться, о чем земном беспокоиться, чего жаждать, алкать?

Января 24-го, 1866. Понедельник. День литургии ранней от Неустроевых по дочери Александре. Благодарю Тя, Господи, яко сподобил мя еси причаститься во

очищение и освящение души и тела и в мир душевных моих сил. Господи! Даруй мне иметь в себе Дух Твой — Дух кротости, смирения, незлобия, нестяжания, святости и правды, милосердия и всякия добродетели. Да будет Дух Твой во мне: сие да мудрствуется во мне, еже и в Тебе¹⁵, Господи! Услыши глас непотребного раба Твоего и содейлай меня благопотребна: вся бо возможна Тебе, и невозможно Тебе ничтоже. Господи! Видиши, како ярится на меня дух тьмы, дух злобы, како борет меня, како непрестанно стужает¹⁶ мне. Заступи, спаси, помилуй и сохрани меня, Боже, Твоею благодатию. Даруй мне, Господи, отложить ветхого человека, тлеющего в похотях прелестных, облещися же в нового, обновленного по образу Тебе, Создателя моего [Еф. 4, 22-24]. Господи! Даруй мне зрети моя прегрешения и не осуждати никогоже: аз бо, аз един превзыдох всех прегрешеньми, сущих от Адама прежде закона и в законе Моисеевом и во благодати; но Ты судьбами Твоими¹⁷ спаси мя, спаси всех нас. Господи! Тебе, единому Законоположнику и Судии, принадлежит право и власть суда, а мы рабы непотребные, достойные всякого осуждения и муки: кто мы, судящий чуждому рабу [Рим. 14, 4]? Господи! Ты пострадал за всех и грехи мира ко кресту пригвоздил, Ты убо един имеешь власть осудить и помиловать, погубить и спасти. Умудри убо и укрепи нас, Господи, по заповедям Твоим жительствовати, друг друга любить, друг другу снисходити, друг друга подвизати¹⁸ к Тебе, общему всех Отцу, Промыслителю и Спасителю. Ради имени Твоего и щедрот Твоих устрой сие, Господи; прелесть же страстей, облегающую сердца наши, разгоняй истиною Твоею, отревай¹⁹, ни во чтоже обращай: ничтоже бо есть, аще²⁰ и льстит и борет рабы Твоя; наипаче дух пристрастия к тленным вещам мира сего отыми от нас, дух же любви к горнему Отечеству нашему, егоже ради нас искупил еси, даруй нам. Но еще даждь благодать с любовию обличати согрешающих и ни на когоже никогдаже яриться, ибо ярость есть плод гордыни, злобы и непознания своей и общей всем людям немощи, забвения, нерадения.

Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить [Мф. 7, 2]. Так, если ты пришел, например, домой и возымел нечто на кого-либо, впал в немощь против брата, например озлобился на него или пожалел ему чего-либо в сердце, то и он чувствует к тебе нерасположение, и он готов презирать тебя, если он не богобоязненный человек, и это ты сам замечаешь, видишь; но оставил ты свое нерасположение, свой грех, переменился к нему сердечно, например, после внутренней молитвы к Богу о обращении себя и ближнего, против которого согрешил,— и ближний твой делается к тебе благорасположен и ласков, и ты чувствуешь себя к нему хорошо. Так и всегда. Как меряешь, так и тебе отмеряют. Посему всех люби, самых врагов, и молись за них. На всех моровое дьявольское поветрие. Жалеть надо.

25 января 1866. Господи! Благодарю Тебя за силы Твои, явленные на мне, грешном, по причащении Божественных Таин в храме и потом в гимназии во время четвертого и шестого классов (вторник), ибо Ты даровал мне мир и свободу сердечную, дерзновение, силу, слово, свет лица, особенно во время четвертого класса (то есть в четвертом классе). Благодарю Тебя за державное разрушение насилия терзавшей меня страсти жаления тленной пищи ближнему [...] по приходе моем в дом, за умирение и свободу.

Странное дело: плотской человек ненавидит тех, с коими ему должно делиться ежедневно земными благами, особенно деньгами, пищею, питьем, сладостями, потому что ему хотелось бы одному всё забрать, всё съесть-спить, хотя ему нужно очень мало. О, какая дикая жадность и алчность ветхого плотского человека и как не распинать своей плоти с ее страстями и похотями, как не вооружаться против ней, как против самой ядовитой змеи, как не бить ее, могущую убить нас вечно! Спаситель распялся плотию на кресте: для нас довольно этого примера, чтобы распинать свою многострастную, мерзкую плоть. Если пречистой Своей плоти Господь

попустил быть распятою, то мы ли свою нечистую плоть не распнем? Господи! Помоги!

Славлю благоутробие Твое, Господи, яко мене, воззавшего к Тебе о помощи и заступлении, услышал еси (на совете 25-го января) и всё просимое мне даровал еси: мира не имел я — Ты мир даровал, свободы и дерзновения не имел — Ты даровал их, чистоты сердечной не имел — Ты даровал ее.

Пример надеяния на Промысл Божий, рассказанный Стрельниковым: в Пасху прислали к бедному чиновнику неизвестно кто кулич и пятьдесят рублей денег.

Бог есть Око всевидящее — и душа наша есть око простое²¹; *аще будет око твое просто, все тело твое светло будет*, говорит Господь [Мф. 6, 22]. Итак, да будет оком твоим Господь в сердце твоём. Душа наша — око от Ока, и как чрез телесное зрение видит душа, так чрез наше сердечное око в чистом его состоянии зрит Бог, Око нашего сердца. Отсюда пророки, прозорливцы, видевшие будущее и сокровенное и сокровенные помышления человеческие.

Люди болят сердечным зрением: оно у них помрачено, огрубело и подернуто как бы корою от разных житейских пристрастий, болезненно, растленно. Надо молить Бога усердно, чтобы Он исцелил наши мысленные очи, истончил и просветил их. Этому научают нас евангельские слепцы, молившие Господа исцелить их очи: *Господи, да прозрю* [Лк. 18, 41]. Господи Спасителю! Просвети наши мысленные очи сердца. Слепотствующие телесно достойны сожаления; слепотствующие душевно, то есть подверженные разным страстям и пристрастиям, достойны большего сожаления, ибо волею погибают временно и вечно и находятся в опасности лишиться навеки лицезрения Солнца Правды. Особенно нас сильно ослепляет и непрестанно усиливается ослепить искони по своей воле ослепивший себя бесконечною гордостью, преслушанием, злобою и нечистотою диавол, — он-то и ныне напрягает всевозможные усилия ослепить и дер-

жать в непрестанной слепоте сердечные очи всех и держит в ослеплении всех тех, которые добровольно уклоняются от истины евангельской и от Солнца Правды — Христа и от Святой Его Церкви, хранительницы и истолковательницы слова евангельского. Отсюда есть крайняя нужда для всякого слушать Евангелие, читать его, поучаться в нем, размышлять об нем.

Магическое представление в Коммерческом клубе на шестой неделе поста.

Офицеры кронштадтские на исповедь и к причастию не ходят. Вот плод вольнодумства! Вот плод театров, клубов, обедов, маскарадов! Развратились души! *Приложи им зла, Господи, приложи зла славным земли* [Ис. 26, 15].

Истинно добрый человек радуется, что домашние его, или гости, или нищие, или странники насыщаются и вообще довольствуются теми дарами Божиими, которые Бог посылает ему; о домашних радуется ежедневно, о прочих — когда бывают у него и угощаются у него, ко всем являет довольный, ласковый и приветливый вид, не ест ни с кем гордым оком и несатым сердцем [Пс. 100, 5], но считает себя им обязанным за то, что довольствует их, приобретая от этого как бы сам корысть, ибо думает и верует, что в лице их служит Самому Господу, Которого они суть члены [Еф. 5, 30]. А злой и лукавый человек скорбит едва не каждый день, что другие употребляют дары Божии, врученные ему, как говорит слово Божие, для раздаяния и употребления [Лк. 12, 42 — 48], например приятные яства, напитки, деньги и прочее, а не он один ими пользуется; он не терпит ежедневных совместников в употреблении сластей и непрестанно скорбит и смущается, видя их потребление, ибо, будучи плотской человек, надеется на них, а не на Господа, *дающего нам вся обилно в наслаждение* [1 Тим. 6, 17], считает себя одного, по слепоте самолюбия, полновластным обладателем их, а других настолько, насколько они ему служат или вообще трудятся, хотя и его труды очень небольшие; и он не верует и не сознает, что питающиеся от его

трапезы суть члены тела Христова и что блага его суть дары Божии, для раздаяния ему от Бога врученные. Дары Божии для злого и лукавого не благо, а зло по причине злого его сердца, оковы для души и тела его, колющее терние, ежедневно и многократно его уязвляющее, срамота лица его. Чтобы быть ему всегда довольным и спокойным при дарах Божиих, надо ему стяжать простоту сердца, предаться совершенно в волю Божию, быть всегда в Боге и всего ожидать от Бога, Промыслителя и Попечителя нашего. Он должен в сердце своем чаще произносить слова: ни на кого и ни на что не надеюсь кроме Бога, ни к чему не прилепляюсь кроме Его, ибо Он един — источник моей жизни, Он Бог сердца моего. Не могу работать Богу и маммоне [Мф. 6, 24].

Согрешил опять пристрастием к миру и его благам, поработал маммоне — пожалел дать бедным столько, сколько требовали; обиделся, горько обиделся на них, что обманывают иногда, хотя, быть может, по жестокосердию нашему. Возроптал на Господа, окаянный, что на меня их взвалил. Что же? Хорошо быть слугою Господа в лице бедных. Делись с бедными безропотно: можешь дать много — дай больше, мало у тебя самого — давай помалу. Неотступно ходят за тобою и назойливо требуют — не раздражайся: тебе бесчестия нет никакого, что они ходят за тобою, а напротив, честь; а назойливость их сочти детскою глупостию или делом нужды и иди себе спокойно своею дорогою.

Пей чай с сахаром: простой чай без сахара раздражает. И Иоанн Предтеча ел мед дикий [Мф. 3, 4]. Иисус Христос и апостолы вкушали от пчел сот [Лк. 24, 42].

Не возлюбил я ближнего, как себя: не дал ему всего, чего он требовал, то есть некоторые бедные. *Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать. Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию. Ибо и Христос не Себе угождал* [Рим. 15, 1 — 3]. А мы ищем только себе угождати: сами пресыщаемся, а бедные алчут, сами прекрасно и тепло

одеты, а бедные — наги, сами в богатых, просторных, чистых, теплых жилищах живем, а бедные едва тесную квартирку наподобие хлева имеют. И кто об них заботится? Никто знать их не хочет. И последние их гроши тянут с них немилосердно за постой.

Бог туне²² дарует нам вечные блага Царствия Небесного — что же значат земные блага, которые мы даем ближним во имя Его? — Ничто, хотя бы мы ежедневно сотни рублей раздавали бедным.

Ходят в зверинец смотреть на хищных зверей, — я не хожу, потому что у меня самого есть зверинец во внутренней моей храмине: страсти мои — истые звери, терзающие меня. Что мне до настоящих зверей? Мне надо укротить свои страсти. Ты ходишь смотреть зверей? А укротил ли свои страсти? Не дикий ли ты зверь сам? Не терзаешь ли ты и себя и ближнего злобою, своенравием, жестокосердием, пьянством, гордостью, завистью, скупостью, нечистотою, подозрительностью и прочим?

Дух любоземности отыми от мене, Господи, ибо это дух диавола, — даруй же любовь к горнему, истинному и вечному моему Отечеству.

Не мое всё, а Божье и равно для всех, — так говори ты в себе, хозяин дома, о всех сладостях, кои у тебя на трапезе. Считай всех сидящих за одно с собою: себе желаешь приятного от других — и другим желай приятного от себя, от своей собственности да помни, что всякому немного нужно и ежедневно обыкновенное количество нужно. Радуйся, что от твоей, паче же Божией, трапезы наслаждаются и насыщаются людие Божии, для коих Господь подал всё обильно в наслаждение [1 Тим. 6, 17]. Не жалея ничего ни им, ни себе, но считай всё за сор, что под ногами: вся бо покорил Господь под нозе человека [Пс. 8, 7]. Смотри с глубоким уважением на всякого человека, для которого — всё, для которого Господь сошел с небес, на земле жительствовавший, пострадал, пролил кровь Свою, умер и воскрес и для которого небесные обители вечные уготовляет. Брось вещественную

манию, или пищепристрастие и вещепристрастие, к единому Господу прилепись: Он всё да будет для тебя, а прочее как ничто.

28 января 1866 г. Пятница пред Масляной неделей. Вечер. Свадьбы. Господь помог с дерзновением, спокойствием и величием духа совершить две свадьбы — в соборе и в Думе. Благодарю Господа, даровавшего победу на врагов невидимых.

Прекрасное благожелание: кушай на здоровье! О, если бы мы эти слова говорили всегда в простоте сердца, искренно! А то ведь часто говорим с лукавством: говорим — да и жалеем сами своих сластей ближнему. Скорлупа-то, слово-то есть, а ядра-то, чувства-то, любви-то нет.

Люди [и я] забавляются призраком жизни, то есть настоящею жизнью, и небрегут об истинной жизни будущего века; хотят испытать все удовольствия в преддверии жизни и лишают себя по неразумию и нерадению и какому-то добровольному отупению блаженства будущей жизни.

Вчера оскорбил чтеца Николая — рассердился на него за козлогласие.

Свойство любви — ничего не жалеть для любимого, всё нужное давать ему, даже с избытком, не жалеть даже себя самого; так Господь Бог, Который есть любовь [1 Ин. 4, 8, 16], ничего не жалеет для человека и всё обильно подает ему, все нужные для жизни вечной и временной блага, даже не пощадил Сына Своего Единородного, но отдал Его на смерть за нас, а Он, то есть Сын Божий, — Себя за нас, и Плоть и Кровь Свою, собственную Плоть и Кровь, предлагает нам в пищу и питье. Любовь беспримерная и бесконечная, щедроты безмерные! А свойство злобы (какова злоба дьявольская!), самолюбия и злобы (каковы самолюбие и злоба человека!), — не жалеть для себя ничего и жалеть всего приятного и ценного для ближнего, от всего, принадлежащего ближнему, урывать и себе присвоить, давать ему всего малою мерою, скупю, нетвердою, робкою рукою.

Свойство любви — избыток, щедроты в дарах; свойство самолюбия и злобы — скудость и скупость. Но мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною дай на лоно ближнего, ибо, какою мерою меришь, такою же отмерится и тебе [Лк. 6, 38]. О, слепое самолюбие! Наглое самолюбие! Для себя не жалеет ничего, когда хотим сделать себе удовольствие, не дорожим деньгами и издерживаем их такое количество, коим могли бы быть довольны несколько дней десятки человек, а ближнему жалеет лишнего куска сахара, пирога, нескольких копеек; сами рядимся в шелк и бархат, а бедному жалеет дать почти изношенное дешевое платье, полуизношенный кафтан; сами одеваем плоть свою в тонкое полотно, а ближнему жалеет и грубой рубашки; сами обуваемся в десятирублевые сапоги, а ближнему — босому, жалеет и рубля на сапоги; чтоб потешить себя в театре, не жалеет ста и больше копеек разом, а нищему жалеет трех-пяти копеек; сами лакомимся дорогими винами и съедомыми припасами, бросая на это целые рубли, а нищему жалеет на пищу для утоления голоду нескольких копеек! Это ли любовь христианская, заповеданная умершим за нас Спасителем? *Сие заповедаю вам, да любите друг друга* [Ин. 15, 17].

*Обою ею един уд показывай сопряжением*²³. Сам Бог устроил и показал уд ради сопряжения, — как же мы лукаво, и нечисто, и низко, и со стыдом об нем помышляем? Невежды, несмысленные, неразумные чада лукавого!

Кто в церкви при свадьбах стоит? Люди праздные, больше неблагочестивые, чем благочестивые, пересудливые, не молящиеся, пришедшие на зрелище, как бы в театр. Перед такими ли малодушествовать венчающему священнику? Обличать их нещадно, смело, глядеть на них смело, открыто, очами пастыря и иерея Божия; венчать громко, смело, благоговейно.

Брачующиеся — мои дети, моя утроба, мое сердце: как о детях своих молись об них, как о сердце своем. Духом Святым молись.

Так ешь-пей, чтобы после никогда не раскаиваться, что много ел-пил; ешь-пей столько, чтобы было всегда легко после чаю или обеда, чтоб ум и сердце были всегда ясны.

Прекрасные золотые и серебряные вещи, — да все они земля хладная, бездушная и жизни, мира и спокойствия сердцу не дадут; блестящие, да сердца не просветят; прочны, да не вечны, а нам нужен мир душевный, истинная жизнь с Богом, нам нужно просвещение мысленных очей сердца, нам нужны вечные, духовные блага. Итак, суета сребро и золото, или привязанность к ним. Из-за них удобно потерять мир душевный, свет очию сердца и вечные блага, и потому они иногда должны быть считаемы хуже грязи земной. Святые Божии человеки бегали от золота и сребра, считая любовь Божию выше всего. В самом деле, не бесконечно ли прекраснее и дороже золота и сребра Господь, создавший золото и сребро, Господь, создавший по образу Своему человека, умеющего такие прекрасные вещи делать из золота и сребра, такие прекрасные формы давать им, из земли делать такие прекрасные вещи! Не душа ли виновница этих вещей, после Бога? Не ее ли надо стараться сделать золотою, всю светлою, чистою, как золото, твердою в добродетели, как золото твердо? Ведь ее дело все прекрасные вещи, и в них она прекрасна, а не самые вещи, которых свойство грубость и безобразие. Земля [...] невидная и не образованная²⁴ безобразна.

Диавол усиливается привязать наши сердца и тела к сластям мира сего, чтобы в блуд нас ввергать, чтобы от Бога разлучать и нас в лапах своих держать, чтобы любовь к Богу и ближнему совсем, если можно, искоренить из сердец [наших], ибо знает хорошо, окаянный, что душа человеческая едина и проста и не может двум господам работать: Богу и маммоне [Мф. 6, 24]. Человек! Презирай маммону! Люби Бога и ближнего и оказывай ему всякую помощь. Помни: пристрастие к сластям мира есть дух диавола, пристрастие к роскоши мира — дух диавола, пристрастие к удовольствиям, веселостям мира —

дух диавола. Христианин, знающий свое растление греховное, свою бедность, нищету внутреннюю, живет в сокрушении и слезах. Блаженны нищие духом! Блаженны плачущие! Блаженны кроткие! Блаженны алчущие и жаждущие правды! Блаженны милостивые! Блаженны чистые сердцем, миротворцы, изгнанные правды ради, егда поносят... и прочее [Мф. 5, 3—11]. Христианин бежит роскоши как яда душевного, ибо она погружает совершенно человека в слитность сего мира и приводит его в забвение о Небесном Отечестве и о бедности и нищете духа его.

Священник! Ничего не жалею ближнему! Для тебя Господь не жалеет Плоти и Крови Своей, а в ней — истинный и вечный живот! В сравнении с нею все сласти земные — ничто, гной! Аминь.

Тем более напрягай голос на молитве там, где он ослабевает, где сердце пугается и сомневается.

На молитве кроме Бога ни о чем не думать, хотя бы и [о] непредосудительных делах и вещах, одним Богом заниматься.

*Какой из вас отец... если вы, будучи злы...*²⁵. Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него. Какая есть мать... кольми паче Мать ваша Небесная, Пресвятая Богородица, даст блага просящим у Нее.

На каком основании мы почитаем как бы безумными ядущих наш хлеб-соль и думаем, что они едят-пьют больше надлежащего? Предоставь это им: они, так же как и ты, имеют разум и опыт.

На каком основании считаешь недостойными [благ] своих слуг или присных, коими они от тебя пользуются? Разве ты не с избытком получаешь? Но кусок чужой кажется больше. Это общая слабость.

Люди разделяются на две дороги: одни идут к Богу, другие к врагу Его; раздражаться ли на тех, кои по неразумию и ослеплению идут к врагу Божию? — Нет: жалеть, плакать и молиться об них. Впрочем, как они холодны к Богу, так и ты будь холоден к ним.

Ты сам не исправляешься от своих страстей и, однако же, не раздражаешься на себя, не кипишь справедливым негодованием на свою неисправность, а когда видишь коснение других в известных слабостях — раздражаешься, сердишься, озлобляешься на них; к себе снисходишь, а к ним нет: например, сам жаден к пище и питью, или к деньгам, или к каким-нибудь изящным вещам и в этом снисходишь к себе, это прощаешь себе, даже, может быть, оправдываешь в этом себя, а если другие пристрастны к светским книгам или к праздной, изнеженной, сластолюбивой жизни — на тех раздражаешься, ненавидишь их, не можешь говорить с ними тоном покойным, хотя бы надо было обличать их с кротостию и снисходительною любовью, объясняя им тоном спокойным вред, происходящий от светских книг или от праздной, сластолюбивой жизни, вред для души и тела, и возводя их постепенно к сознанию необходимости и пользы заниматься чтением святого Евангелия, писаний святых отцов и других, в благочестивом духе написанных книг. *Все у вас да будет с любовью*, говорит Апостол [1 Кор. 16, 14]. *Если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным* [Гал. 6, 1]. Еще надо помнить, что насильно всех не сделаешь благочестивыми. *Не во всех есть вера* [2 Фес. 3, 2].

Ты подаешь милостыню, — хорошо. Но как? Охотно ли, милосердую ли, сострадая ли нищенствующим братьям, с кротким ли и приятным видом? Не с досадою ли и рвением? Если так, то это худо: такая милостыня — не милостыня и недостойна названия добродетели. *Терпяще друг другу любовь*, говорит Апостол [Еф. 4, 2]. Или ты, может быть, не подаешь милостыню и презираешь бедных, называя всех бродягами, праздными и тунеядцами, тогда как сам имеешь хорошее или безбедное состояние или тогда как сам позволяешь себе излишество и роскошь в столе, одежде, убранстве квартиры, в удовольствиях? Если так, то это худо. Ты не по любви ходишь. *У кого две одежды, сказано, тот дай неимущему, и у кого есть*

пища, *делай то же* [Лк. 3, 11]. Отчего ты пресыщаешься во вред себе, а другой не имеет куска хлеба, просит у тебя и не получает? Ты образованный человек — скажи, есть ли тут здравый смысл? Есть ли что-нибудь человеческое? Животные, птицы делятся взаимно, а ты — человек, почтенный разумом, способностью чувствовать, любить, не хочешь поделиться с ближним, не хочешь ему оказать сочувствие. На что это похоже? Или ты любишь театр — а любишь ли храм Божий? Или ты, положим, хорошо помолился в церкви, с умилением и чувствуешь мир в душе, — прекрасно; но, пришедши домой и найдши неисправность какую-либо и чью-либо, удерживаешь ли свой гнев, свою раздражительность или, если встречаешь сердитое выражение лица домашних или посторонних, спокойно ли и без взаимного расположения сердца встречаешь его, нимало не отвечая на страсть страстию? Или если видишь красивое лицо, чистым ли сердцем взираешь на него и, если возникает нечистый помысл, тотчас ли отсекаешь его, боясь им осквернить душу свою — образ Божий и причинить внутренне осквернение ближнему? Если так — хорошо, если нет — то твое благочестие сомнительно и близко к лицемерию, если не есть самое лицемерие. Или еще: если видишь истребление другими сластей твоих, когда сам не употребляешь и не можешь их потреблять почему-либо, взираешь ли на это равнодушно, как на маловажное и ничтожное, не стоящее внимания дело, или ты жалеешь этих сластей и скорбишь о потреблении их и кипишь раздражением на потребителей, разумеется часто и туне употребляющих их. Если первое — хорошо, так и быть должно, ибо всё земное как трава, тлен и сор; если последнее — худо, ибо ты отступил сердцем от Господа и ради сластей, ради сору, травы, праха нарушаешь любовь к ближнему, которой нет ничего дороже, потому что весь закон во едином слове исполняется: *люби ближнего твоего, как самого себя* [Мф. 19, 19; 22, 39], и теряешь мир с собою и ближним, который есть великий дар Божий и коим надо дорожить.

Старайтесь иметь мир со всеми и святость, сказано, без которой никто не увидит Господа [Евр. 12, 14].

Сердце мое, Господи, да будет чуждо всех сластей, блеска земного и роскоши. Да будет же оно свойственно, привязано к Тебе единому и к ближнему Тебе ради.

Господи! Благодарю Тебя за спасение Твое, еже удивил еси на мне во время утрени чрез Святые Твои и Божественные Тайны. Благодарю и Тебя, Пренепорочная Владычица, яко мене, воззавшего к Тебе тепле, благодатию Божиею помиловала еси и умиление с миром и дерзновением даровала еси. Но очисти мя, Пречистая!

Дух любви к земному, пристрастия к временным, видимым вещам презирать, как дух сатанинский. Дух любви к горнему стараться всевозможно стяжать.

Изучил ли ты искусство непрестанно идти против себя и грубость и злобу человеческую принимать как обхождение мягкое и благосердое? Научился ли ты презирать всячески плоть свою, себя самого, то есть своего ветхого человека?

Древнее жало и древняя прелесть змея — паление сластями, ненависть и подозрительность к ближнему.

Существенное и пресущественное Божественное брашно и питье — Тело и Кровь Христова — залог жизни вечной во мне есть; маловажное — обыкновенная пища и питье — приложатся мне без всякого сомнения, и беспокоиться об них мне нечего. *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь иматъ живот вечный... Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем [Ин. 6, 54, 56].* Если я имею в себе живот вечный, то для чего еще заботиться о тленном животе и о средствах к нему? Желание надо иметь разрешиться от этого страстного тела и со Христом быть. Надо презирать плоть, не радеть об ней.

Просто сердце мое, или душа моя, един живот мой — Христос, един источник жизни моей — Христос. Да помним это непрестанно и ни к чему земному да не прилепляемся.

Господи! Не попусти мне унывать ни пред какими утратами, но всё за сор вменять даруй и на Тебя единого надеяться непрестанно. Мы нарушаем любовь из-за сладкого куска, как будто любовь так же дешева, как сладкий кусок, или как будто сладкий кусок дороже любви, тогда как в свете нет ничего дороже любви, ибо любовь есть Бог, и где царствует любовь, там царствует Бог. Взирай на каждого человека как на образ Божий и угождение ему в существенных потребностях считай за угождение Самому Богу, как сказано: *так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* [Мф. 25, 40]. Да и что составляет жизнь нашего сердца, как не взаимная любовь? Пристрастие к вещам тлит сердце, гнетет, теснит, омрачает, духовно мертвит его.

И как мы, маловерные, наказуемся от Бога за свое маловерие! Лишь только мы понадеемся на кого-либо и на что-либо кроме Бога, например на деньги, сласти,— тотчас в душе является смущение и боязнь, чего надеющийся на Господа никогда не испытывает. Таким образом, самое дело показывает, что прилепление к вещам есть смерть духа.

Мы жалеем для ближнего ничтожных вещей, например денег, пищи, сластей, одежды, жилища, а между тем для него всё назначено Самим Богом — вся земля со всеми ее плодами, сладостями, сокровищами — как для образа Божия, как для царя тварей; жалея ему вещей мира сего, мы таким образом бесконечно мало ценим его, уничижаем его по научению диавола, а сами себя возвышаем, считая себя вправе пользоваться щедрыми дарами Божиими, а его — нет. Между тем как дары Творца общи для всех.

Ты, о иерей Божий, должен в кругу своего семейства и в гостях отличаться от прочих тем, чтобы 1) без всякой жадности есть и пить, 2) меньше сластей употреблять, чем прочие люди, часто падкие до сластей, 3) ничего никому не жалеть, 4) все сласти за сор считать или за гной, 5) нимало не тщеславиться и не заниматься своею одеждою

или одеждою других, 6) не иметь дорогой мебели и не заниматься ею, а довольствоваться простою, 7) горняя мудрствовать всегда и везде и направлять благоразумно беседу к горнему, небесному, нетленному, вечному нашему Отечеству. Но пристрастие к земным благам убивает стремление души к горнему, духовному, небесному.

Спаситель, — значит, мы непрестанно окружены врагами спасения, врагами вечной нашей жизни и нам непрестанно нужен Спаситель, как непрестанно ратуют против нас враги спасения — непрестанно нужно призывать Его, что как непрестанно близки к нам враги и окружают нас, так непрестанно близок и несравненно ближе Он к нам, чем они, только бы мы всегда зрели к Нему сердечными очами и искренно призывали Его в помощь или крепко держались Его, когда Он вселится в наше сердце, и ни к чему и ни к кому кроме Его не прилеплялись. Господи! Благодарю Тебя за многократное спасение мое. Призывал я Тебя — и не посрамился. Февраля 4-го дня, 1866 г.

Всякий раз, как встретишься с каким-либо ближним, ласково, искренно, [дружески] обязательно обойдись с ним. Вот таким образом и будет исполняться тобою заповедь: *люби ближнего твоего, как самого себя* [Мф. 19, 19].

Когда упадет какая-либо страсть в сердце — злоба, гордость, своенравие, упрямство, или зависть, или скупость, или любостяжание, или блуд и прочие, то нужно не в отношении людей или вещей усиливать свои действия или чувства, а в отношении их против себя, то есть надо распинать в себе эти возникшие страсти, а людей оставить в покое, ибо огонь в тебе, и надо тушить свой пожар немедленно, а не усиливать его.

Зная, как сласти противятся любви Божией, презирай их, смотри на них как на гной, и чем более что нравится плоти, чем более чего-либо жалеешь ближнему с ненавистию к нему, тем более [то] презирай — еже буди по благодати Господа нашего Иисуса Христа.

Все у вас да будет с любовью [1 Кор. 16, 14], то есть и выговоры, и наказания, и посещения взаимные, и обращение.

Хозяйство ежедневно течет обыкновенным порядком — беспокоиться нечего. Не беспокоимся о воздухе, чем дышать, о светилах небесных, о их течении, ибо Творец и Промыслитель ими правит, — не будем беспокоиться и о течении своей жизни: ею правит Творец и Промыслитель — Христос. *Не оставлю тебя, говорит, и не покину тебя* [Евр. 13, 5].

Странное, безумное дело: чем больше мы обеспечены, тем больше беспокоимся; чем в большем довольстве, тем больше страшимся бедности! Вот какое сокровище, какой идол сердца богатство или довольство, пресыщение! Значит, великое богатство — умеренность и среднее, не богатое состояние! Тогда процветает надежда на Бога, так чудно, премудро, благостно нас питающего, одевающего, кровом снабжающего и всем нужным для жизни! Всё и всё и всё Бог подает. *Что ты имеешь, чего бы не получил?* [1 Кор. 4, 7].

Всякий грех в мысли, в сердце, в слове, в деле есть воля диавола; ненависть, презрение к ближнему в сердце есть воля диавола, и он гнездится в сердце ненавистника или входит в него; пристрастие сердца к сластям и жаление их ближнему, для которого они сотворены Богом, — воля диавола. Любовь — воля Божия, беспристрастие к земным благам — воля Божия. Не любодействуй ни на минуту от Бога, непрестанно с Ним будь соединен в сердце.

В лице кого я не гнал Христа? В лице доктора, в лице больного, в лице нищего, в лице отца, в лице матери, в лице сестры. И всё из-за денег, из-за сластей плотских: денег жалел, когда деньги принадлежат всем и каждому, когда они — дар Божий. Все мы одно, все братья, все одно тело: русские ли, немцы ли, англичане ли, католики ли.

И кто всё заставляет нас обижать ближнего из-за земных вещей, кто приковывает наши сердца к земным благам? Он, древний прелестник диавол, погубивший ядию праотцев наших — Адама и Еву. Отсюда необходимость к деньгам и яствам и напиткам сохранять полное равнодушие, за сор ставить, есть ли они, нет ли, приходят ли,

уходят ли, приобретаются ли или теряются ли даром, по-видимому, тратятся на известных людей, например врачей или гостей,— хотя, впрочем, мы сами любим получать хорошее вознаграждение за свою должность, не очень трудную, или угощаться щедро на счет других.

6 февраля 1866 г. Господи! Благодарю Тя, яко обновил мя еси после греховного растления Божественными Твоими Тайнами; славлю Твою благость, Твое долготерпение, Твои щедроты, Твое безмерное могущество, ибо Ты можешь, если восхощешь, и из гноя сделать золото.

Я горд — и пред кем же? Пред отцом²⁶ моим, который в свою очередь смирен. Я возносив и надменен — он кроток, как овечка. Помилуй мя, Господи! Научи меня кротости и смирению.

Мы многие одно тело [1 Кор. 10, 17]: возлюбим друга, возлюбим родителей своих, присных, знакомых, врагов, друзей — всех.

Сам ем с жадностью сласти, и много,— если другой у меня позволяет себе это, даже отец или жена, внутренно негодую на это, печалюсь, малодушествую, унываю, полагая в сластях жизнь свою, отступая сердцем от Господа и ближнего. А не сновидение ли ночное все сласти земные? Ей, так.

Един источник жизни нашей — Иисус Христос со Отцем и Духом Святым, един Промыслитель и Попечитель наш. На Него единого всё упование возложим, Его единого возлюбим и друг друга в Нем.

Всё останется, когда умрем. Будем довольны тем, что Бог дал ныне. Пренебрежем всем земным как сором: всеми сластями, деньгами, драгоценностями и [прочим].

Доколе беснование пищею и питием, доколе лакомство, доколе жадность, пресыщение, жалость другому, скорбь о потреблении, трате? Доколе пристрастие к сору?

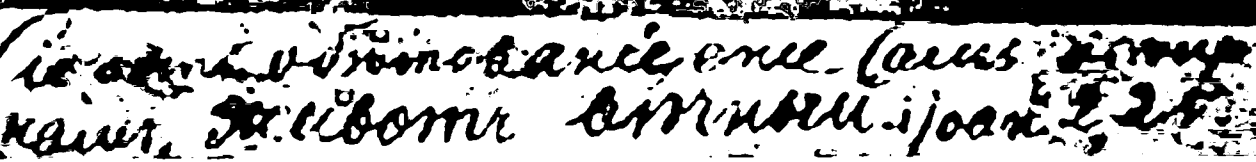
Либо Бога, либо сласти любить, то есть одно что-либо, — оба вместе нельзя: сердце едино и просто. Дух привязанности к земным сластям, жадности к ним есть дух диавола. Без числа испытано.

Фотографические портреты отца Иоанна

43 года назад
молодой священник
Андрейкин Седук
О. Семь Стис,

Мать отца Иоанна Феодора Власневна Сергиева

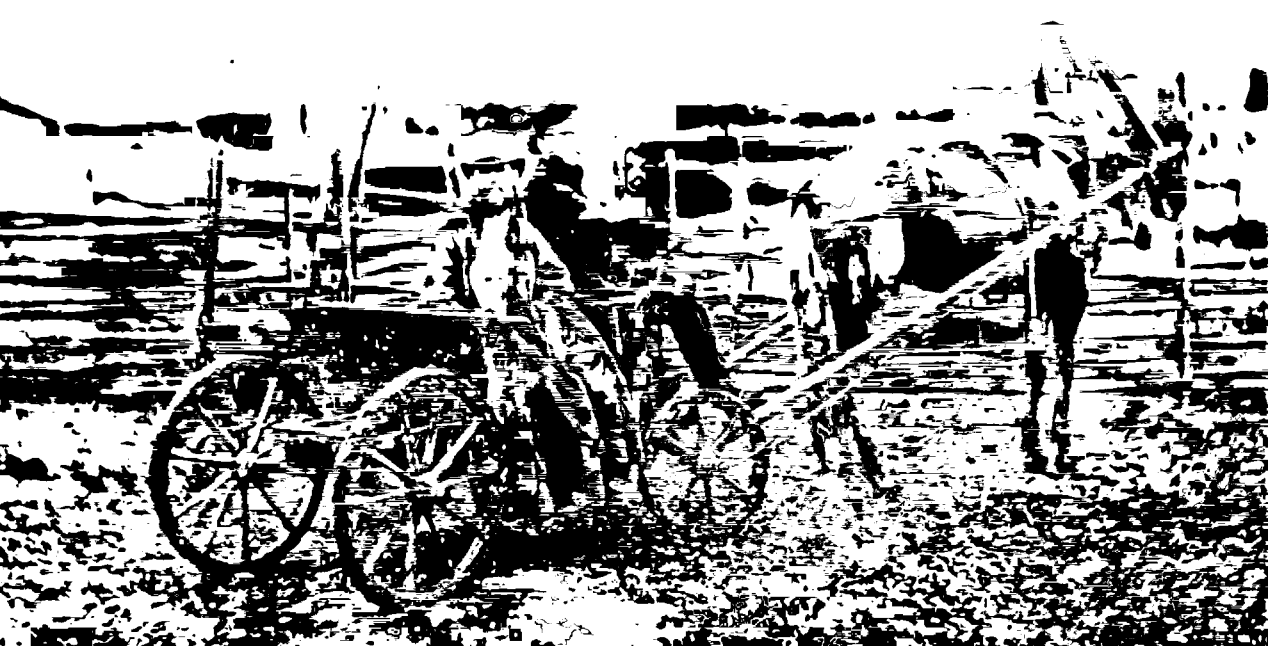

Отец Иоанн на прогулке в окрестностях родного села Сура. 1891 г.
(Фото П.П. Шаумана)

Отец Иоанн в типографии

Возобновители Задне-Никифоровской пустыни отец Иоанн
и иеромонах Геннадий

Отец Иоанн с племянником

Отец Иоанн с супругой Елизаветой Константиновной

Отцу Иоанну преподносят икону святого великомученика
Георгия Победоносца от "Союза Русского народа". После 1905 г.

Отец Иоанн на прогулке

Групповые фотографии

Закладка расширяемых алтарей Андреевского собора. Справа от
отца Иоанна – протоиерей Карп Эльб (священномученик; † 1937)
1 августа 1897 г. (фото ЦГАКФФД)

Отец Иоанн на улице Кронштадта. 1903 г.
(фото ЦГАКФФД)

Кронштадт. Отец Иоанн среди прихожан у здания церкви.
Фотограф К. Булла (фото ЦГАКФФД)

Градоначальник В.Ф. фон-дер Лауниц (справа от отца Иоанна) с
женой и дочерьми принимает высокого гостя в помещении
Управления Петербургского градоначальства
и столичной полиции. Санкт-Петербург
Фотограф К. Булла (фото ЦГАКФФД)

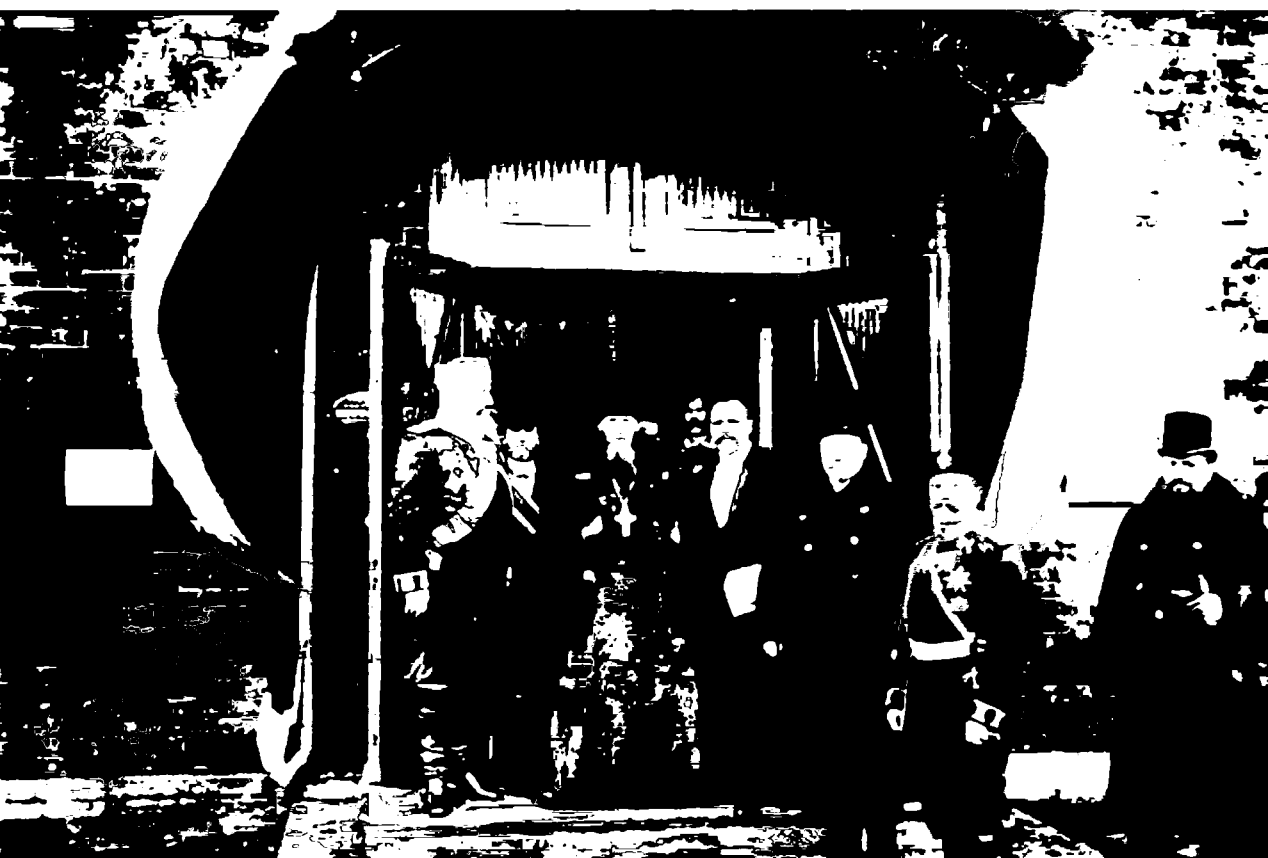
Отец Иоанн с почитателями. 1898 г., Кронштадт.
Фотограф К. Булла (фото ЦГАКФФД)

Отец Иоанн с членами общества Иоанна Кронштадтского.
Кронштадт. 1898 г. Фотограф К. Булла (фото ЦГАКФФД)

Отец Иоанн среди прихожан у Андреевского Кронштадтского собора. 19 ноября 1898 г. Фотограф К. Булла (фото ЦГАКФФД)

В сопровождении полицейских чиновников и других лиц во время посещения Благотворительного базара Санкт-Петербургского столичного Попечительства о домах ночлега. Санкт-Петербург. Начало 1900-х. (фото ЦГАКФФД)

Члены общины Иоанна Кронштадтского у дома православного братства. Кронштадт. 1898 г. Фотограф К. Булла (фото ЦГАКФФД)

Санкт-Петербург. Отец Иоанн среди гостей у протоиерея Алексия Ставровского (священномученик; † 1918, второй слева на переднем плане) в его квартире на Мойке, 27. Фото Ф. Булла (фото ЦГАКФФД)

Кронштадт. Отец Иоанн с группой лиц. Начало 1900-х.
(фото ЦГАКФФД)

Отец Иоанн в парке с группой лиц.
Рядом с ним художник Н. Коразин, автор литографических портретов
отца Иоанна. Конец XIX в. Фотограф К. Булла (фото ЦГАКФФД)

Отец Иоанн на ступенях Андреевского Кронштадтского собора.
19 ноября 1898 г. (фото ЦГАКФФД)

Отец Иоанн при выходе из Андреевского Кронштадтского собора.
19 ноября 1898 г. (фото ЦГАКФФД)

Начало 1900-х. Старая Ладога
(фото ЦГАКФФД)

Отец Иоанн при выходе из соборного храма Староладожского
Николаевского мужского монастыря.
Начало 1900-х. Старая Ладога (фото ЦГАКФФД)

Отец Иоанн на закладке церкви Никифоровской пустыни.
Кронштадт. Начало 1900-х. (фото ЦГАКФФД)

Отец Иоанн на закладке церкви Никифоровской пустыни.
Кронштадт. Начало 1900-х. (фото ЦГАКФФД)

Начало 1900-х. Кронштадт
(фото ЦГАКФФД)

Отец Иоанн с клириками Андреевского Кронштадтского собора

Общий недуг наш — пристрастие к земным благам.

Когда враг раздувать будет в сердце негодование и озлобление на поющего в церкви прихожанина, скажи ему: в псалме сказано: *Пойте Богу нашему, пойте: пойте Царю нашему, пойте* [Пс. 46, 7]. Пусть поют все, кто хочет. Ты, о диаволе, по гордости и злобе своей не можешь петь Господу и хочешь, чтоб и другие не пели, — не будет этого. *Поим Господеви, славно бо прославися* [Исх. 15, 1]. Пение прихожанина — один пустой нелепый предлог бесовский к ненависти против ближнего и к нашему томлению, как пища и питье, особенно сласти, у него служат таким же предлогом к тому, чтобы ненавидели и презирали ближнего. Человекам мирским не утешай, а служащим Богу, поющим Его утешай. Блинов.

Господи! Дажь мне благодать к Тебе единому пылать любовью, к Тебе единому, превозведенному прилепиться всем сердцем, с Тобою, неистощимым источником живота, соединиться и охладети ко всем мирским сладостям и вещам многоразличным. Господи! С Тобою и в Тебе я буду всегда сыт Тобою, одет Тобою, украшен Тобою, согрет Тобою, укрыт от бурь и непогод Тобою, совершенно безопасен Тобою. *Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* [Мф. 6, 33]. Итак, когда берут твое, не раздражайся и не озлобляйся: Бог больше того не в пример может дать тебе; а не дает — значит, и не надо; когда обижают, обирают — терпи и не озлобляйся, а предоставь всё Видящему и Судящему праведно, Тому, Который не имать от нас отступить, ниже имать нас оставить Своим Промыслом и благодеянием [Евр. 13, 5]. Он попускает на нас искушения для того, чтоб мы познали свои страсти и пристрастия душевные — гордость, злобу, зависть, скупость, пристрастие к сладостям и скудость любовь к ближнему, которой нет ничего дороже и которая долготерпит, милосердствует, вся терпит, душу свою полагает за други своя [1 Кор. 13, 4 — 7; Ин. 15, 13]. Сласти презирай: из-за них диавол воюет особенно сильно. Презрев их, уничтожишь силу его.

Как злоба в пост и вообще во время, назначенное для благочестия, увеличивается: каждое действие, каждый звук, шаг ближнего представляется в превратном черном виде и возбуждает злобу. О, мечта! О, безумие ветхого человека и дьявола — врага человеков! Прочь все предлоги к злобе! Да царствует единодушие и любовь!

Ни на кого и ни на что [*не надейся*], кроме Бога.

Каждое слово в служении говори с силою, ударением, душою.

Когда хвалят другого, например бывшего товарища или настоящего, срадуйся как своей похвале. Впрочем, что я говорю? Когда хвалят другого, радуйся, когда хвалят тебя — не радуйся, но поскорби и воздохни о своих грехах и себя считай хуже всех, достойным порицания.

Когда змий адский будет стараться уязвить сердце твое пристрастием к пище-питью, сладостям и жалением их ближнему, тогда ты противопоставь себе нетленную, живую, вечную сладость — Иисуса Христа и Его Божественные Тело и Кровь и говори: вот мое брашно и питье, вот моя сладость, а это — эта телесная пища, эти сласти — гной, потому что все *истлевет от употребления* [Кол. 2, 22], и тело — гной, земля и пепел, и при этом представь себе живо гробы мертвых и могилы. Да еще говори: любовь к ближнему — вот моя жизнь, вот что повелел мне Господь, а повеления Господни на земле — свет и жизнь. Еще говори: Давший бесконечно великое — Себя Самого в Божественных Тайнах, конечно, даст и меньшее — пищу и питье, которые от начала мира доселе не истощились в мире. Еда оскудеет рука Господня? Разве не Господь питал чудною манною в пустыне? Разве не Он послал крастелей²⁷ не на один день пути и больше чем на аршин от земли [Исх. 16]? Разве сладости Господни истощались на земле? Разве сахар оскудел в лавках? Брат или сестра издержат немного, а Господь в десять, двадцать раз больше пошлет, — да если не пошлет, так ладно, потому что не в сладостях, а в Боге жизнь и сласти плотские препятствуют любить Бога и

образ Его живой — ближнего. А какое сравнение образа Божия с тленными сластями, с прахом, гноем? Человек — царь, обладатель всей земли и всех сокровищ ее, всё покорено под ноги его [Пс. 8, 7]. Ни малейшего сравнения: всё земное — ничто сравнительно с душою. *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?* [Мф. 16, 26].

Твердь — потому что небожители Ангелы и человеки — тверды. Подвигоположник Христос смотрит на подвиги каждого, видит и страсти каждого.

Как назойливо в человеке действуют злоба, раздражительность, страх мечтательный, хула, преткновение, малодушие, уныние и прочее: одно за другим так и следуют терния греховные!

Голос не хорош, да, может быть, сердце хорошо: внутреннее Бог знает.

Куда мы идем? В Царство Небесное, в горний Иерусалим идем ли? Не связались ли житейскими похотями и сластями?

Бесноватые люди пока не в церкви, так смирны, а в церкви беснуются, разговаривают, смеются, обуреваются помыслами.

Помни, что в тебе непрестанно действует противник, и непрестанно иди против него, борись с ним в помышлениях, в сердечных движениях, движениях, словах, поступках, призывая усердно имя Господа Иисуса.

Как диавол ратует против ненавистой ему простоты!

Чему научает нас крест? — Любви к ближнему, распинанию плоти своей грешной, снисхождению к недостаткам ближнего, покрытию этих недостатков: *покрыл еси, сказано, вся грехи их* [Пс. 84, 3], — смирению, послушанию, терпению, горнему мудрствованию и презрению дольного.

Если любящие отца, мать, сына, дочь паче Господа недостойны Его [Мф. 10, 37], то что сказать о тех, кои любят больше Его сласти, деньги (например, жалеют Ему их в лице ближнего), одежды или суетные обычаи, забавы,

привычки, игры мирские, зрелища или книги светские больше слова Его, больше Евангелия и вовсе остаются хладными к Евангелию и к Церкви Его, *которая есть тело Его* [Еф. 1, 23], Невеста Его? Всякий подумай об этом хорошенько.

Сердце чисто да твердо в вере и добродетели, так и голос чист и тверд.

Какие бесконечно великие Божественные дары — ходатаи вечной жизни — подает тебе Господь, а ты каких ничтожных даров жалеешь Господу в лице брата — сластей жалеешь, денег? А ведь Господь есть сладость бесконечная и сокровище неистощаемое. Все Его дары — вещественные и духовные, земные и небесные.

Нищих наипаче нужно жалеть, как терпящих различные лишения, и внимать сердобольно голосу нужды их, всегда их жалеть, даже и тогда, когда они обманывают, шалят, крадут, пьянствуют.

Ты, чуждый и злый душе, хочешь, чтоб мы не пели Господу, а мы будем петь дондеже есмы²⁸.

Помни равноправность людей как человеков, как образов Божиих. Дьявол силится привести нас в забвение о достоинстве природы других людей и презорливо обращаться с ними на счет возвышения нас самих; бедных, больных, низкого состояния учит презирать, бегать; богатых, здоровых, красивых, благородного происхождения — уважать, ласкаться к ним. О, как всё в мире извращено, противно Божиим законам!

12 января 1866 г. Страшное пленение случилось сегодня со мною, во-первых, из-за пресыщения, во-вторых, из-за денег на исповеди. О, этот тлен! Негодный! А я-то какой негодяй: после причащения Божественных Таин пресыщаюсь, думаю о деньгах при совершении святого дела, как бы не украли их близ стоящие дети.

Я, окаянный, присно²⁹ Духу Святому противлюсь сластями, гордынею, злобою, завистию, скупостию.

Когда духовные дети кладут деньги духовнику за труд исповеди, тогда приходит на память Симон волхв, принес-

ший апостолам деньги и сказавший: *дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго*, и апостол Петр, сказавший ему: *серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги. Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо пред Богом. Итак покайся в сем грехе твоём, и молись Богу: может быть, отпустится тебе помысел сердца твоего; ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды* [Деян. 8, 19—23]. Не симония³⁰ ли, не святокупство ли у нас совершается при совершении Таинства Исповеди? И как делается виновным пред Богом священник, совершающий исповедь, когда он непрестанно искушается или желанием собрать больше денег с духовных чад, или помыслами о том, как бы не украли его денег те же духовные дети, между коими могут быть всякие? Как парализуется деньгами дело исповеди! Какой простор врагу диаволу ругаться и над Таинством, и над духовником, и над духовными детьми.

Бог дает нам много, а отъемлет чрез ближних немного — для испытания, имеем ли мы взаимную любовь. Ходит к тебе брат есть-пить даром — не пожалей ему ничего, как себе. Немного ему нужно, чтобы насытиться. Помысл говорит: брат получает хорошее жалованье, а ходит часто ко мне есть-пить. Что тебе до его жалованья? Ты принимай его как неимущего и отнюдь не относись к нему враждебно. Это искушение тебе. Бог воздаст тебе за него. Ну лучше разве было бы, если бы брат твой, к тебе ходящий, жил в бедности и имел необходимость всегда есть-пить у тебя и даже просить у тебя себе на одежду? Бог не допустил до этого искушения и его и тебя, и тебе остается радоваться его благополучию, как своему, и благодарить всеблагой и богатый Промысл Божий, о всех пекущийся и всем всё обильно подающий. Брат не щадит, говоришь, твоего, позволяет себе роскошествовать, лакомиться на твой счет, несмотря на твои замечания. Если ты замечал ему и он не исправляется, то предоставь свою обиду и неправду брата Богу, всё видящему и ведущему, и не имей

рвения и досады в сердце. *От взявшего твое не требуй назад* [Лк. 6, 30] и помни во всяком случае, что брат немного захватит у тебя добра в свой желудок, а Бог за обиду силен воздать тебе десятирицею — и воздает всегда.

Пища обыкновенная, плотская растлевает душу, если чуть принята неумеренно; пища Божественная, духовная — Тело и Кровь Христова — укрепляет и умиротворяет душу.

Ни одной йоты не пропускать из Служебника и Требника из того, что говорим на службах и при совершении Таинств. Господи, помоги!

Помилуй меня, Господи, что я пороптал вчера, будто все меня обижают. Не сам ли я даю? Не радоваться ли надо об этом? Не члены ли мы все единого тела? Не образы ли Божии?

Презирать нужно плоть по истине и возвеличивать дух по достоянию³¹, а если будем высоко ценить плоть свою и всё, что для плоти, то унижится — неправильно и [...] для нас дух. Из-за пристрастия к плоти даже Господь Бог и все дела Его унижаются, как бы ни во что вменяются. Какие безумцы говорят: *нет Бога* [Пс. 13, 1]? — Пристрастные к плоти своей, помешанные на удовольствиях ее. Из-за пристрастия к плоти своей презирается мир духовный, с которым мы сродны, в который мы должны вступить по смерти, святые Божии человеки, загробная жизнь.

Не живет во мне, сиречь во плоти моей, доброе [Рим. 7, 18], а всё злое: гордость, злоба, зависть, скупость, жадность, лакомство, блуд, леность, татьба, уныние, своенравие и упрямство и прочее. Не жалеть же ее, а распинать немилосердо, как делателище диавола.

Я — одно зло, одна мерзость греховная; добра столько во мне и бывает, сколько испрошу от Господа, да и то, как в дырявом сосуде, не держится во мне, а готово излиться вон, если Господь не удержит. Всё, что во мне есть доброго, — от Бога. Меня, собственно, нет — я или Бог, или диавол. Возлюбим друг друга и вознерадим о плоти и имении, ибо все мы Божии и всё Божие, а Бог — любовь; возненавидим диавола и грех.

Если много тебе дать — пресытишься, сделаешься жадным, скупым, неблагодарным к Богу, несострадательным к людям. Поэтому надо давать тебе умеренно, чтобы ты надеялся на Бога и не пресыщался, чтобы некоторая скудость была для тебя учителем воздержания и умеренности во всем и побуждением к любви к Богу и ближнему.

Да предходит тебе всюду кротость, смирение, послушание, целомудрие, чистота, воздержание.

Где враг всевает в сердце сомнение, уныние, малодушие, отчаяние, там противопоставляй веру, дерзновение, дух величественный, упование, противься как молния врагу, молниеподобному по быстроте своей.

Говорить «это мое» и присваивать это себе, жалеть другим, когда оно служит им на потребу, есть гордость, самолюбие пустое, ибо всё — дар Божий и всё для человека.

Нет меня, ибо я ложь, по Давиду [Пс. 115, 2] и по своему опыту, мечта. Есть только Бог и Его дарования во мне, или я весь — дарование Божие, ибо душа и тело приведены из небытия в бытие Богом и поддерживаются Богом. Всё во всех Бог [1 Кор. 15, 28].

Дух любви, пристрастия сердца к земному (испытано тысячу раз) есть дух бесовский, именно: пристрастие к красивым телам, к пище, напиткам (коих так много), сластям, деньгам, к блестящим вещам (например одеждам, сосудам, домашней утвари), к земным почестям, гулянью, играм, катанью, светским книгам. Лукавый дух осéтил³² нас со всех сторон. Напротив, дух любви к горнему, духовному — от Бога. Только горнее пребывающе³³ и истинно.

Где стыд и молчание наводит враг, там большее дерзновение и возвышение голоса требуется. Соблюдать это особенно при всенародном чтении покаянных молитв. Изводить в позор³⁴ дерзновением все гнусные грехи, чтобы видно было их безобразие, нелепость, чтобы общее сознание нелепости и мерзости их было карою для них и предостережением от них на будущее время. Чего их жалеть, греть в себе, скрывая в себе? Распинать их громогласным исповеданием.

Тебе хочется петь — и брату твоему тоже; тебе благо петь — и ему тоже. За что же негодовать на брата подпевающего? Пусть подпевает. *Пойте Богу нашему, говорит Давид, пойте: пойте Царю нашему, пойте* [Пс. 46, 7]. Ты же злобу свою, гордость и презорство к брату исторгни с корнем. Много ли вторящих или подпевающих вам? Ты бы еще был благодарен к брату. (Слова сии — правда Божия.)

Мы грешные не имеем истинной любви к Богу и ближнему. Но посмотрим на небо, на светила, облака, на землю, на растения, животных и птиц, рыб — всё и везде проповедует о любви Божией к нам, всё внушает нам взаимную любовь. Но особенно внятно, сильно и величественно проповедует о любви Божией к нам Церковь Божия своим богослужением, своими Таинствами, своими иконами, своими уставами; особенно сильно, внятно внушает нам взаимную любовь Церковь, или Жених и Глава церковный Иисус Христос: *Сие заповедаю вам, да любите друг друга* [Ин. 15, 17]. Евангелие проповедует любовь, Крест проповедует любовь; почти всякий образ, всякое священнодействие говорит о любви. *Тако бо возлюби Бог мир* [Ин. 3, 16]!

Умертвимся Его ради житейским слаstem, да возлюбим Его, Бога нашего, и друг друга, ибо сласти препятствуют любить Бога и ближнего. Сердце единое не может двоиться: или мне, или ему.

Вливай меньше в Святую Чашу вина: вино во многом количестве и превратившееся в Божественную Кровь имеет влияние на ноги.

Ты, хозяин, когда сидишь за столом с своими домашними, между коими есть не родные, или с бедными, считай их имеющими совершенно одинаковые с тобою права на все сладости, предлагаемые на трапезе, и как своих, так и чужих считай даже достойнее себя, ибо ты пресыщен, а они, может быть, едят-пьют с голоду. Всё Божие, не наше. Смиренно, благодарно ко Господу надо вести себя за столом. Все сласти, как бы они вкусны ни были и дороги, считай одинаково за сор, ибо только Божие всемогущество превратило простую землю, воду и воздух в такие сладкие

брашна для нас, и они, послужив человеку, опять будут сором и гноем. Не будь завистлив, жаден и скуп; будь прост; как с собою, со всеми обращай: все — члены одного тела и едино тело. Будь ко всем доброжелателен, чужому благополучию, удовольствию радуйся, как своему. Какая уродливость, дикость, беснование — завидовать чужому удовольствию и благополучию тогда, когда и сами вкушаем его! Это чудовищно!

Может ли быть в раю и видеть блаженство Ангелов и человеков, да и Самого всеблаженного Бога тот человек, который здесь не может видеть равнодушно благополучия, удовольствия ближнего, скорбит об нем и мучится своею завистию? Надо приучить себя здесь радоваться благополучию ближнего, чтобы удостоиться с радостью зреть блаженство праведных; надо здесь делиться своими удовольствиями, например удовольствиями трапезы, с ближними, и особенно бедными, чтобы быть самому принятым к участию в блаженстве праведных! О плоть непотребная, безумная, бесноватая! Презирать, распинать надо тебя непрестанно! Тебя саму надо лишать тех удовольствий, в которых ты завидуешь ближнему.

Если чувствуешь нерасположение и даже ненависть к отцу женину или к матери жениной или к матери мужниной и отцу мужнину, то припади усердно в молитве к Отцу Небесному и проси Его о имени Господа Иисуса Христа 1) исцелить тебя от этого бешенства напрасной ненависти к своим; 2) даровать тебе любовь к своим, как к себе, и почитать их, по заповеди Божией [Мф. 19, 19]. Искренняя, хотя и краткая молитва сейчас будет услышана и исполнена. Так же поступай, когда почувствуешь насилие злобы к братьям, сестрам жениным из-за чего-либо житейского, или к гостям, или к детям чьим-либо, или к нищим.

13 февраля. Господи мой, Господи! Благодарю Тебя, яко ныне в воскресение (Неделя Православия) даровал еси мне совершить добре литургию Василия Великого раннюю и молебен с водосвятительною молитвою совершить непреткновенно. Благодарю Тебя, Владычице,

пребыстрая Заступница, яко Ты спасаеши мя молитвами Твоими. Канон молебный Богородице не ленись читать. Большая польза для души.

Не нужно угождать во всем плоти и давать ей только приятную пищу и приятное питье и благовония — в противном случае она сильно отвращаться будет всех неприятных, простых, несколько грубых кушаньев и напитков и зловония и будет озлобляться на тех, которые бывают причиною этих кушаньев и напитков и зловония. Надо намеренно есть грубую пищу и пить простое питье и обонять зловоние, чтобы приучить себя к бесстрастию, чтобы не огорчаться от грубых яств и зловония, не увлекаться сладостями и благовониями и ни на кого не сердиться ни из-за потери сладостей, ни из-за распространения зловония.

Иному очень мало нужно пищи и питья, а он увлекается своею жадностию и ест-пьет больше и пресыщается. Таков я.

Согрешил я, Господи: не покрыл срама жены моей, но огорчился на нее и оказался нетерпеливым и своенравным.

Вонючим, горьким, грубым надо быть довольным и принимать это как находку, потому что всё это ослабляет греховную силу плоти и дает силу душе; равно грубым обращением другого будь доволен, потому что это смиряет душу, которая от постоянно ласкового обращения расслабевает. А мы, грешные, любим благоухания, сласти, вещи мягкие, нежные или прекрасно, художественно отделанные, и лелеем грешную плоть, и усиливаем ее против своей души, даем сами великую силу гнездящемуся в ней Велиару. Оттого он и увлекает нас часто в гордость, презорство, в злобу, зависть, своенравие и упрямство, в леность, в холодность к Богу и живому образу Его на земле. Берет ли кто сласти наши неумеренно — завидуем и негодуем; причинил ли кто зловоние — раздражаемся и презираем; встречаем ли вещи простые — презираем их по причине простоты; встречаем ли людей просто одетых или даже грубо — из-за грубой одежды всего человека

презираем, хотя душа его, может быть, в ризы позлащены одеяна и украшена любовью ко Господу и к человечеству; грубо ли кто обошелся — сердимся и отвечаем тем же и не думаем о том, чтобы смириться и умолчать, онеметь [Пс. 38, 3].

Сколько предлогов плотских, суетных по нашей изнеженности представляет нам диавол к тому, чтобы озлобляться на ближнего, на самого искреннего, преданного нам! Как же еще доселе мы увлекаемся его причудами, нелепостями! Как не презираем плоть и всё приятное для ней, как всё неприятное не принимаем как бы приятное! Как этого врага нашего, Божьего и ближнего — плоть свою — не презираем, когда она влечет нас ко греху, например к гордости, ненависти, зависти, жадности, скупости, любостыжанию, сластолюбию, к блуду, пьянству, праздности, лени, рассеянности, вольнодумству и прочему!

Святые иконы служат живым напоминанием о Церкви небесной и о том, что мы сами — члены Церкви Христовой воинствующей и должны стремиться всею душою к горнему Отечеству. Где нет икон, там это удобно забывается. Справедливо и почтение, воздаваемое нами иконам: ходя в присутствии Господа, Пречистой Его Матери, святых Ангелов и святых человеков, Самим Богом прославленных, можем ли мы, не оскорбляя Бога, не воздавать им справедливого почтения, можем ли не просить их о милости, о ходатайстве за нас! Кроме того, видя святых на иконах, мы учимся подражать вере и любви их к Богу, их терпению, воздержанию, святости и целомудрию, кротости, незлобию, милосердию. Святые все — олицетворенные добродетели: удобнее и сам делаешься добродетельным, когда видишь пред собою подобострастных себе людей, преуспевших во всякой добродетели. Достойно и праведно мы почитаем святые иконы или, лучше, святых, изображенных на иконах.

Надо останавливаться размышляющим сердцем на словах молитв и отнюдь не спешить чтением.

Если приходит к тебе сверх чаяния часто ближний, не бодешь ли ты его, как вол корову из другого стада, не

бросаешь ли на него злой взгляд, потому что тебе кажется, будто ближний твой пришел к тебе есть-пить? Если так, то ты подлинно зверь, скот несмысленный, который в том и жизнь свою проводит, что ест да пьет да терзает слабых или бодает других скотин. Между тем ты — по образу Божию и должен презирать пищу и питье — эти общие с бессловесными потребности, и горняя мудрствовать, к Богу прилепляться, об Нем помышлять, к Нему возлетать на крыльях созерцания и любви, Им жить, дышать, о Его делах размышлять, Его слово читать, и в сердце содержать, и на деле исполнять, наконец, молиться Ему день и ночь. Ты, как образ Божий, как имеющий разум, смысл, познания, откровение Божие, должен знать и помнить, что все мы — дыхание единого Бога, по Писанию: *и вдуу в лице его дыхание жизни* [Быт. 2, 7]; все от одного человека, от одной крови: *От одной крови, сказано, Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли* [Деян. 17, 26]; все — одно, как единое древо со множеством ветвей, и потому все должны любить друг друга, как себя, и ни против кого не иметь ни единого помысла, ни чувства злобы, или гордости и презорства, или нечистоты, или зависти, никому ничего не жалеть, как не желаем этого ни от кого себе, но всех, кого Бог пошлет к нам, ласкать, беречь, всякому доброжелательствовать, всякому угождать во благое, никому ничего не жалеть, ибо всё Божье, не наше, и все Божьи, не свои: *живем ли — для Господа живем; умираем ли — для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, — всегда Господни* [Рим. 14, 8]. *Вы не свои... Ибо вы куплены дорогою ценою* [1 Кор. 6, 19—20]. *Кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей* [Мк. 9, 41]. А мы все Христовы ученики, Христовы последователи, Христовы дети — оттого и называемся христианами. Помним ли мы это, чувствуем ли всем сердцем всю силу, значение, важность этого названия, дорожим ли им, восхищаемся ли им, ставим ли его выше всех земных титулов? Если же все мы —

Христовы дети, то как подобает жить Христовым детям? В какой любви, в каком единодушии, в каком снисхождении, ибо столько снизошел к нам Владыка Христос; в каком терпении друг друга, ибо столько терпит нас Христос и доселе не погубил нас со беззакониями нашими; в какой чистоте и святости, ибо свят Господь Бог наш, свята Пречистая Владычица наша, Начальница мысленного наздания³⁵, наследия Христова, стада Христова.

Так кротко и смиренно ве́ди себя, чтобы не чувствовать никогда нерасположения или отчуждения и ненависти к ближнему, но чувствовать только расположение: совершенно отвергнись себя, распни самолюбие. Отче Святы́й, внемлющий мне, милующий меня, умиротворяющий меня, благодарю Тебя в Сыне Твоем Единородном, Егоже ради мя слышиши и милуеши, благодарю Тебя Духом Твоим Святым, Духом любви, мира и свободы. Благодарю Тебя, яко от страстей моих избавляеши, от огня и тесноты и омрачения их.

15 февраля 1866 г. Пресвятая Владычица, Мати Живота всех Господа нашего Иисуса Христа, благодарю Тя, яко меня услышала еси, в тесноте, скорби душевной воззавшего к Тебе в квартире рыбака Верзина при собеседовании с монахом Иоанном.

Веруем мы в Святую Божественную Троицу, знаем Ее духовным опытом, да не чтим Ее жизнью своею, делами своими, мало надеемся, ибо надеемся на земное, и мало любим, ибо любим больше земное. Отче, Сыне и Душе Святы́й, Троице Боже наш, научи нас творити волю Твою. Господи в Трех Ипостасях, благодарю Тя, яко познался еси нам!

Дорожи мудрованием Духа, ибо, лишь на мгновение помыслишь о земном, тотчас лишишься бесценного мудрования духа, и пойдет мудрование плотское, которое есть смерть [Рим. 8, 6]. Ни к чему не прилепляйся, всё считай за сор. И Бог всё необходимое подаст, как доселе подавал; мудрование плотское, попечение, заботы, страстия житейские не допускают душу соединиться с всеблаженным Богом и опочить в Нем.

Какая выгода от поста? Большая. Постящийся светлее на всё смотрит; постящийся смирен, он уважает высокие власти, не минуя и низших; он на Господа смотрит с подобающим благоговением, и на Пречистую Богородицу, и на святых. А когда он пресыщен, он никого знать не хочет, и Самого Господа Бога он считает себе подобным, как бы плотным.

Люби всякого брата, как себя, без разбору, а сластей не люби: кто любит сласти, то не любит брата, потребляющего его сласти. Так, брата люби, а сласти презирай, ибо сласти — сор, земля, а брат — образ Божий: для него все сласти, вся земля, даже и небо и престол Божий. Всегда будь ласков, искренен ко всякому брату.

Всемерно берегись, как бы зла за зло ближнему не воздать, как бы не ответить ему грубостью на грубость или грубостью за частое и неблаговременное посещение или за взимание наших сластей, наших вещей, и пр., или за злобу злобою, за гордость гордостью, за обиду обидою. *Не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство* [1 Пет. 3, 9]. *Пекитесь о добром перед всеми человеками* [Рим. 12, 17]. *Не оставайтесь должны никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон* [Рим. 13, 8].

Кому и в чем мне завидовать? Бог всё во всех действует — и в брате, и во мне: всё благое — Его, от Него и для нас, а мы — одно. Один имеет такое дарование, другой — другое. *По данной нам благодати, имеем различные дарования* [Рим. 12, 6]. Дух Святой разделяет каждому особо, как Ему угодно [1 Кор. 12, 11]. Всевластному и всемогущему, всеблагому и премудрому, зиждительному³⁶ Духу будешь завидовать, безумный? За всё благодари Бога! Всё — Его дары нам, непотребным.

Бодрствовать с людьми Божиими на исповеди — прекрасное, духовное, боголюбезное, полезное и здоровое для души и тела занятие. Торопиться домой, право, незачем. А есть лишнее дома тоже, право, не для чего; лучше оставлять после себя побольше.

Ведь ты пришлец в этом доме — всё чужое ешь-пьешь. Будь смирен, кроток и незлобив и не рей³⁷ рогами своими.

Будь спокоен, когда берут доставшееся на твою долю: ничего твоего нет: Бог дал — Он и берет, как Ему угодно: иногда чрез ближнего — доктора, гостя, родственника, иногда чрез пожар, потерю, кражу или иначе как. Покоряйся безропотно, без рвения, без ярости. (Всё во всех Бог [1 Кор. 15, 28].) Не бери на себя много.

Человек — живое изображение Божие: благоговей пред ним, как пред Богом, служи ему, как Богу, терпи ему, как Богу, носи его немощи, как Божьи, молись за него, когда он тебя обижает. Но не смей на него озлобляться, пред ним гордиться, надмеваться, унижать его, попирать его. Тебе, ученому человеку, стыдно забывать, кто таков ближний твой, кто таков ты. Помни свою нищету духовную. О, как ты нищ, окаяннен, беден, слеп, наг [Откр. 3, 17]. Всё, что есть несколько доброго, — от Бога, а всё худое — свое; а сколько этого худого?

Когда ближний обижает, онемей пред ним в сердце и устами, и да помолится о нем душа твоя, а не кипи на него негодованием и гневом. Когда неисправен брат, кротко заметь ему, без рвения и смущения. Старайся быть смиренным, кротким во глубине души, благим во глубине души. Брось привычку к гордыне, злобе, раздражительности. *Престани от гнева и остави ярость: не ревнуй, еже лукавновати* [Пс. 36, 8].

Когда, чувствуя свою греховность, находишь потребность искренно и со слезами помолиться Богу, но, начав молиться и умиляться духом, будешь потом чувствовать расположение ко сну, холодность в молитве, вялость, нечувствие к словам молитвенным, — знай, что это враг строит над тобою козни, усиливаясь удержать тебя в плену своем; преодолей непременно расположение ко сну и с теплым, чувствующим сердцем помолись Господу Богу твоему, или Владычице Богородице, или Ангелу Хранителю.

Всего отщетись³⁸ сердцем, только душу свою береги; всё оставит тебя — душа одна вечно с тобою останется да дела ее.

Как это ты, образованный, умный человек и еще священник, а позволяешь господствовать над собою страсти сластолюбия и сластоядения? Как ты позволяешь господствовать над собою твоей плоти, этой рабе бездушной, этому праху, гною, тлену? Как ты, будучи священник и лучше всех зная любовь Божию к человеку и жертву этой любви — страдания и смерть за нас Сына Божия и заповедь о любви: *любите друг друга* [Ин. 13, 34 и др.], из-за сластей нарушаешь эту любовь к ближнему? Отчего ты не охладеешь, не притупеешь к сластям? Отчего не возымеешь горячую любовь к ближнему? Господи! Помоги. Пристрастие к сластям — жало диавола, дело в нашем сердце врага.

Владычице Пречистая! Благодарю Тебя, яко Ты услышала молитву мою в сердце в квартире рыбака Верзина и помиловала меня, умиротворила меня. 17 февраля 1866 года.

Всякая добродетель укрепляется практикою, делом. (Древо познания добра и зла — гимнастика для первых людей.) Ближние с многоразличными нуждами, духовными и телесными, — гимнастика для любви. Любишь Бога — докажи это на ближнем, образе Его. Злые страсти — практика диавольская, его гимнастика.

На свет Божий, на блага мира, на людей мы смотрим чрез очки врага душ наших — диавола, гнездящегося в сердцах наших чрез различные страсти и пристрастия житейские. Надо всемерно стараться очистить сердце.

Надо отвергнуться себя, оставить свое плотское мудрствование, свой образ воззрения на вещи, на людей и воспринять мудрование Божие, библейское, евангельское, сквозь очки Евангелия смотреть на всех людей, на все вещи в мире, ибо этот единственно взгляд истинный, светлый, здравый, животворный. Взгляд плотской, мирской — ложный, мертвенный взгляд: он мертвит душу, хотя и оживляет плоть.

Из-за чего мы враждуем на ближнего, что ближний берет наше? Сыты мы, одеты, живем под теплым кровом, всё необходимое имеем. Не избыток ли наш, который единственно по щедротам Своим даровал нам

Господь, без заслуг наших, берет у нас ближний наш? Не то ли, что нам не нужно? Подлинно так. Ну так и Господь с ним. Господи! Как мы безумствуем, будучи одарены от Тебя разумом! Как мы, столько Тобою возлюбленные и получившие от Тебя заповедь о взаимной любви [Ин. 13, 34 и др.], враждуем между собою по воле врага из-за суеты, из пустого, из ничего! Что должно бы нас соединять между собою и увеличивать взаимную любовь, ибо всё у нас — Твое, всё обильно подается, — из-за того мы враждуем, ненавидим, яримся. За то-то и суд будет страшный. Обижают тебя? Терпи, как Господь терпит тебе, твоим грехам, имже несть числа, и всему миру прелюбодейному и грешному.

Или один Господь, или мы все господа? Мы живем так, как будто мы все господа и у нас нет Господа: кто во что горазд, друг друга превосходим в злобе.

Смотри: ты делаешься любителем сластей, любителем денег, вообще земных благ, а не любителем душ, не любителем ближних, не любителем Бога. Гибельное заблуждение! Ведь всё для человека, нелепый! Всё должно служить ему. Зачем извращаешь порядок Божий?

Когда нам бывает жаль ближнему сластей и мы яримся на него, что он берет самовольно эти сласти во множестве, тогда воюет против нас исконный человекоубийца, а мы, по заблуждению, озлобляемся на ближнего, почитая его врагом своим: так дурачит нас враг.

Также озлобляемся за что-либо (из-за пустяков, мечты какой-либо) на брата и думаем, что брат — враг нам, а между тем опять враг смеется над нами, то есть диавол, ибо все мы — одно, по одному образу Божию, от одной крови, одну Главу имеем — Христа.

О чужих промышляешь, чужим даешь даром, хотя и бедным, — как же о своем-то брате не промышляешь? Чужим не жалеешь — как ему жалеешь? И какой бездельцы? Не будь это сласть, а деньги, что всё равно, — и не подумал бы жалеть. А о сестре? Что ее, больную, не навестишь?

Помни, что всех людей на Божий лад не исправишь, и потому не горячись, а терпи. А самовластия человеческого и Бог не отнимает.

Глаголи ты беззакония твоя Богу, да оправдишися [Ис. 43, 26]: говори срамные грехи свои, чтоб оправдаться. Не выскажешь, постыдишься ложно — и не оправдаешься, не очистишься.

Что блудная нечистота, что страсть к слятям — дело одного дьявола, и потому презирать сласти, да не в блуд впадешь, да не скверны деются в нашем сердце.

20 февраля 1866 г. Господи! Благодарю Тебя за преизобилие благодати Твоея, излианной Тобою в душу мою после причащения животворящих Твоих Таин во время литургии и после нее. (Воскресение Второй недели Великого поста.) Благодарю Тебя за обилие мира, легкости, сладости, чистоты, света, дерзновения. Но что было со мною вчера, когда я причащал за ранней триста пятьдесят человек! Какая тяжесть, какое уничижение лица, теснота! Да и после обедни, и во время проповеди, и потом.

Говорил, что надо бросить злую подозрительность, а сам опять впадаю в нее. Чего я спокойно не служу? Чего я выдумываю зло, коего нет в ближнем?

Доколе мы будем обращать внимание на внешность — на одежду, на выправку — и не будем радеть о внутреннем исправлении своего сердца? Доколе будем гоняться за блеском внешним, а душу свою оставлять во мраке греховном, во мраке страстей? Доколе из-за пустяков будем унывать? Где бодрость, мужество, дерзновение, упование? Ведь малодушие и уныние есть грех, особенно во время богослужения.

Для чего одни богаты, другие бедны? Для того, чтобы дать место добродетели, например милосердия. Я не имею — ты имеешь и удовлетворяешь мою нужду и оказываешь мне этим любовь, даже больше — Христа должником делаешь. С какою же радостью, охотою, с любовью и благоговением надо подавать милостыню!

Или: ты имеешь известную сладость — у меня нет ее; но ты, любя меня, как себя, хотя и очень любишь эту

сладость, однако же с охотою даешь ее и мне, потому что меня не меньше ее любишь или, лучше, — за большую сладость и счастье и долг считаешь любить меня, чем сладость, считая сладость за ничто, а меня, для которого созданы все сладости, ценя бесконечно выше.

Или: ты имеешь известную прекрасную, драгоценную вещь, вместе и весьма полезную, — у меня нет ее, но ты, любя меня, как себя, хотя и очень любишь эту вещь, однако же с охотою даешь ее и мне, потому что меня любишь не меньше себя или этой вещи, которая, конечно, не может быть сопоставлена с человеком — существом бесценным, и за большее удовольствие считаешь порадовать меня этой драгоценностию, чем наслаждаться ею сам, считая эту драгоценность за ничто, а меня, для которого все драгоценности и который сам драгоценнее всех их, ценя бесконечно выше. Кто на земле сладость из сладостей, драгоценность из драгоценностей? — Человек. Когда он ест сладость, он ест свое; когда он пользуется драгоценным, пользуется своим, только бы в пользу души. А сладость его, драгоценность его — Христос.

Пишут к нам письма из разных мест родственники, друзья, товарищи, знакомые, и по этим письмам чиним мы исполнение; разные правительственные места сносятся между собою письменно и исполняют взаимные предписания, — этой чести не делается только письму Господа нашего Иисуса Христа или Его апостолов духовных: пишут, пишут нам к исполнению, а мы и ухом не ведем; говорят, говорят нам их приказы, а мы затыкаем уши. Публикуют царский манифест — и все с жадностью вслушиваются в каждое слово и стараются исполнить его в точности; публикуют манифест Сына Божия Иисуса Христа ежедневно к немедленному и точному исполнению — и нет исполнения. За великое счастье почитается в мире получить царский рескрипт³⁹, особенно с подарком царским; Сын Божий послал нам Свой рескрипт, и в том рескрипте бесценный подарок — Царство Небесное, и этого рескрипта многие читать не

хотят и от бесценного подарка его оказываются — из-за чего? Из-за того, что, вишь, понравился очень людям земной прах. Как вам это покажется? Пусть бы не было у людей разума, пусть бы они были умопомешанные, а то ведь разумны и все имеют здравый смысл. Чего же мы, братия, будем достойны за свое пренебрежение к Божиим дарам?

Любовь к земному прокрадывается в сердце различно: то в виде блестящей одежды для служения или одежды вообще для ношения в мире, то в виде желания великолепной квартиры, или мебели, или столового прибора, или книг в богатых переплетах, то в виде желания сладкой пищи или одежды, или жадности к ближнему денег, пищи, одежды.

Кроме любви к земному, враг часто смущает и прельщает нас ненавистью к ближнему; это делает он в нас 1) чрез пристрастие к земному, 2) делая в нас забвение о том, что человек есть образ и подобие Божие и ближний наш совершенно как мы и от одной с нами крови происшедший, и 3) производя в нас гордость или высокое о самих себе мнение, а о ближних — низкое мнение, тогда как они равноправны с нами как человеки, как по образу Божию сотворенные, Сыном Божиим искупленные и возглавленные, имеющие такие же высокие обетования, то же упование, как и мы.

Человек сам в себе чрез грех раздвоился, рассорился: ум с сердцем, сердце с волей. Ум говорит то, сердце чувствует и делает другое, противное; свободная сила отказывается повиноваться уму. Потом человек разошелся и с ближними, которые должны быть близки к нашему сердцу, как мы сами; потом и с Богом сердца нашего, источником живота.

Бесконечный в малом образе — Бог в человеке — как солнце в капле воды. Досточтимость и достолюбезность человека.

Смущающему тебя диаволу говори: не внимаю тебе, *яко ложь есть и отец лжи* [Ин. 8, 44].

Помни: *если я раздам все имение мое... а любви не имею... то я ничто* [1 Кор. 13, 2 — 3]. Люби всякого ближнего как образ Божий, как сочлена, хотя и смердящего

струпамии страстей. *Друг друга тяготы носите* [Гал. 6, 2]. Презирай грехи других.

Будь хозяином в церкви. Посмотри, какими хозяевами бегают приказчики в лавках.

Пристрастие к сладостям и вообще к земному есть болезнь души, и надо молить Врача душ наших, чтобы Он исцелил ее, и дал силу, решимость не прилепляться к земным благам. Пристрастие к земным сладостям есть беснование, как и к одеждам; оно отчуждает сердце человека от Бога и ближнего, поселяет вражду против Бога и ближнего.

Когда будут тебе стужать помыслы о изящном облачении в священные или домашние одежды, говори: Христос — облачение мое, по Писанию: *все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* [Гал. 3, 27], ибо грешная плоть беснуется любоодеянием, да отвратит душу от духовного одеяния, да совлечет с ней одежду правды Христовой и оденет ее в срамное и смрадное рубище страстей. Плоть моя — это не я: это земля, а я — душа моя да ближнего: *мы многие одно тело* [1 Кор. 10, 17].

Не наслаждаться, а страдать должно. Чем больше и лучше или изысканнее сластопитается плоть, тем она более ярится против нищеты и нищих.

Господь Иисус Христос неисчетное множество грехов твоих прощает, духовные проказы исцеляет. Потому нищим давай как можно больше о имени Христовом, ибо бесконечно много Он прощает тебе, подает даров много-различной милости тебе.

С светскими и военными людьми, с знатью надо ссориться — иначе нельзя: они совсем забылись. По головке гладить их, льстить им — большой грех. Явятся, пожалуй, мудри о себе⁴⁰, как и есть. Надо на каждом шагу доказывать им, что они глупо ведут себя. Выдумали своеобразную, совершенно противуевангельскую жизнь. Сибариты, монголы. *Приложи им зла, Господи, приложи зла славным земли* [Ис. 26, 15].

Одно мы — образ Божий, любовь, а всё земное — сор; всё — Божье и все — Божьи. Вражда — мечта дьявольская.

Враждою ли Богу я плачу за дары Его богатые, ибо вражда на ближнего есть вражда на Бога? Ближнему, как Богу, отдавай долг благодарности.

Даром получаешь — даром и давай. Да помни, что ты — священник и вкушаешь часто небесный Хлеб нетленный. О брашне ли гиблющем ревнуешь? Имея истинную жизнь, о мечтательной ли ревнуешь? Жаление пищи и питья, сластей — одна чистая злоба дьявольская. Да помни, что прилепляться к мечтам — грех, идолопоклонство, от Бога удаление; презирать их надо. О, жало! О, огонь адский! О, яд бесовский! То и дело бесов, чтобы держать нас во вражде на ближнего, а в любви к сластям и к разным вещам века сего. Ибо это всё — идолопоклонство, Бога оставление и твари служение и с тварью, паче же с ними, окаянными, сочетание.

Как можно допускать такую глупость: равнять пищу, питье, деньги, одежду с человеком! То сор, а человек — образ Божий, царь всего, обладатель. Господи! Благодарю Тебя за истину сию, за водворение ее в сердце моем! Всё под ноги человека покорено.

Сам я, недостойнейший паче всех, ем-пью даром дары Господни, с жадностью, сколько хочу, сладко или то, что получше; конечно, я согрешаю в этом, но по крайней мере я должен совершенно равнодушно смотреть на брата моего, ядущего и пьющего туне у меня хотя и мое по видимому, но в самом деле Божие, или с таким же удовольствием смотреть на него, наслаждающегося от моей трапезы, с каким удовольствием сам ем-пью. Таким образом я сохранил бы любовь к брату, которой нет ничего дороже и которая покрывает множество грехов [1 Пет. 4, 8]. А теперь мы озлобляемся на брата, туне ядущего и пьющего часто наше, или Божие. Мы втройне грешны — и в лакомстве, и в пристрастии к сластям, и в нелюбви к ближнему.

Порешено: ничего не жалеть, ибо всё не наше — Божие, и ближнего любить, как себя. Господи, помози!

Проклинаю в себе эту медленность, вялость, одичалость к добру и поспешность, силу, свойственность ко

злу; этот стыд добра и бесстыдство иного зла, боязнь смирить, унизить себя, когда уничижение было бы возвышением, и страстное желание возвысить себя, когда возвышение есть унижение; это рвение злобы, вместо которой надо бы было иметь всегдашнюю ласку; эту зависть, когда надо бы быть искренно доброжелательным; эту скупость, когда надо быть щедрым; это любостязание, когда надо быть христоролюбцем и ближнелюбцем; земнолюбие, когда надо бы иметь неболюбие; сластолюбие, когда надо бы иметь святолюбие; боязнь, когда надо бы иметь дерзновение; лукавство, когда надо бы иметь простоту; нечистоту, когда надо бы иметь солнечную чистоту; хулу, когда надо бы немолчно восхвалять Господа и святых Его; леность, когда надо бы иметь усердное стремление к исполнению всех заповедей Божиих и дел своего звания. *Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?* [Рим. 7, 24].

«Скорби» — от слова «скребу». Для грешников они необходимы, как очистительный огонь, как очистительная скребница; для праведников они испытание и умножение тяготы вечной славы — или, да быв искушены сами, могли и искушаемым помогать, например Пресвятая Дева Богородица, все святые, все они: апостолы, пророки, мученики, святители, преподобные, праведные и все святые. С дерзновением и упованием да обращаемся к ним, прося их молитв к Богу о ниспослании нам утешения в скорбях и очищения грехов и укрепления в добродетели.

О тленная пища и питье, тленные сласти, одежды, деньги! Сколько из-за вас греха, бед в мире! Сколько из-за вас бывает похищений и убийств с одной стороны, сколько слез, скорби, терзаний, рыданий с другой — со стороны изобиженных! Сколько ссор, тяжб! Сколько жадности, скупости, зависти, нередко суетных трудов и потов, сколько пересудов! Какое забвение из-за вас обязанностей христианских и того, что едино есть на потребу! Как холодны из-за вас сердца человеческие к Богу, к

ближнему, как лукавы, жестокосерды, несострадательны, убийственны! О, земное стяжание! О, когда мы, христиане, будем выше земного и вешного желания!

1832-й год.

1866-й год.

Христиане — граждане небесные, на земле для неба должны жить. Сколько переселилось с земли на небо блаженных и святых! Они ждут нас к себе. Для чего лики святых изображаются в церкви? Чтобы напомнить нам о Небесном Отечестве и возбудить нас искать горнего.

О чем иногда люди заботятся? О том, чтобы лицо было попухлее да порумянее да руки тоже, да чтобы осанка их была величественнее, красивее, да походка тоже. А христианин должен молить Бога, чтобы Он просветил лице Свое на раба Своего и научил его оправданием Своим, а стопы его направил по словеси Своему, да не обладает им всякое беззаконие [Пс. 118, 135, 133]; о внешности же раб Христов очень мало помышляет: всё его внимание обращено внутрь его — в сердце, чтобы его сердце было ново и дух нов.

О, какие ужасные бедствия произрастают от сладостей! Какие злобы, гордыни, тесноты, исчезновения!

Хлеб наш насущный даждь нам днесь [Мф. 6, 11]. Хлеб — пища-питье — есть дар нам Божий, поэтому тем охотнее должны делиться им с ближними, если бы и даром ближние брали; *нам* — значит, он достояние общее; *днесь* — значит, о будущем пропитании беспокоиться нечего: Отец Небесный знает наши нужды.

Не питай к человеку неприязненного чувства за его, по-видимому, сердитое выражение лица: у него такая физиономия от природы. А если и сердитое на самом деле, то победи сердитого ласковым обращением.

Со страхом призывай имя Господа, Божией Матери, Ангелов и святых: ты нечист — они святы.

Что такое ад? Ужасное мучение. Око не виде, ухо не слыша, на сердце не взыдоша, ни один член наш не осязал тех мучений, которые уготованы противникам Божиим.

Единая любовь к Богу и ближнему. Надо презирать любовь к себе, к плоти своей; надо распять любовь к плоти своей — *презирати плоть*⁴¹. Испытания препобеждать — они от диавола: диавол действует в людях к нашему искушению, раздражая нас.

Слишком уважал ты доселе плоть: отныне слишком презирай ее, противницу любви Бога и ближнего. О, сколько я презирал Бога и ближнего, сколько уважал плоть!

Пост — осуществление требования евангельского: иже⁴² Христовы, должны распять плоть со страстями и похотями [Гал. 5, 24]. Наказания должны служить к тому же.

Когда состоятельный брат ест наши сласти, плоть говорит: он имеет свое и ест твое, а у тебя есть бедные родственники, им надо, — не верь ей: всем достанет. Пленник сластей.

Люби Бога и ближнего, сказано [Мф. 22, 37, 39; Мк. 12, 30 — 31; Лк. 10, 27], а не сказано: люби себя, потому что себя надо отвергаться для любви Бога и ближнего, себя надо любить в Боге и ближнем.

О, какая война лютая из-за сластей! Сласти — тля, потому что тлят душу мою, они хуже, смердящее всякой тли. Из-за сластей враг еще ночью пленил меня во сне, и доселе я в плену его нахожусь.

В существе дела, сласти тот смрад, которого мы отвращаемся в отхожих местах; тела сластолюбцев будут все так смердеть! Смотри же на сласти как на смрад, как на тление.

Сласти изгоняют из сердца Духа Божия и делают человека плотским. Что содомлян довело до всевозможных непотребств? Сласти и пресыщение. Досыта никогда не наедайся — и будешь в выигрыше духовном. Сластей избегай.

На развалинах чувственности, на распятии чувственности возникает любовь к Богу и ближнему и обновление духа, а без этого не может быть в сердце истинной любви и обновления. Потому пост необходим. При посте необходима милостыня, ходатаица милости Божией нам недостойным.

О, как доселе во мне Духа Божия, Животворящего, правого, нет, как надеюсь на сласти!

Если не сластями, то деньгами, не деньгами, так страстью к щегольской одежде,— не этим, так страстию к светлой, богато меблированной квартире,— не этим, так страстию к светским книгам, или театрам, или к вечерам веселым, к картам, вину пленяет нас враг, а часто многими сетями вместе опутывает. И потому надо трезвиться и бодрствовать и крайне умеренно употреблять сласти или вовсе их избегать.

Душа в душу старайся жить с домашними и со всеми благочестивыми. *У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа* [Деян. 4, 32]. Вот образец жизни семейной и общественной.

Отец Павел о воздаянии к родителям хорошо говорил.

Сластям ты вместо Меня предался и виновнику их диаволу — пусть они тебя и спасают. Познай, каково работать им: дают ли они жизнь, покой, свободу сердцу, даже и здравие телу? Предашься Мне — буду заступать и спасать тебя, как зеницу ока хранить.

Выгода уповающих на Бога: мирен он, свободен, исполнен дерзновения, прямо смотрит в лицо, никого и ничего не боится; а невыгода уповающих на блага мира сего и вообще преступающих заповеди Божии: беспокойны они, связаны как бы железными узами, страстями, избегают взоров человеческих, боязливы: их тень пролетевшей птицы пугает, всех и всего боятся.

Для тебя ловушка, сеть — сласти, и для брата твоего тоже; ты прельщаешься — и он: ведь у вас одна природа; к себе снисходишь — и к нему снисходи, да помни, что всё туне от Бога получаем.

Пристрастие к сластям и вообще к земному необходимо бывает причиною презрения Господа Бога и всего божественного и презрения ближнего. Опыт непрестанный подтверждает. Почему это? Частию по самому существу дела: где преобладает плоть, там дух бессилен, — и по козням диавола, находящего верное средство в пристрастии нашем к земному отвратить от Бога и небесного,

ибо дух наш — простое существо, к одному чему-либо может прилепяться, а двум господам работать не может.

Сласти и особенно пресыщение отчуждают душу нашу от Бога, Богоматери и всех святых, от молитвы и слова Божия и всего духовного и спасительного и делают нас плотскими, жилищем и делательщем злых духов. Наслаждайтесь и пресыщайтесь после этого, если хотите!

Тамо устрашишася страха, идеже не бе страх: яко Бог разсыпа кости человекоугодников [Пс. 52, 6]. Не думай об утощении людям, а Богу — и не будет страха.

Всё Божие, не наше, и потому отнюдь ничего никому не жалеть — ни богатому, ни бедному (якоже себе, всякого люби: душа одна), но считать всё за сор, а любовь взаимную считать выше всего на свете. Все неправды, обиды переносить с радостью, погрешности терпеть любовью.

Гармония душевная бесконечно выше гармонии телесной, вещественной. Гармонию душевную всемерно соблюдай — мир душевных сил и стройное их действие.

Похоти плоти: эта пища нехороша — лучше давай; эта одежда нехороша — лучше давай; эта мебель нехороша — лучше надо купить; эта лошадь не статна, не борза — лучше надо купить; экипаж нехорош — лучше надо. И сколько противления, злого рвения бывает, когда нам противятся высшие, старшие в наших похотях! Всё мечта.

Иногда человек слаб, уныл от пресыщения, а он еще ест-пьет, еще ему говорят: поешь, попей — легче будет. Безумие к безумию!

Сорокадневным постом Господь победил диавола — вот ему и зло число сорок, или слова «четыредесят дней».

В дух-то Христов войди, носи тяготы, грехи, страсти, погрешности, обиды ближних, как Христос терпел всё, как Он носил наши тяготы.

Исполняй заповеди Божии о любви к Богу и ближнему — и всё приложится тебе. Не дерзни враждовать на ближнего, на брата, что он ходит есть-пить твое, но терпи его любовью: Господь за него воздаст, он — Божий, Христов.

Знает мать, сколько надо готовить пищи и питья на семью свою,— Отец ли Небесный не знает, сколько Ему нужно приготовить на семью человеческого рода? Он изобильно всё приготовляет, только богачи по пристрастию и жестокосердию удерживают дары Божии, удерживают хлеб, одежду, кров бедных. Ты, богач, хочешь быть здоров и счастлив, тогда как ты захватил всё в свои руки и задыхаешься от пресыщения. Нет тебе здоровья! Не стоишь ты его!

Как только ближнему пожалел сластей — так и охладел к нему, так и сердце не лежит к нему. Не жалеть ничего, а жалеть всегда ближнего, жалеть и тогда, когда он нас объедает, обирает по алчности своей, жалеть тогда тем больше.

Какая благодать от воздержности: и служится легко, и борешься легко с сопротивными силами и страстями, и побеждаешь удобно, и простор с миром в душе, и веселие в сердце и на лице, и молиться легко!

Ты молишь Бога, чтоб удалил от тебя тунеядцев,— зачем осуждаешь брата в тунеядстве, когда сам ты первый тунеядец у Бога? Если никто даром у тебя не будет есть-пить, так и ты не ешь-не пей даром. А то ты и дома ешь-пьешь даром Божье, и в гостях любишь есть-пить чужое. *Врачу, изцелися сам* [Лк. 4, 23]. Согреших ко Господу!

Как в Пресвятой Троице Три Лица единосущны и равны и все свойства, кроме личных, у них общие, так и все люди должны быть единосущны, одно сердце и одна душа, и всё у них должно быть общее, кроме тел и личных свойств; всё должно служить общему благу, сверх частного: имение, ум, сила, способности, власть. *Мы многие одно тело* [1 Кор. 10, 17]. Поймем это. Не будем смотреть на то, что тот богат, а этот беден, когда нужно оказать любовь: равно богатому и бедному окажем благо-расположение, да любовь всех стяжем.

Оскорбляя какого бы то ни было ближнего туне, я оскорбляю Бога, ибо брат — образ Божий; оскорбляю Божию Матерь, ибо Она — Матерь наследия Сына

Своего и Начальница мысленного наздания — Церкви³⁵; оскорбляю святых Ангелов, как едину Церковь составляющих с нами, оскорбляю святых Божиих человеков, составляющих едино тело Церкви; оскорбляю всё живущее на земле человечество, ибо всё оно от одной крови, оскорбляю особенно христиан православных, составляющих единое тело между собою. Страшно оскорблять, ужасно, преступно оскорблять ближнего! Лучше тысячу зол вытерпеть от ближних, чем их напрасно оскорблять или на них озлобляться и с диаволом против Бога и ближнего совокупляться. Прости мне, Господи, согрешение мое. Дажь мне ни единому же из ближних должному бывать (например, грубостию, завистию, скупостию), *точною еже любити друг друга* [Рим. 13, 8]. Злоба на ближнего из-за чего бы то ни было, например из-за пищи и питья, денег, из-за какой погрешности, обиды, огорчения, есть дело диавола, сам диавол. Потому бойся злобы, потому терпи, смирайся, нудь себя к кротости и незлобию, покрывай грехи ближнего любовью. Проси помощи у Господа. Господи, помоги!

Если позамечаем над собою, над своими страстями и пристрастиями, то заметим, что диавол глубоко засел, вгнездился в нас чрез пристрастие наше к пище-питью, сластям, одежде, жилищу, обстановке, к деньгам и прочему, так что из-за этих земных пристрастий он совсем отторгнул нас от горнего Града и его благ, от любви к Богу и ближнему. Вот почему надо презирать плоть свою и всё земное, да поперем диавола, сильного нашими пристрастиями к земному, да возлюбим всем сердцем Бога и ближнего.

Если лукавое, жадное и скупое сердце будет осуждать брата в тунеядстве, скажи себе искренно: я тунеядец, а не брат мой; или: и я, и он — равно оба тунеядцы, оба Богу обязаны, а не друг другу. Заплатим же Богу долг взаимною любовью, снисхождением и прощением друг другу и возлюбим Бога всем сердцем. *Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем* [1 Ин. 4, 16]. Считай себя первым грешником, первым

тунейдцем, отребьем мира, не стоящим куска гнилого хлеба за гнилость сердца своего смердящего, за гнилость дел своих, а всякого ближнего почитай.

Господи! Ты видел свершившийся в душе моей обет не враждовать против брата моего [Константина]. Сам его соверши и запечатлей, Сам силу подай совершить его. Февраля 24-го дня 1866 года.

Все мы одно, все мы должны быть любовь. Господи, даруй!

Сердце чревоугодника и пресыщенного не с Богом и не с ближним, а с яствами ведается и любовничает, и как нельзя любить вместе два разные предмета, то Бога и ближнего (образ Его) оно не любит и враждует против них, а сласти любит смертельно.

Доселе у тебя всего было довольно и ты был здоров на своей службе — из-за чего ты враждовал ради сластей на старца отца? Всё Божье. А какую усердную слугу — дочь свою — он приготовил и отдал тебе! За это одно он стоит всю жизнь самой горячей любви и почтения. Какой высший дар кто может дать тебе такой, как прекрасная жена? С нею всё благое к тебе пришло. И отца, и ее люби неизменно, а Господа Бога, давшего всё это, паче всего.

Жена моя — его исчадие, место — бывшее его место и им сданное мне с дочкой, — кругом я в его милости: за что же я буду его ненавидеть? Безумно, нелепо. Я должен за счастье считать любить его, с детскою ласкою приветствовать его, угождать ему во всем. Буди, Господи!

Плоть лишаемая беснуется, а угождаемая — успокаивается. Но надо для блага души лишать ее.

Все блага земные — пища, питье, деньги, одежда, жилище, все вещи — сор, и тела наши — сор, и грехи человеческие — сор, их погрешности и насилие вражие — сор. Господь и душа, любовь к Богу и ближнему — вот что бесценно! *Мы многие одно тело* [1 Кор. 10, 17]!

Насиловал меня во время приобщения мирян Святыми Тайнами диавол злобою на одного погрешившего; я не знал сначала, что делать: тяжело было, исчезал, метался; потом пришла счастливая мысль, что это диавол меня насилует, и

лишь я подумал об этом, убедился в этом — тотчас злоба оставила меня. Так и о всех подобных случаях разумеи, и вообще знай, что диавол насилует нас разными страстями: жадностью к пище, питью, деньгам, страстию к блестящей, нарядной одежде, раздражительностью, гордостью и презорством, холодностью к Богу и ближнему, завистию и желанием чужого добра себе, любостязанием, скупостию, леностию к угождению Богу и спасению души, леностию к молитве, чтению, слушанию слова Божия, упрямством, непослушанием, жалением ближнему всего, что хорошо, и желанием воспользоваться всем хорошим самому себе и прочим и прочим. Надо это помнить и стараться быть одно со всеми, считать всех за одно, любить всех, как себя, как одного. Тогда и Бог будет с нами одно, и Божия Матерь, и все святые Ангелы, и все святые человеки, и, о чем ни попросим Господа, — всё получим от Него.

Если тебя смущает то, что тесть твой курит табак, то на это тебе должно сказать, что *не входящее во уста сквернит человека: но исходящее* (от сердца исходит) — *то сквернит человека* [Мф. 15, 11], например злоба, хула, блуд, око лукаво и прочее. Как ты смел осудить в сердце за курение отца своего? Покайся о злобе твоей сей. Ты непрестанно в сердце осуждаешь его и презираешь то за ядение и питье, то за курение. Не осуждай не только его, но никого. Себя осуждай непрестанно. Будешь ли ты осуждать за курение и всех, часто доблестных лиц? Курение — немощь большей части людей нынешнего времени. Не суди: Бог Судия, Он Бог и Мздовоздаятель; ты подсудимый, а не судия: не бери на себя роли судии и не вознось. Живи в любви; курение, пища, питье и прочее — одни предлоги диавольские к злобе, гордыне. Берегись: среди сетей ходишь. Не мое дело, говори: я сторона. *Не судите, да не судимы будете* [Мф. 7, 1]. Любовь и любовь! Да не будет николиже места злобе в сердце твоём.

Всех люби, как себя, всякому желай, чего и себе желаешь, и никому не желай того, чего себе не желаешь. Всем всего достанет. Обыкновенно мы враждуем друг против

друга, недоброжелательствуем друг другу из-за земного: из-за пищи, денег и прочего. Не беспокойся: всего достанет.

Относительно красивых тел, сластей, денег, красивых одежд и всех красивых вещей из дерева, металлов, стекла, хрусталя, фарфора и прочего думай так, что это всё — прах, неради об них, презирай их. А человека, как образ Божий, как член Христа, чти всячески и служи ему всячески, ибо он достоин того по своей природе и по восстановлению, или по смотрению Божества. Итак, как на пыль, на грязь смотришь, так смотри на все означенные вещи и не пленяйся ими. Единым Спасителем пленен буди всегда. Он — Бог твой, живот твой, дыхание твоё, мир твой, всякое благо.

Что жизнь наших сердец? Любовь взаимная: все мы — члены Христовы или как бы единый Христос.

Господи! Благодарю Тебя за доблестное препровождение дня сего. Благодарю, яко слово мне даровал еси; яко от злобы бесовския несколько раз спасл еси: во время литургии дважды или трижды и дома столько же; яко причаститься неосужденно, в мир душевных сил сподобил еси и люди Твоя со дерзновением причастити сподобил еси. 26 февраля 1866 г. Суббота Третьей недели Великого поста.

Тебе, Владычицу мира, Пресвятую Богородицу, благодарю, яко Твоею молитвою и предстательством избавлен бых во время утрени от злобы бесовския: поверг я смиренное моление мое пред Тобою, повергся пред образом Твоим с верою, как пред живою, и Ты услышала меня. 26 февраля.

Слова Авдотьи Дмитриевны Бритневой: Иисус Христос принял такие страдания, какие не захотел бы принять и последний из людей.

Журналы, романы, газеты вредят делу христианства, изглаждая из памяти людей имя Христово, горнее Отечество (потому что всё о земном говорят), воскресение мертвых, будущий Суд, жизнь вечную и муку вечную. Пристрастный к чтению светских книг не лучше пристрастного к пище, питью, сластям, деньгам, одежде и прочему.

Воспитанники и воспитанницы мира (театров, клубов, вечеров веселых) — куклы, статуи бездушные! Смех и горе, как они являются в церковь, особенно к исповеди!

Услышишь ли когда в театре имя Христово не в шутку? Услышишь ли слова: *Сердце чисто созижди во мне, Боже* [Пс. 50, 12]? Нет. Зачем же театр называют еще нравственным, едва не христианским? Это язычество в христианстве, он и перешел к нам из язычества.

Программа образования светского юношества наполнена множеством сора, язычеством — и буквально, разумея множество языков, и собственно язычеством, то есть языческими писателями на латинском языке. Приятно и полезно разнообразие, но его слишком много.

Кто искренно и истинно не доброжелательствует другому, тот не желает и не может желать истинного добра и себе.

Как мы растлены грехом, что без молитвы и Божией помощи не можем искренно желать добра другим, а тайно желаем зла!

У меня сердце, как дух, по природе просто и единично и по образу Божию создано, а Бог есть любовь. Пусть же оно будет любовь, а злоба — никак и никогда. Господи, помоги! Без Тебя не могу.

В руках всякого или жизнь, или смерть: если будем исполнять волю Божию, то всякий раз будем ощущать в груди своей и в сердце своем жизнь и сладость; если волю плоти своей и помышлений своих или волю дьявола — будем ощущать во внутренностях своих смерть, горечь, тесноту, удушье; если будем любить Бога всем сердцем, а не частию (отдавая другую часть его благам мира сего), если будем любить ближнего, как себя, будем ему доброжелательствовать, делать по силе добро — будем ощущать в себе жизнь и довольство собою; если не будем любить Бога, не будем прибегать к Нему, молиться Ему, благодарить, славословить Его и не будем доброжелательствовать ближнему, делать ему добро или будем делать ему зло, то будем ощущать в груди своей смерть, тесноту и не преполовим дней своих.

Сон. 27 февраля. Нищие — братья Иисуса Христа; не только моя братья — это много [для] меня сказать, — и Самого Иисуса Христа.

Помни слова из кондака святителю Николаю: *положил еси душу твою о людех твоих*.

Чем более услаждаешь, насыщаешь плоть свою, тем она больше гордится, презорствует, злится, раздражается, неистово кричит, скупится, сребролюбствует. Смирять ее постом нужно, молитвою, трудами, терпеть обиды, лишения и благоволить в злостраданиях и обидах. Чем более плоть лишается благ земных, чем более страдает, тем более смиряется дух, тем более иссушаются потоки страстей. Радоваться лишениям плотским как находке, как приобретению, а не скорбеть при лишениях, не озлобляться, не раздражаться.

И пели-то в церкви мы одни, как ели бы дома, или чины и отличия получали бы мы одни, а братья была бы чужда всего этого. Вот какое самолюбие! Таковы едва не все мы: вси неключими⁴³. На кого же будем озлобляться за грехи, кого осуждать, кого презирать? Никого, разве себя, — и непременно себя. *Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего* [Мф. 7, 3]!

К чему взаимности за всё ждать от людей, например за привет ласковый того же ответа? — Награды не будем иметь от Бога. *Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность?.. Если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?* [Лк. 6, 32; Мф. 5, 47]. Делайте добро для добра, ничесоже чающе, и будет награда ваша многа на небеси [Мф. 5, 12; Лк. 6, 23].

Ни к чему не прилепляться сердцем, кроме единого Бога, ничего не любить, кроме Его, ничем не уязвляться, кроме как любовью к Нему. В этом жизнь, спокойствие, свобода, легкость, радость. Бывши у Блинова Григория Яковлевича, я уязвился сластиею (патоки), пожелав ее, и тесно, и душно, и томительно мне стало; но лишь я воспрянул сердцем и убедился, что один Господь — живот

сердца моего, как тотчас теснота и томление оставили меня, я успокоился и ободрился и в мире вышел от него. Но потом я дал некоторым мальчикам денег с огорчением и неудовольствием, и опять спокойствие и свобода духа оставили меня, а потом, когда убедился, что всё земное сор, а человек — образ Божий и чадо Божие, для которого всё, что Бог и человек — одно, и мы все должны быть одно, и что Бог всё для нас, я опять успокоился.

Что касается чужих грехов, то мне всех на свой лад не поставить: и Господь того не может и не хочет, ибо у всякого своя воля; да мне до чужих грехов и дела нет: на то Бог Творец и Судия всех, — мне же дай Бог с своими справиться.

Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном (то есть Иисус Христос) больше его [Мф. 11, 11].

О, как мы должны жить, имеющие Главою Христа, Начальницею мысленного наздания Пречистую Матерь Божию и сочленами Ангелов и святых! Какое небесное на земле жительство должны проводить! В какой чистоте жить!

Как четыре главные стихии составляют телесное существо всех живых и бездушных тварей на земле и они ими живут — после Господа Бога, создавшего их из этих стихий, так Сам Господь составляет жизнь всех истинно благочестивых людей: Он их свет, дыхание, пища и питье, их животворящий огонь. Но есть люди, которые *суть телесни, духа не имущи* [Иуд. 1, 19].

Что ты ширишься на этом свете? Смотри, где твои товарищи, которые обещали себе долгую жизнь, как и ты? Многих, многих давно [уж] нет, некоторые вчера сошли со сцены этого мирского зрелища. И ты однокдневен. И ты умрешь. Поспеши покаяться и принести плоды покаяния.

Господи! Избавь меня от лицезрения и человекоугодия: даждь мне на всех равно взирать и Тебе единому угождать и всех располагать к угождению Тебе. Даруй мне глубоко чтить все вещания Церкви во время богослужения и располагать всех уважать эти вещания и не гордиться, говоря: это лишнее, это не нужно, это можно

опустить. Всё самонужнейшее. Только внимать надо сердечно и размышлять о том, что говорится и делается в Церкви. Мы близоруки — Церковь дальнзорка; мы темны, имея потемненные грехом очи сердца,— она светла, имея очи богопросвещенные, выну⁴⁴ зрящие к Солнцу Правды.

Дух, лишенный сластей, радуется, плоть же при лишении их скорбит, малодушествует, злится — но надо презирать плоть, ибо в ней грех живет и она удаляет от любви к Богу и ближнему; всё презирать, что поселяет холодность к Богу или вражду к ближнему. Обиды от сердца прощать и не считать их за таковые. Ни во что себя вменять — всё Богу препоручать.

Плоть наша, когда мы служим Богу, особенно пред людьми, располагает и нудит нас к холодности, лени, лицемерию, омрачению, тупости и бесчувствию сердца, к равнодушию к Богу и святым Его, к самому забвению их и к мечтанию о суетных вещах мира сего — а дух располагает к горячности, усердию, искренности, просвещению, острозрительности и чувствительности сердечной, к благоговению пред Богом и святыми Его, к непрестанной памяти Божией и святых Его и к презрению суетных вещей века сего. Плоть мало-помалу готова совсем оставить богослужение — дух ищет непрестанного служения Богу, йоты из богослужения пропустить без нужды не дозволит себе. Плоть, привыкая к Богу, Пречистой Богородице, Ангелам и святым и на земле к лицам высочайшей фамилии, духовным особам, всем начальствующим и прочим людям, готова презирать их — дух чем более обращается с ними, тем более проникается благоговением к Богу, святым Его, членам высочайшей фамилии, духовным особам, всякому начальству и уважением ко всякому человеку, потому что видит, убеждается, что всё во всех Бог и все от Бога и что, уничижая их, он прежде всего сам себя уничижает, сам себя наказывает, а возвышая их, вместе с ними и сам возвышается. *Прославляющая Мя прославлю, и уничижаяй Мя безче-*

стен будет [1 Цар. 2, 30]. Дивен Бог во святых Своих [Пс. 67, 36]. Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены [Рим. 13, 1]. Честию друг друга бола творяще [Рим. 12, 10]. Мы привыкли к христианству, мы зазнались, забылись с ним.

Церковь представляет на земле лицо Спасителя: почитай, повинуйся ей, не уклоняйся от богослужения, Таинств, постановлений ее. Удаляющиеся от ней погибнут, ибо кто не с Церковью, тот не с Богом.

Один истинно христианский хозяин дома говорил о всех своих деньгах, сластях, одеждах, когда их брали посторонние и употребляли: какой-то сор, у меня накопившийся, берут и употребляют его; слава Богу, что годен, в пользу людям идет, — для них ведь он и существует, мне-то немного надо. Еще говорил о телах человеческих: телами своими мы будем удобрять землю. А уж какая жирная земля-то под нами будет! Червям-то какой знатный пир! Ах, как они там жируют!

Так [немного] нужно всякому человеку и так распределено у Отца Небесного всем нужное количество всех потребных для жизни благ, что нам решительно нечего и не о чем беспокоиться. Только жадность наша требует много и боится за мнимую жадность других. Надо быть совершенно беспечальными.

Пусть успокоится, пусть насладится благами дома моего мать моя, столько доставившая мне усад в жизни и самую сладость бытия, после Господа Бога. Пусть ей будет всё у меня приятно. Да не жалею я ей ничего. А сам я да презираю сласти, единую же сладость — Господа да ставлю выше всего, к Нему единому да прилепляюсь всем сердцем.

Глава семейства должен поддерживать мир в семействе, ибо мир дороже всего; во всем уступи, всё претерпи, во всем снизоиди членам семейства для сохранения мира в доме. (Слова затворницы Воронежского монастыря.) Ибо Бог всё простит — и несоблюдение поста, и некоторое послабление в молитве, и развлечения житейские, но вражды не потерпит.

Отчего это злейшие обиды дьявола мы очень скоро забываем и не помним его зла, а обиды ближнего часто долго помним? Оттого, что дьявол, враждуя против нас, не поджигает нас озлобляться на него, ибо он не враг себе, а на ближнего обижаться поджигает.

Что внушает нам возглас: *Пресвятую, Пречистую... Богородицу... со всеми святыми помянувшие*? Внушает, что есть жизнь будущего века, после смерти нашей — вечная, жизнь, которою живет Божия Матерь и святые, которые помогают по нашим молитвам и делают чудеса; что и для нас эта жизнь настанет; внушает, что все мы члены Церкви не только земной, но и небесной, что Владычица есть Начальница мысленного наздания³⁵, истинная наша Царица и Матерь, Которую мы должны всегда неизменно чтить и призывать и Коей должны покоряться; что мы должны подражать в житии и деяниях Божией Матери и святым как члены Церкви, как будущие граждане небесные, как члены Христовы; что мы должны всецело предать себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу, как Главе и Царю и Промыслителю и Отцу и Судии Праведному.

Жизнь невоздержная, исполненная жадности к сластям есть прямое противоречие Евангелию, противление Спасителю, Который первым делом Своего Божественного посольства проповедал воздержание и пост, Сам постившись сорок дней и ночей. Жизнь невоздержная, сластолюбивая, какая у нас ныне в обычае, идет прямо вразрез с делом Спасителя. Вся беда у нас, в роде человеческом, вышла из-за невоздержания Евы и Адама; все искушения врага рода человеческого клонятся к тому, чтобы ввергнуть нас в невоздержание и потом водить нас за нос, как ему хочется, потому что чрез невоздержание он вселяется в нас.

Христианин должен жить на земле не для земли, а для неба: он воспитанник Отца Небесного, Христа Бога и Духа Святого.

На ночь положительно ничего не должно есть, как бы ни прельщали помыслы. В противном случае ночью

душит. Икру и сласти, например компот, мешать в желудке вредно. Одно что-нибудь.

Дух прост, как мысль, как имя, как чувство мгновенное. Потому, когда мысленно призовешь Господа или какого-либо святого с великою верою в него, что он близ и слышит и может и хочет исполнить твое желание богоугодное, он тотчас явится на помощь и поможет. Так призывай Господа, Владычицу, Предтечу, апостолов, святителей, мучеников, преподобных и всех святых. Так мы словами призываем их в церкви или дома, и они слышат нас, они тут. Тем паче Господь. Богослужение — подлинная беседа людей с Богом и со святыми Его.

Золото редко, а обыкновенной земли бездна. Так и в литературных произведениях: прекрасных произведений мало, а обыкновенных или плохих — бездна. А навозу-то сколько!

Это твой разум, твоя воля, враже мой, диаволе, чтобы сласти высоко ценить, сластям предаваться, сластей жалеть брату и из-за них враждовать против него, и я до сих пор тебе повиновался. Отныне не хочу служить тебе, — да поможет мне Господь.

Увлеченный сластолюбием и враждующий на брата из-за сластей не видит в нем прекрасных качеств, за которые он стоит всякого уважения и любви, а видит одно: что он ест его сласти. Как же надо презирать сласти, из-за пристрастия к которым столько неправды, оскорблений Богу и ближнему! Сор они.

Господи! Не попусти мне мыслить о ближнем то, чего я не хочу, чтоб мыслили о мне. Не даждь мне мыслить о ближнем зла. Всё земное, все сласти за сор вменять научи меня; всякого человека любить и уважать, кроме явно порочных, научи меня; радушным быть к людям Твоим научи меня. От лукавства избавь меня.

Не мсти никому за себя, а Богу предоставь мщение, Праведному, всех Судии и Отцу. *Не мстите за себя, возлюбленные* (а месть — дело злобы, возлюбленным она неприлична), *но дайте место гневу Божию. Ибо написано:*

Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь [Рим. 12, 19]. Бойся мстить кому-либо внутренней злобой, да не един дух с дьяволом будешь, да не уподобишься дьяволу. Всех почитай как образы Божии. *Если и впадет человек в какое согрешение... исправляйте такового в духе кротости* [Гал. 6, 1]. *Вся у вас да будет с любовью* [1 Кор. 16, 14], все взаимные отношения исправления, взыскания, наказания без вражды и злобы. Да уничтожится квас злобы в сердцах.

Всем достанет — не бойся лишения.

Когда ни с того ни с сего будешь беспокоиться о том, чтобы не украли твоих денег, вспомни тотчас, что это прелесть бесовская, обрати сердце к Богу и скажи: пребуди со мною, животе мой, Господи, и непусти владеть мною прелести вражией.

Небесные мы граждане, а занимаемся почти всё земным: домашние хлопоты, книги, театры, вечера, учебные заведения... везде дух земной. Духовным училищам, семинариям, академиям честь и хвала: [...] духовный, Божественный преобладает.

Видел ты изображение орла над городом на архиерейском орлеце⁴⁵? Это изображение архиерея и священника: они должны парить от земли к небесам, оставлять земное, поспирать его.

Человек христианин с Богом соединен и обожен, — он ли будет связываться земным, будет иметь пристрастие к земным вещам: деньгам, сластям, одеждам, жилищу, домашним принадлежностям и вообще к земному? *О горнем помышляйте...* [Кол. 3, 2]. Он ли будет беспокоиться о том, что он будет есть-пить, чем одеваться? Отец Небесный, так чудно позаботившийся о вечной его жизни, — оставит ли Он во временной и временными благами?

Если всё земное не сочтем за сор — не можем возлюбить Господа всем сердцем и ближнего, как себя. Паралич возьмет душу.

Одно мое сокровище — Господь; других сокровищ искать или желать не стоит затруднять себя. Сокровище мое — Господь — неистощаемое. Веруя в это, буду давать

бедным охотно, без озлобления и раздражения. Господи! Мимошедшие грехи мои прости, яко озлобихся на нищих Твоих, с неохотою, досадою подал им сегодня милостыню, не веруя, что Сам Ты в лице их принимаешь ее. *Яко очи раб в руку господий своих... тако очи наши ко Господу Богу нашему, гондеже ущедрит ны* [Пс. 122, 2]. Щедрот от Господа ждем — и сами должны быть щедры к бедным. И Господь ведь всегда ущедряет нас, так что мы всегда пресыты, преодеты, покоимся в прекрасных жилищах.

Ни одного малого нищего не обидь ни одним словом грубым или бранным, да не раздражишь Сотворшего его, ибо Сотворивший сотворил его по образу и подобию Своему.

Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко помиловал еси мя по молитве моей и от лукавства, скупости спасл еси душу мою, и от тесноты, и уничижения, и посрамления, и омрачения.

Благодарю Тя, яко сподобил еси совершити литургию непреткновенно и люди Твоя причастити непосрамленным лицом. 4 марта 1866 г.

С благоговением целуй руку родительницы, а в уста считай себя недостойным целовать ее.

Господи! Благодарю Тебя, вразумляющего меня, и очищающего, и спасающего.

Материнская рука. Эта рука пеленала меня, грудью кормила, молоко мне готовила, берегла меня, носила меня, кормила меня. Как мне не целовать ее с великим почтением и нелицемерною любовью? А эти уста с любовью меня убаюкивали, ласкали, разжевывали мне пищу. Как мне их с любовью не целовать? Как не ласкаться сыну к матери? Теленок, жеребенок, ягненок — и те ласкаются к своим матерям. В простоте сердца, не задумываясь надо чтить ее сыну или дочери. Смиряться всегда надо пред нею, ибо она посредница между Богом и ее чадами в величайшем, бесконечно великом даре Божиим — даре жизни: чрез нее дарована жизнь, и она сохранила эту жизнь: да, она была орудием Промысла и в сохранении ее. Итак, да отбросят дети прочь самолюбие и гордость пред

своими родителями и да чтут их по заповеди Божией как величайших после Господа Бога благодетелей своих. А нынче что бывает? По псалмопевцу, отдоенное⁴⁶ часто восстает на мать свою [Пс. 130, 2] если не явно, то тайно, не словом и делом, так в сердце. О, растление сердец, о, растление нравов! О, забвение Божиих благодеяний! Дети смеют иногда не слушаться родителей, грубить, делать им дерзости, ругаться, ссориться!

Господь о муравьях промышляет, их питает, бережет. Меня ли, нас ли забудет? Нас ли не пропитает до конца жизни? Он нас создал — Он и бережет, Он и промышляет, питает, одевает, согревает, просвещает, очищает, покоит, веселит. Ему сами себя, друг друга и весь живот свой предадим. О многом заботиться не станем, малым довольны будем.

Почему нет здесь образа Творца мира и Спасителя рода человеческого? Почему нет образа Пречистой Его Матери, Царицы небеси и земли? (О доме, где нет икон.)

Что нужнее всего знать юноше и всякому человеку? Что он создание Божие, что он должен жить по заповедям Божиим, а если согрешит, преступит закон Божий, тотчас должен каяться и исправляться; что его отечество истинное на небесах; что он умрет и в определенное судьбами Божиими время воскреснет, явится на Суд и после Суда получит воздаяние — муку вечную или Царство Небесное.

Вы удивляетесь, отчего ваше сердце чуждо Бога и Господа нашего Иисуса Христа и Духа Святого, Пречистой Матери Божией, Матери по благодати всех христиан, святого Ангела Хранителя и всех святых Ангелов и святых, тогда как оно должно быть свойственно, близко к ним всегда? — Оттого, что дух чуждый, дух злобы, гордыни, зависти, скупости, любостяжания, сластолюбия, непослушания и упрямства, уныния, ропота, пьянства, блуда — словом, диавол отчуждает их от вас непрестанно, и еще оттого, что ты — плоть, а они — дух. Перемени жизнь плотскую на духовную — и возлюбишь Господа и святых Его усердно. Пока любишь земные сла-

сти, деньги, одежды, красоту жилища, дотоле не можешь быть любителем Божиим и горнего Иерусалима.

Един Господь — сокровище и жизнь сердца нашего; всё земное — сор, не стоящий внимания, сор, к которому не должно прилагать сердца, которого не должно ценить, хотя мир и ценит его, и желает его, и ищет его, как сокровища. Чем меньше земного для человека, тем лучше. Потому-то плоть наша и желает как можно больше земного, чтобы множеством заплести, связать, стеснить, отягчить, омрачить, ослепить душу. Итак, един друг сердца моего — Господь, Который всё для меня, с одним Господом будут жить, к Нему единому всем сердцем прилепляться; к сладостям же и драгоценностям и красотам мира сего, как тленным и грубым, не стану прилепляться, да Господа не лишусь, света очей моих.

Молитвами Всепречистая Владычицы нашей Богородицы... По неизреченной любви к людям, особенно к роду христианскому, Пресвятая Богородица непрестанно молится о нас Богу, да сподобит Он нас вечного блаженства праведных.

Предстательствы честных Небесных Сил безплотных... И Ангелы, как благие и святые существа, по любви своей и как составляющие едину с нами Церковь, молятся, или предстательствуют об нас пред Богом, да и мы будем участниками их присносущного⁴⁷ блаженства. О, какое сладкое, восхитительное сообщество! Что же после этого вся земная жизнь, страстная, прелестная, бурная, что все сласти, радости земные? Ничто, сновидение, мечта. Христиане, зачем мы в бодрственном, по-видимому, состоянии увлекаемся мечтами? Зачем бредим земным, почему не думаем о небесном, почему не живем уповаемыми благами? Где в нас залог Духа, обручение будущего наследия, начаток вечных благ, животворящая сила? Зачем отдаемся сердцем здешним благам, когда они не насыщают, не умиротворяют души, а бодут, омрачают, волнуют ее, терзают ее, в тление повергают ее? Помянем, что *дарованы нам великие и*

драгоценные обетования, дабы мы через них соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью [2 Пет. 1, 4]. Будем это непрестанно помнить и станем презирать плоть и всё, что для ней: нужное дадим ей, излишнее отсечем, похоти отринем. Необходимым будем довольствоваться, за излишествами, за роскошью не станем гоняться, да не опутает она нашего духа. Горé да возлетаем ежедневно: будем испытывать и упражнять свои силы в полете к небесам, как птенцы голубиные, которых голубка учит летать. Наше Отечество — небо. Зачем это забывать? Спасителю наш, с небес сошедый нас ради и паки⁴⁸ тамо восшедый, научи нас возлетать к Тебе. Голубь, возлетевший превыше всех небес, не оставь нас, птенцов Своих! Се, Кровь Твоя в нас; се, Тело Твое в нас! Дух Твой в нас!

Чрез пристрастную любовь к земным благам непременно поселяется холодность и вражда к ближним, с нами живущим, у нас ядущим и пьющим; между тем любви и мира нет ничего дороже: потому совершенно презирать все земные блага, поистине за сор, ничего не стоящий, вменять их и всеми силами любви и мира держаться.

Как члены Церкви Христовой, мы сообщники святых: будем подражать им, достойно их сообщества жить.

Бог соединился с человеками, пожертвовав для них Самим Собою,— человеки должны соединиться в любви между собою, жертвуя друг для друга в нужде всем своим достоянием, своими силами, способностями, спокойствием, друг другу долготерпя, снисходя, помогая.

Мы, духовные, приносим в жертву людям свои способности, свой ум, образование, силы, спокойствие, имущество; вы, богатые, должны приносить в жертву собратий свое богатство, свое достояние.

На всякого человека находит какое-то омрачение, опьянение греховное, буря страстей. Когда это делается в душе человека, он должен твердо стоять на камне веры, надежды и любви и противиться этой буре, стараться говорить спокойно, кротко, медленно, от действий рукою удерживаться.

Характеристика моя. Иной человек делает много добрых дел: и молится усердно, и целомудрствует, и милостыню подает, да одно-два-три худых дела всё дело его спасения портят: если, например, он жаден, часто пресыщается, нетерпелив, обидчив и раздражителен — что́ одною рукою он созидает, то другою часто разрушает, и это безумно. Христианам должно всеусильно стараться быть совершенными: *чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка* [Иак. 1, 4]. Надо, непременно надо быть и воздержником, и терпеливым, необидчивым, *с кротостью наставляя противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю* [2 Тим. 2, 25 — 26]. Видишь, везде сети вражьи. [...] и ближние наши, и мы часто попадаем в его сети. Надо иметь долготерпение и снисхождение друг ко другу.

Родители в юности нашей терпеливо сносили наши недостатки и капризы — мы должны терпеливо сносить их недостатки и капризы в их старости; они угождали нам — мы должны угождать теперь им; они кормили, поили, одевали, покоили нас — мы должны теперь кормить, поить, одевать, покоить их. (Если не будешь утешать мать, ей горько и скучно будет у тебя, и тебе горе будет, что мать не умел утешить.)

Брань, вражда взаимная, ссора есть не что иное, как сор диавольский, мечта: презирать ее и тотчас прекращать. Бранные слова тоже пух, мечта, ветер и дѣла или лицá поносимого нисколько не изменяют, разве если он сам малодушен и неблагорассуден. Поэтому обиды как можно скорее надо забывать и на обидящих не сердиться, а жалеть их, как сделавшихся по природной греховой испорченности, по неопытности и нерассудительности орудием диавола, молиться за них Богу, Отцу всех, и любви к ним не оставлять, сердца своего злого не слушать, презирать его, противиться ему, побороть его. С обидевшим незлобиво и без надменности здороваться, угождать ему, помогать ему, беседовать с ним, если захочет;

не захочет — Бог с ним. Оскорбляющий прежде всего сам себя наказывает тем самым, что оскорбляет.

Мы должны быть агнцами, ибо мы христиане, последователи кроткого и смиренного Господа Иисуса, яко овча на заклание веденного и яко агнца пред стригущими его безгласного [Ис. 57, 3]. Злоба должна быть всегда чужда нашим сердцам, как свойство диавола. Не должно никогда попускать ей прилипать к нашему сердцу; злоба моя против ближнего есть, собственно, злоба диавола на меня и на ближнего — значит, на диавола весь гнев надо изливать, а не на ближнего: ближний — страдательное, само мучащееся и мучимое им орудие противника нашего. Но да сокрушит Господь сатану под ногами нашими вскоре [Рим. 16, 20].

Если я озлобляюсь на обижающих — значит, что я не имею кротости и смирения. Как я, грешник, достойный всякого порицания, всякого уничижения, не хочу стерпеть нескольких бранных слов, может быть ложных, но может быть выражающих настоящий мой характер, метко обрисовывающих какую-либо страсть мою или характер моих действий? Как: может быть, я сам прежде озлобил кого-либо и потом не хочу сам терпеть обиды? Вишь, какое самолюбие! Но для исполнения заповеди Господней о взаимной любви и мире надо отвергнуться себя. Завет Господа, запечатленный крестными страданиями и кровию Его, есть следующий: любите друг друга [Ин. 13, 34; 15, 12, 17]. Любите врагов ваших... благотворите ненавидящим вас [Мф. 5, 44; Лк. 6, 27]. И клеветника ли диавола будем мы слушать, его ли ложь, высказанная касательно нас посредством ближнего, смущать будет нас? — Презирать всякую неправду, всякую клевету, брань, злословие, высказанную нам ближним по научению диавола. Ведь мы знаем источник всякого зла, всякой неправды, клеветы, злобы, гордыни и прочего — именно диавола: зачем сердиться на ближнего, орудие его лжи и злобы? Тем паче [нужно] его жалеть и уважать в нем свою природу, скорее и сильнее обласкать его. А малодуше-

ствовать, озлобляться из-за обиды на ближнего, из-за слов, исполненных клеветы и злословия,— безумно: яд лжи и клеветы — от диавола, не от ближнего. Клевета-то, собственно, диавольская и ядовита для нас, но по нашему, впрочем, слепому самолюбию и неразумию. Не обратим на нее внимания — и останемся спокойны.

Мудрость христианина должна состоять, между прочим, в том, что в себе и в ближнем, в действиях и словах, расположениях отличать плоть, или греховное растление, от собственно человека и человека от действующего в его сердце диавола; долготерпеть, снисходить, прощать согрешающему человеку и приписывать начало и продолжение слов и действий, враждебных нам, диаволу, ибо диавол разжигает и подстрекает человека на зло. Говорить с обидчиками степенно, не молчать в злобе, ибо и молчание с злобою лезть диавола. Еще надо всегда помнить, что человек от природы растлен грехом. *В беззаконных зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя* [Пс. 50, 7]. Грех — общее моровое поветрие, общий недуг людей.

Я виновник вчерашней ссоры. Надо было уладить дело кротостию, а не раздражительностию.

Что в мире вещественном всего тоньше, чище, благороднее? Свет. Что всего грубее? Земля. Но тело наше — земля; посредством же постепенного освобождения от тли страстей, паче же посредством благодати Божией, оно должно сделаться, в определенное судьбами Божиими время, как солнце: *праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* [Мф. 13, 43]. *Есть тело душевное, есть тело и духовное* [1 Кор. 15, 44]; тело душевное — то есть свойственное всякой живой твари, на земле живущей и из земли сотворенной; тело духовное — то есть тело, свойственное праведным людям, воздержникам, очистившим себя от тли страстей, сделавшимся чистым вместилищем Духа Святого и стрясшим с себя всякую земность, стихийность. Христиане! Мы должны постепенно истончать тела свои воздержанием и восходить к вечному свету: таково наше назначение!

Не будем же прилепляться к пище, питью, сластям, деньгам и прочим вещам земным. Поревнуем о том, чтобы, по благодати Божией, возвести природу свою, обоженную воплощением Сына Божия, на степень ангельской чистоты, ангельской светлости. Будем это помнить, братья христиане!

Ты кто? Говоришь: я офицер, солдат, ученик, купец, мещанин, крестьянин. Ты прежде всего христианин — так и считай всегда. А потом спрашивай себя: Христов ли я по духу? Облекся ли я во Христа? Если нет, то поскорби, пожалей об этом, да и покайся, и измени сердце свое, расположения, стремления, заботы, слова, дела, помышления.

Если мы — христиане и в этой жизни имеем преискреннее⁴⁹ общение с Ним в Святых Его Тайнах, а с Ним — и со всеми святыми Его, ибо они в Нем, а Он в них, то как мы должны жить, каковы должны быть наши нравы на земле, как мы должны быть кротки, смиренны, незлобивы, целомудренны, святы, воздержны?

Как обольщаемся все мы внешностию, пренебрегая внутреннее: чуждаемся, презираем простых людей за их простую, грубую, безыскусственную речь, простую наружность, за их простую, грубую одежду, а людей светских, ученых, богатых, величавых, хорошо говорящих (хотя на деле, может быть, они и горды, и злы, и связаны разными грехами и страстями), хорошо одетых, величаво выступающих уважаем, удивляемся, подобострастие им оказываем. О, суета! О, слепота! О, мир! *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное [Мф. 5, 3]. Не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?.. Не богатые ли притесняют вас, и не они ли влекут вас в суды? Не они ли бесславят доброе имя, которым вы называетесь? [Иак. 2, 5 — 7]. Не в простых ли сердцах Бог почи- вает? Не бедные ли богаты верою? Не ученые ли идут против Бога? Не богатые ли отличаются любостяжанием, гордостью, презорством братии, жестокосердием к бедным? Не под богатою ли одеждою часто скрывается*

нищее сердце и смрадное рубище страстей? Не живущие ли в богатых домах, утопающие в роскоши, сластях, увеселениях наичаще забывают вовсе о своем звании христианском, о своих обязанностях, о обителях небесных и живут только для здешнего света? Итак, *имейте веру в Иисуса Христа нашего Господа славы, не взирая на лица* [Иак. 2, 1]. *Человек смотрит на лице, а Господь* — помимо всего внешнего: роста, дородства, благородства, учености, сана, звания — *смотрит на сердце* [1 Цар. 16, 7]. Вся сила в сердце. *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* [Пс. 50, 12].

Земля — скопище всякой неправды, обид, притеснений, всяких страстей, мерзостей. На ней распят и убит Господь славы, на ней претерпели бесчисленные неправды и муки верные рабы Его, — землю ли будем любить, к земле ли прилепляться, к благам ли ее, ввергающим нас наичаще в зло? Проклят любящий землю — благословен любящий горний Иерусалим, Царство Небесное, куда зовет всех Спаситель.

Господа моего Иисуса Христа, спасшего во время двух классов (четвертого и шестого) спасением дивным, благодарю и славлю. *В силах спасение десницы Его*⁵⁰ [Пс. 19, 7].

Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу Марию благодарю и славлю, яко мене, припавшего с верою и упованием и благоговением пред иконою Ее Тихвинскою в доме моем, в зале, спасла меня от лести, насилия и тесноты вражией и быстро меня очистила, умиротворила, облегчила, просветила лице мое. Она всегда с нами, преблагая Мати всеблагого Царя, как мать в доме. Марта 8-го дня 1866 г.

Славлю Тебя, Владыко, за милости Твои на мне, грешном, имже несть числа, наипаче яко сотворил мя еси, искупил мя еси и козни вражии надо мною непрестанно разрушаеши и к славе имени Твоего, и к моему же спасению и к познанию имени Твоего обращаеши. Славлю Духа Твоего Святого, научающего меня ведению Твоему, благодарению, славословию, прошению.

Наречия — эта внешняя оболочка мысли — на свете многообразны, но все они досточтимы как выражения мысли существ, созданных по образу Божию.

Истинно мудрый человек всё внешнее в человеке считает за маловажное, например неправильную, неграмотную речь, странный выговор, странное повышение или понижение голоса, простой, грубый вид, бедность, болезненность и прочее или противоположное этому, а всё внимание обращает на внутренние достоинства человека. Он прежде всего во всяком видит образ Божий, потом член Христов, хотя и немощный и с язвами прегрешений, видит подобного себе и равноправного себе по человеческому достоинству человека; если это отец и мать — видит в них отца и мать и относится к ним со всяким почтением, несмотря на их немощи, грубость, необразованность, слабости; если брат, сестра, знакомый, друг — так и смотрит на них, покрывая их слабости и уважая в них равночестность с своею их природы, почтенной Божественным вдохновением и обоготворенной воплощением Сына Божия, взявшего на Себя все немощи и грехи наши, пострадавшего и умершего за нас. Истинно мудрый человек боится, как бы ему самому не сделаться по пристрастию к суетности, внешности хуже всякого простолюдина грубого, необразованного, бедного, как бы ему самому не впасть в гордыню, презорство, злобу, зависть, скупость и любостяжание и при своем образовании не сделаться хуже всякого необразованного человека, ибо вся сила — в сердце человека, всё достоинство в сердце его: в его смирении, незлобии, ласковости, дружелюбии, простоте, целомудрии, воздержании, нестяжании, присвоении к Богу и святым Его. Образованная, правильная, искусственная речь без доброго сердца, без правильной жизни для него ничтожная вещь, равно как нарядная одежда, красивое лицо, богатство, прочая внешность. Потому истинно мудрый христианин непрестанно старается быть смиренным и незлобивым, терпеливым и воздержным. Гордыню же и злобу он предоставляет диаволу, виновнику и началь-

нику ее, и тем, которые не хотят познать прелести его, равно как нетерпение и невоздержание — людям изнеженным, живущим без труда, в большом изобилии, не хотящим поднять рук своих для обычных житейских занятий, привыкших ездить в колесницах, на борзых лошадях, выезжать в театр, нежиться в ложах его и разливаться в смехе, празднословии и суетном глазодерзстве или кататься на льду и терять время в суетном, недостойном человека бегании. Истинно мудрый христианин непрестанно внимает себе, своим помыслам, сердечным движениям, углубляется в слово Божие, которое весьма часто читает, помышляет непрестанно о великой благодати, премудрости, всемогуществе, святости и правосудии Бога, создавшего его, о несчастном грехопадении прародителей и с ними всего рода человеческого, о домостроительстве нашего спасения, о нужде содевать каждому свое спасение со страхом и трепетом [Флп. 2, 12], о воплощении Сына Божия, Его учении, спасительных делах и чудесах, о Его страданиях и смерти за нас, о Его воскресении — залоге нашего воскресения, Его вознесении на небо и обожении нашей природы и спосаждении ее на престоле Божества, о втором славном и страшном Его пришествии и грозном Суде, о вечном блаженстве праведных и вечной муке грешных. А юродивые⁵¹ христиане, преданные веку сему, обольщающиеся кратковременными благами и удовольствиями мира сего тленного, ни о чем этом не помышляют и думают только об этой жизни и суетных ее благах, находясь в постоянном обольщении, — *прельщающе и прельщаемы* [2 Тим. 3, 13], всё внимание обращая на чины, отличия, наряды, на зрелища, на концерты, на богатые, уставленные винами и закусками столы, на богатую, великолепную обстановку жилища, которое сегодня место жизни, веселья, а завтра — жилище смерти и плача.

Истинный христианин постоянно печется о своем спасении, ибо сознает за собою множество грехов и страстей, видит в себе непрестанно духовную борьбу смерти с жизнью, видит, ощущает в себе ужасы духовной смерти и

боится, как бы она совсем, по нерадению его, по самолюбию, по гордости и злобе и по пристрастию к земным благам, не одолела его; боится, как бы не умереть ему совсем греховною смертию, не заснуть духовно в мирских и плотских удовольствиях и не погубить вечно души своей, не променять здешних тленных благ на будущие, нетленные, вечные,— и он молится своему Спасителю: *не даждь ми уснути во греховней смерти, но ущедри мя, распныйся волею, и лежащаго мя в лености ускорив возстави, и спаси мя и введи в Царство Твое вечное*⁵².

Мать для тебя ничего не жалела — и ты теперь для ней ничего не жалея: покой, утешай ее безгрешно всем, чем можешь, что Бог дал и даст, что она любит, чего и сколько хочет. Уважай, ласкай ее.

Отец — тесть твой ничего для тебя не пощадил: дочь свою отдал, место свое, заслуженное тридцатипятилетним служением Церкви Божией,— и ты для него ничего не щади. Жена твоя совершенно тебе отдалась, всем существом, ничего тебе не жалеет: ни сил, ни спокойствия, ни благ земных, — и ты ничего для ней не жалея, не щади; также и для сестры и братьев ее, которые одно с нею, отрасли одной маслины. Аминь. Для всех людей, особенно христиан, членов Христовых, ничего не жалея: ни сил, ни спокойствия, ни трудов, ни имущества — для Христа, всего Себя для нас истощившего.

Всячески смирайся, всячески ласкай мать свою теми именами, которые изобрела нежная детская и материнская любовь: маменька, мамаша, мама и прочими. Также и отца: папенька, папаша, папа, папочка и прочие; диавол один учит гнушаться этих нежных названий любви. Говори, ходи в простоте сердца, не колеблись, не задумывайся о том, о чем задумываться не следует, иначе как раз в сеть диавола попадешь.

Богов, или идолов сердца, у людей бывает много, и все почти разные: у иного идол — орден, скуфья, камилавка, у иного — театр, актер, актриса, у того — музыкальный концерт, у четвертого — известный светский писатель

или вообще светские писатели или известный роман или драма, у пятого — пища и питье сладкие да табачок, у шестого — наряды, у этого — часы золотые либо мебель хорошая, на новый лад, — [словом,] идолов многое множество у людей; все эти идолы вытесняют из сердца Господа Бога, Который один должен быть Богом сердца нашего.

Целомудрие — то есть правильное, на основании гласа совести, слова Божия, заповедей Божиих и писаний святых отцов мудрование о вере и жизни христианской и последование этой вере, Божию слову, заповедям Христовым и житию Христову; целомудрен тот, кто не попускает гнездиться в себе вольнодумству, гордости, злобе, непочтительности к родителям, Церкви, духовным отцам, начальству и ко всякому человеку, зависти, скупости, жадности к земным благам, любостяжанию и сребролюбию, лени, страсти к излишеству во всем или роскоши, кто не попускает себе объедаться, упиваться вином или другим чем и не только делать, но и говорить и мыслить злодейное и прочее и жительствоует по слову Божию и учению Церкви, смиренномудрствует непрестанно, исполняется благости, любезности и приветливости ко всем; чтит родителей, царя, пастырей, начальников и наставников, всякого человека, как созданного по образу Божию, милосердствует, помогает нуждающимся, презирает земное, мудрствует горняя, живет в трудах, наблюдает во всем умеренность: в одежде, в столе, в словах — и целомудрствует касательно употребления и назначения детородных органов, не извращая законов Божеских, и прочее. Таким образом, целомудрие есть совокупность христианских добродетелей, есть целостное, не извращенное, истинное, по духу Евангелия мудрование христианина о вере и жизни и о всех вещах или целесообразное употребление их. Враг целомудрия — диавол: он непрестанно ищет нарушить или разрушить целостность нашего во Христе мудрования, целостность нашей телесной природы и, нарушивши, сам разбойнически вторгается в душу, например, чрез помысл блудный и мгновенно не отраженный или чрез мгновенное чувство злобы на

ближнего из-за чего-либо пустого (или и важного), чрез гордыню, зависть, скупость, чрез пожелание чужого добра и прочее. Потому всякий на всяк час, минуту трезвись, бодрствуй, молись Богу, да не обрящет в тебе места противник — этот ядовитый, злой клин умный⁵³, развращающий души и тела человеческие.

Желанием сердца почитай свою мать, охотно, с радостью. Честь, воздаваемая матери, относится к Богу, создавшему ее и сотворившему тебя чрез нее как орудие живое и личное и повелевшему тебе чтить ее, *да благо ти будет и да долголетен будеши на земли* [Исх. 20, 12].

Господи, Боже Отче Вседержителю, Сыне Единородный и Душе Святой, благодарю Тебя, яко внемлещи молитве моей и самоизвольную дикость, уродливость, бесчестие, мучительность самолюбия и сластолюбия моего отъемлещи, гордыню и презорство и злобу сердца моего к кровным моим за простоту их, за сласть их (которую в себе не осуждаю, которую сам люблю), за грубую речь их. О, какой я внешний, лицемер, плотской! Господи! Всё возможно Тебе: измени, претвори, обнови мое сердце! В сем покажи Твою безмерную благость, Твое долготерпение, Твое всемогущество, Твою Божественную премудрость! Се, зриши, Господи, сердце мое — растленно, дико, горделиво, самолюбиво, презорливо, зло, завистливо, скупое!

Сам по себе и в себе, без Твоей благодати, Господи, я смрадный кал, зловоние отхожих мест, труп гниющий, скопище всякой нечистоты. Ей, аминь. Сокровище благих, Господи, исполни благих Твоих душу мою. Дажь мне мудрование духовное, отъеми же от меня мудрование плотское.

Преследуй в себе нещадно сластолюбие, презорство, злобу, зависть, жадность, скупость как рождения диавола.

О, лукавая плоть, лукавое сердце мое! В ближнем лукаво и быстро усматриваю сучец малейший, часто какой-либо только внешний недостаток (грубую речь), в себе же не хочу видеть внутренних, важных, вопиющих недостатков: гордости, злобы и прочих, или сам грешу — ничего, другой — беда; сам сластолюбив — ничего, другой у меня — беда.

Грубая, необразованная речь в необразованном человеке есть дело маловажное, как грубый кафтан на необразованном человеке; равно и о грубых манерах то же разумеи: из-за этого безумно презирать человека, особенно своего родного отца, или мать, или сестру, или брата, или вообще грубого, необразованного человека: они достойны тем большего снисхождения, жалости, сострадания и ласки. *В одном теле... не у всех членов одно и то же дело* [Рим. 12, 4].

Видел ты из бесчисленных опытов тщету, вред и безумие раздражения и озлобления на стужающих тебе ежедневно нищих. Знаешь давно слова апостола Павла, что любовь не раздражается, долготерпит, милосердствует, не превозносится, не гордится, всё покрывает [1 Кор. 13, 4—7]; знаешь, что в лице нищих — Сам Христос (*Мне сотвористе* [Мф. 25, 40]), и отселе да [престанешь] на них раздражаться и озлобляться, а с кротостию и снисходительною любовью выслушивай их просьбы и подавай им милостыню; не огорчайся на то, что несколько раз припрашивают, помня, что сам ты совершенно нищий, одетый в срамное рубище страстей, непрестанно просишь у Господа милость и непрестанно ее получаешь, что сам ты почти всегда бываешь пресыщен Его дарами и имеешь некоторый избыток. Пора тебе умудриться, пора быть кротким и смиренным. Господи! Помози! И что за нужда, за охота тебе опалаться в сердце от геенны, вступать в общение с диаволом?

Со сластями, о иерей, да и ты, мирянин, а не с Богом живешь — со сластями, а не с душами ближних, с деньгами, а не с душами.

Рыбы жареной в пост Великий не ешь, разве в праздники, и то за обедом. От рыбы сердце грубеет, толстеет, деревянеет, глухо или тупо к молитве, к слову Божию становится, для любви к ближнему. А после трудов исповеди можно для укрепления сил сырой семги поестъ с перцем, уксусом и лафитом.

Кто нас искренно и усердно уважает и чтит? Простолюдины. Кого мы больше презираем и почти ни

во что ставим? Простых, необразованных людей. Это что за аномалия? Что за бессмыслие? Но ведь грех есть беззаконие, бессмыслие, нелепость: грех — грех и есть, всегда равен себе.

Сласти — пища-питье сладостные — мыльце диавола, коим он подмывает ко греху наши души; денежки — тоже, все блага земные — одежда нарядная, мебель изящная и прочее. Всё это к любви земной, а не небесной располагает нас. А христианин должен быть на земле гражданином горнего града Иерусалима.

Сам сладкое люблю и не жалею, когда другие сладко мне делают; когда у меня сладко другим делают — жалею. Что за безумие! Сам, будучи в гостях, желаю, чтоб мне сладко делали; когда у меня есть гости, и даже самые дорогие, — хочу, чтоб им не делали очень сладко или не всегда! Что за безумие!

О, сердце, пристрастное к сладостям, жадное до сладостей! Распинать надо сластолюбие! Считать отселе сахар за ничто, за самую обыкновенную пищу, за жало считать.

Бога — бесконечную сладость — любить, не сласти любить; человеков любить, не сласти любить, ибо все сладости для человеков.

Мать после Бога виновница сладости бытия и всех сладостей, которые в бытии моем я вкушаю, духовных и вещественных. Потому безумно жалеть для матери чего-либо, каких-либо сладостей, ибо она виновница величайшей из сладостей — сладости бытия, и мать, при всей своей бедности, ничего для тебя не жалела, не щадила, даже и себя самой, жизнь свою за и для тебя полагала, всякого добра и счастья тебе желала.

В Боге да исчезает для тебя прелесть всех благ земных, — един Бог да будет живот твой, сладость твоя.

11 марта. Суббота Похвалы⁵⁴. Благодарю Тебя, Господи, яко даровал еси мне ныне совершити непреткновенно Божественную литургию раннюю и причастить людей Твоих с дерзновенным лицом и самому причаститься в мир душевных сил и во исцеление души и тела.

Бесконечной духовной сладости — Господа Иисуса Христа причащаюсь, а сам люблю сласти плотские, сердцем к ним прилепляюсь, идолопоклонствую: *где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* [Мф. 6, 21]. Или: бесконечное, неистощаемое сокровище и источник всех благ — Господа — приемлю в себя чрез Божественные Тайны, а сам тленные сокровища, например деньги, люблю, прилепляюсь к ним, жалею их — и опять идолопоклонствую. Согрешаю, тяжко согрешаю: помилуй мя, Господи! Какой я христианин, когда доселе не научился презирать земные сласти и земные сокровища, какой я небесный гражданин? Где мои небесные нравы? Где во мне Дух Христов? Боюсь, да не подпаду осуждению Иудину. Богу и Ваалу⁵⁵, Богу и вину, окаянный, служу; Богу и истукану золотому, как Навуходоносор⁵⁶ и подручные ему.

На человека, как на образ Божий, ни из-за чего не озлобляйся, не раздражайся, особенно из-за суетных вещей или из-за обид, косых взглядов и прочего, но всё терпи благодушно и великодушно. Любовь долготерпит [1 Кор. 13, 4], а злоба из-за безделиц раздражается.

В Таинстве Крещения мы все возродились, обновились, и должны жить как возрожденные и ходить в обновленной жизни, не работать более гордости, злобе, зависти, сластолюбию, чревоугодию, любостязанию, скупости, лени, нечистоте плотской и прочим страстям, не воздавать злом за зло, досаждением за досаждение [1 Пет. 3, 9]; на косоу, гордый взгляд другого не отвечать злобою сердечною и таким же взглядом, а напротив, чем видим кого горделивее и злее, тем будем пред ним смиреннее, добрее и ласковее и будем всемерно прилежать ко всякой добродетели, да собственным примером научим других всякой добродетели, ибо язык примера яснее и сильнее действует на всякого — на старого и малого, на образованного и невежду, на знатного и незнатного, на доброго и злого.

Если любишь только любящих тебя, ласковых к тебе, которые тебе дают, а не тех, коим ты даешь,— какое тебе

за то воздаяние от Бога? [Мф. 5, 46 — 47]. Люби не по своему разуму, выбору, а как Бог велит. Всё в предлог к любви, смирению, кротости и долготерпению обращай, как диавол усиливает всё обращать в предлог к злобе, гордости, нетерпению и раздражительности. Кому не терпит давать дары Божии ветхий человек, на кого озлобляется — тому-то и давай, того-то и старайся любить, как подобного тебе человека; себя же, то есть ветхого своего человека, совершенно возненавидь, презри, попери, умертви.

Мать моя 1) как образ Божий и живой член Христов, 2) как мать, после Бога виновница бытия моего, есть для меня некоторого рода божество, и я должен в простоте сердца с великим почтением относиться к ней, всячески беречь и покоить ее старость. Ты не видишь Бога, создавшего тебя, но видишь мать, чрез которую Он создал тебя. Ей оказывай всякую любовь и почтение и снисхождение к ее немощам, и это Господь примет так, как будто бы это сделано было Ему Самому, ибо она Его живое орудие, по образу и подобию Его созданное, и от нее Он создал тебя по образу и подобию Своему.

Пропустил слово или несколько на молитве ненамеренно, против воли — не возмущайся духом: не беда, что ненамеренно пропустил; возмущение — большой грех.

Ах, как от пресыщения и от сладостей грубеет сердце наше! Ах, как мы безрассудны, подчиняя госпожу душу рабу — телу, образ Божий — персти! Христиане! Возлюбим пост.

Святые Ангелы и святые Божии человеки исполняются неизреченного света и блаженства в лицезрении Божиим, а мы что здесь дремлем, предаемся сладостям земным, страстями пленяемся? Где разум?

Верные участвуют в жертвоприношении тем, что подают просфоры, из которых вынимают за них частицы. Важное дело — изъятие частиц на проскомидии. Вынимай с верою и усердием.

Все христиане — члены Христовы. А Христос есть живот наш, любовь наша. О всех надо милосердствовать, всех

любить, всем долготерпеть, всем снисходить; многим многое прощать, пред всеми смиряться, ко всем быть кроткими, со всеми в простоте и благодати сердца обращаться. Бог принял для нас зрак раба⁵⁷, то есть человека. Бог умывал ноги ученикам; Бог Сам смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной [Флп. 2, 8], — мы ли не смиримся пред нищетою, достойною сожаления, пред грубою, но иногда в самой грубости достойною подражания необразованностью, то есть необразованными людьми, под грубою оболочкою носящими простые, смиренные, неиспорченные кичливою светскою мудростию сердца? Ибо где гордость, надменность, вольнодумство, жестокосердие, скупость, как не в образованных людях? Часто образованные люди, прошедшие все науки, не знают азбуки, которую твердо знает простец, не умеют смиряться и быть ко всем искренно доброжелательными, не умеют так верить, надеяться и любить, как веруют, надеются и любят простецы.

Собственно я, как я, не безумный ли, не сумасшедший ли? Безумный, сумасшедший. *Оставьте*, сказано, *безумие и живи будете* [Притч. 9, 6]. От сердца исходят хула, безумство, гордыня, око лукаво и прочее, говорит Спаситель человеков [Мф. 15, 19]; и мое безумство, сумасшествие вот в чем больше состоит: я вражду против ближнего из-за привязанности к сластям, тогда как надо было бы презирать сласти из-за любви к ближнему; считаю потерю то, что составляет приобретение, и приобретением считаю то, что есть потеря; накормить бедного, нередко ко мне приходящего, считаю потерю, не накормить его — приобретением, ибо осталось, думаю, дома, что не отдано, хотя дома невесть куда оно уходит, может быть, обращается в пресыщение и во вред души и телу моему. Не знаю, доколе я буду считать насыщение своей плоти приобретением, а дела милостыни потерю, доколе буду безумствовать? Доколе будет во мне мудрование плоти? Доколе буду раздражаться, негодовать на взимающих мое, а не благодарить их за это, не с веселым лицом отдавать им мои вещественные блага, в той уверенности, что по мере лишения их я исполняюсь

благодатных духовных дарований Святого Духа, Его силы, крепости? Доколе во мне будет это веществунадеяние, а не богонадеяние? Доколе вражда вместо любви? Доколе безумие вместо мудрости христианской?

Древо познания добра и зла надо было поставить средством к испытанию и упражнению и укреплению свободы человека. Пример. Тебе дана заповедь любить ближнего, как себя, и чтоб ты имел случай, средства исполнить эту заповедь, чтоб имел возможность упражнять и укрепить волю твою в любви к ближнему, тебе оставлены и указаны многоразличные нищие, бедные, больные, невежды, на которых ты можешь, для своего же блага и для доказательства своей любви и признательности и благодарности к Творцу, оказывать им многообразные благодеяния, упражнять, возвышать, свидетельствовать и утверждать свою любовь и таким образом достигать вечного единения с Богом, Который есть любовь [1 Ин. 4, 8, 16], ибо нелюбящий не может быть с Богом и наслаждаться вечным блаженством. *Плоть и кровь* — плотские люди — *не могут наследовать Царствия Божия* [1 Кор. 15, 50].

Когда ветхий твой человек ярится на ближнего за что-либо, например за частое хождение его в гости, обрати эту злобу немедленно против диавола и против плоти своей и говори: тебя, диавола, и тебя, плоть, презираю, против тебя, диавола, и против тебя, плоть, озлобляюсь, — и тотчас гордыня и злоба против ближнего исчезнет. Опыт.

Кто больше всех ест и пьет? Я, окаянный, жадный. Кто меньше? Гости мои и домашние мои.

Что делает меня хладным к Богу и ближнему, что делает меня жестокосердым и несострадательным? Сласти и пресыщение пищею и питием. Что делает близоруким, односторонним, не видящим ничего дальше своего носа, или далее земных благ? Пристрастие к пище и питью. Что делает меня гордым, нетерпеливым, раздражительным? Пристрастие к пище и питью.

Душа, после Господа, — источник жизни и обновления для моего тела (сон): ее надо беречь, держать на свободе от

страстей, и всё будет ладно. Пища без души или без сердечного спокойствия и бесстрастия — сор, груз мертвый.

Что для меня всегда было остном⁵⁸ сердечным? Пища, питье, сласти, деньги, одежды, вообще вещи мирские. Что всегда самым лютым образом препятствовало моему прилепению к Богу, что самым сильным образом замедляло исправление моего сердца, препятствовало моему нравственному совершенству? Опять пища, питье, деньги, то есть пристрастие к ним. Отсюда обязанность христианина — презирать всё земное и прилежаться о душе, *вещи безсмертней*.

Ведь ты человек, а не животное неразумное! Зачем живешь преимущественно животною жизнью, и часто хуже неразумного животного? Зачем пресыщаешься, упиваешься, носишь одежды, превышающие и формою и ценностью потребность телесную? Зачем предаешься во всем неумеренности и излишеству?

Словами славлю, а делами плотскими хую Господа. Горе мне, грешному!

Как я могу из-за чего-либо озлобляться на ближнего, например из-за обиды, взимания моей собственности? Я должен всегда любить и мщение за обиды предоставлять Господу. Он умеет это делать, как премудрый, праведный и всеблагий, а я не умею: я близорук, помрачен смыслом⁵⁹, зол; вместо исправления сделаю большее зло, как и делаю. Это есть самоуправство, самомщение, когда за что-либо озлобляюсь на ближнего в душе. Нужно всё Богу всеведущему предоставить. ...*Предавал то Судии Праведному* [1 Пет. 2, 23].

Рыбы не есть накануне литургии, и вообще как можно легче и умереннее кушать, а то беда.

Из-за сластей и из-за болезней и скорбей — из-за всего отвращаемся от Бога, неблагодарные.

Не ешь с жадностью: кто ест с жадностью и много, тот расслабляет силы души и тела; хочет силы достать, а вместо того немощь достает.

Ни йоты не уступай врагу из молитвы — всё говори: всё Духом Святым чрез апостолов и святых отцов предано,

и все эти слова молитвы — жизнь для душ наших, если воспринимаем их сердцем.

Господи, научи меня смиряться сердцем пред всеми, подножием всех считать себя, слугою всех, грешнейшим и последнейшим всех. Господи! Да ни на йоту не уподоблюся Деннице⁶⁰ прегордому гордостью моею, Деннице злобному — злобою моею, Деннице вселукавому — лукавством моим, нечистому — нечистотою моею.

Плоть грешную отделяй в человеке от его духа бессмертного, по образу и подобию Божию сущего, и из-за страстей плоти не презирай духа, не презирай образа Божия. Помни, что у ближнего, например у домашних, или у нищих, или вообще у ближнего, те же немощи, как и у тебя. А ты при стольких благодатных, чрезвычайных средствах всё остаешься с теми же немощами, страстями; как же ближнему-то, не имеющему всех тех же средств или весьма редко ими пользующемуся, исправляться скоро от своих грехов, страстей, привычек? Долготерпи, снисходи.

Когда говоришь царскую фамилию, помни, что ты из низкого сословия, из простых, необразованных, а то все государи, — и с благоговением произноси их имена.

На всякого человека смотри как на образ Божий, уважай, люби его, служи ему чем, когда и как можешь, за великое почитай его; никого ничем не оскорби, не горячись, не озлобляйся, не презри, не позавидуй, не пожалей ему ничего — для него, для которого Господь Себя не пощадил.

По растлению своей природы человек постоянно расположен к злобе и разным страстям; нужно постоянное вразумление его: наказание, скорби, болезни, беды, напасти. Потому Отец Небесный постоянно наказует любящих Его. Как надо воспитателям воспитывать детей, юношей? Наказаниями. *Дал еси достояние (Себя) боящимся Тебе, Господи*⁶¹. Себя дал Господь в достояние, собственность боящимся Его. Какой дар!

Горячий чай пьете, сладкий чай, сладкие кушанья — а горячи ли ваши души к Богу? Чувствуете ли сладость любви к Богу в сердцах ваших? Ведь все от Бога сладости.

Бог не стыдится нас, грешных, нищих, окаянных, называть братьями, сестрами, отцами, матерями: *вы будете Моими сынами и дочерьми, говорит Господь Вседержитель* [2 Кор. 6, 18]; *Он не стыдится называть их братьями, говоря: возведу имя Твое братьям Моим* [Евр. 2, 11 — 12], — мы ли устыдимся называть братьями, сестрами, отцами, матерями необразованных, нищих, подверженных разным страстям и немощам людей? — Никогда.

Ставши образованным, я еще больше должен ценить дар Божий — дар жизни и посредников ее — отца и мать, еще больше чтить и любить их, ибо больше знаю, понимаю, разумею, большими дарами и благами жизни сравнительно с необразованными пользуюсь.

Как можно гнушаться каким-либо созданием Божиим (*се добра зело*, сказано [Быт. 1, 31]), не только человеком простым, необразованным, больным или [пьяным], паче какого бы ни было [...], ибо *всякое творение Божие хорошо* [1 Тим. 4, 4]. Грехом и диаволом только надо гнушаться.

Диавол пал гордостью, Адам и Ева тоже; отсюда Сын Божий, восстанавливая нас, падших, исцеляя наши немощи, смирился, *приняв образ раба... смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* [Флп. 2, 7 — 8]. Отсюда необходимость в христианстве смирения для всякого, потом воздержания, ибо невоздержание ведет к гордости и презрению словес Божиих, повелений Божиих, Церкви, ближнего.

Ты куришь табак — ты выкуриваешь веру, любовь, горячесть к Богу и ближнему, а вкуриваешь диавола, который входит в сердце чрез похоти плотские: ты смеешься над этим, но это правда. Ты увидишь: равно как чрез пьянство, пресыщение, одеждопристрастие, любоствование, земнолюбие, изгоняешь из сердца веру и надежду на Бога и любовь к Богу и ближнему и пускаешь к себе диавола.

На мальчиков нищих и на всех нищих, на всякого человека — образованного и необразованного — взирай как на равноправного с тобою по природе, почтенного

одинаковым достоинством от Бога — образом и подобием Божиим — и не позволяй себе презирать его или оскорбительное на него за что-либо [*помышлять*]. Якоже себе, люби всякого: себя любишь, уважаешь, несмотря на множество своих грехов, — люби и уважай и всякого ближнего, хотя и носит он язвы прегрешений в душе своей. Буди! Милостыню подавай кротко, с духом покойным, с уверенностью, что все Божии и всё Божие.

15 марта 1866 г. Благодарю Тебя, Господи, яко несколько раз спасл еси мя ныне от лютого насилия вражия, от насилия вселукавого, всезлобного врага моего.

К чему, как могут родившиеся в низкой доле, от бедных, незнатных, необразованных родителей презирать их, гнушаться ими, плевать, так сказать, в тот источник, из которого сами произошли? Не себя ли они презирают, не себя ли гнушаются? Не уважать ли, не возвышать ли они должны свое звание и состояние, ибо все звания почтенны, как в теле все члены почтенны и неблагообразнейшим большую честь воздаем? А мы все — *тело Христово, а порознь — члены* [1 Кор. 12, 27]. О гордое чрево пресыщенное! В тебе корень зла.

Терпи и не имей злого рвения говорить напротив, когда говорят на тебя какую-либо неправду или неприятную правду; будь кроток и незлобив; в любви и мире сохраняй себя относительно всех ближних. *Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* [Евр. 12, 14]. О, несчастье — не узреть Господа из-за вражды с ближними, из-за самолюбивого и злого рвения защищать себя праведно или неправедно!

Кто у меня гостит? Мать. Как ей нужно угождать? Всё для ней полагать: всё имение, спокойствие, жизнь свою.

Помни непрестанно, что Бог ежеминутно зрит на сердце твое, и будь непреткновенен в сердце твоём: никому ничего не пожалей, тем паче матери своей, никого не презри, ни на кого не озлобься, никому не позавидуй, никого не осуди (осудил я мать свою нынче за чаем)... О небесном, духовном радей, помышляй, земное презирай

Места, связанные с жизнью и служением отца Иоанна

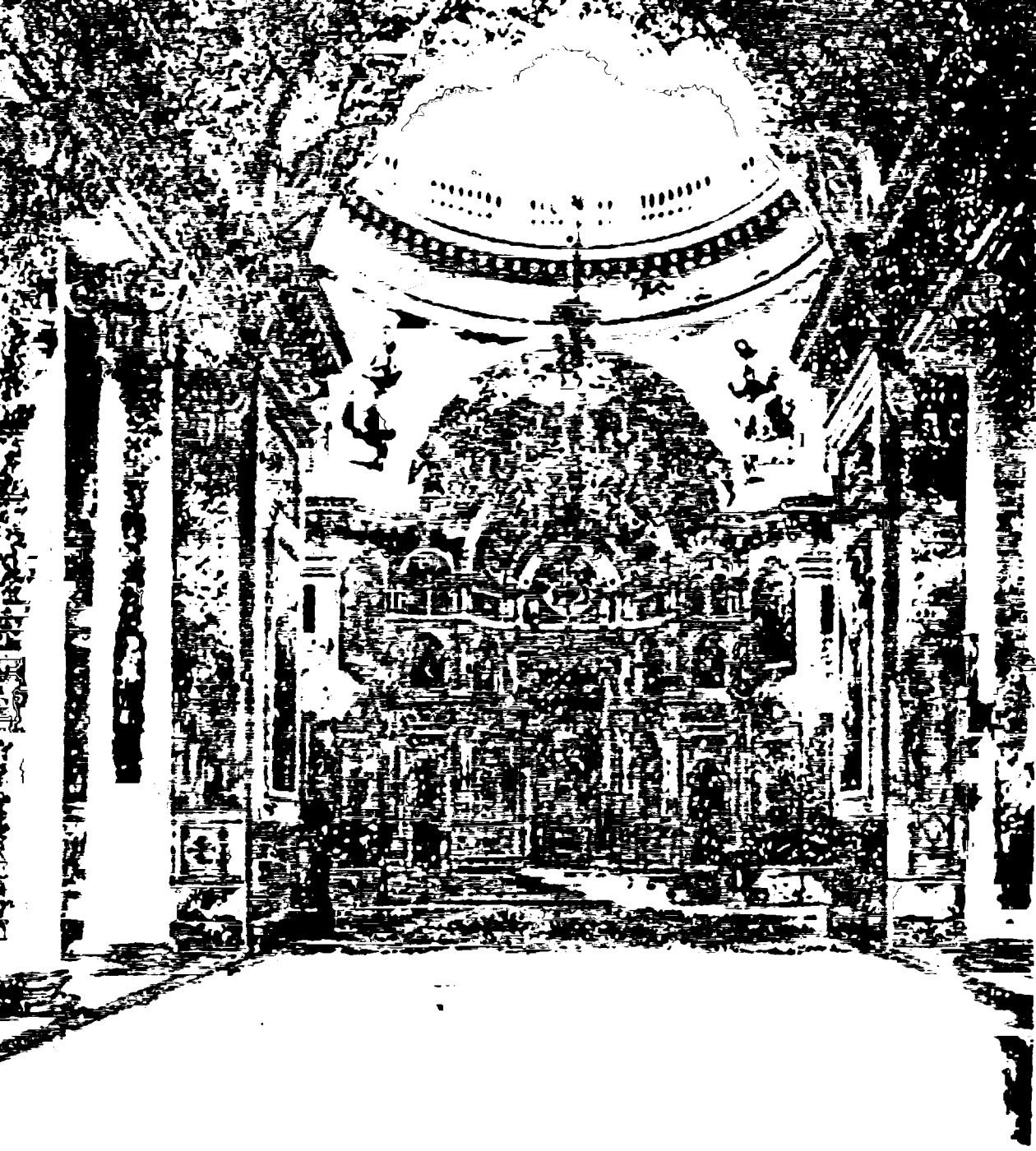
Кронштадтский Андреевский собор, 1898 г.
(фото ЦГАКФФД)

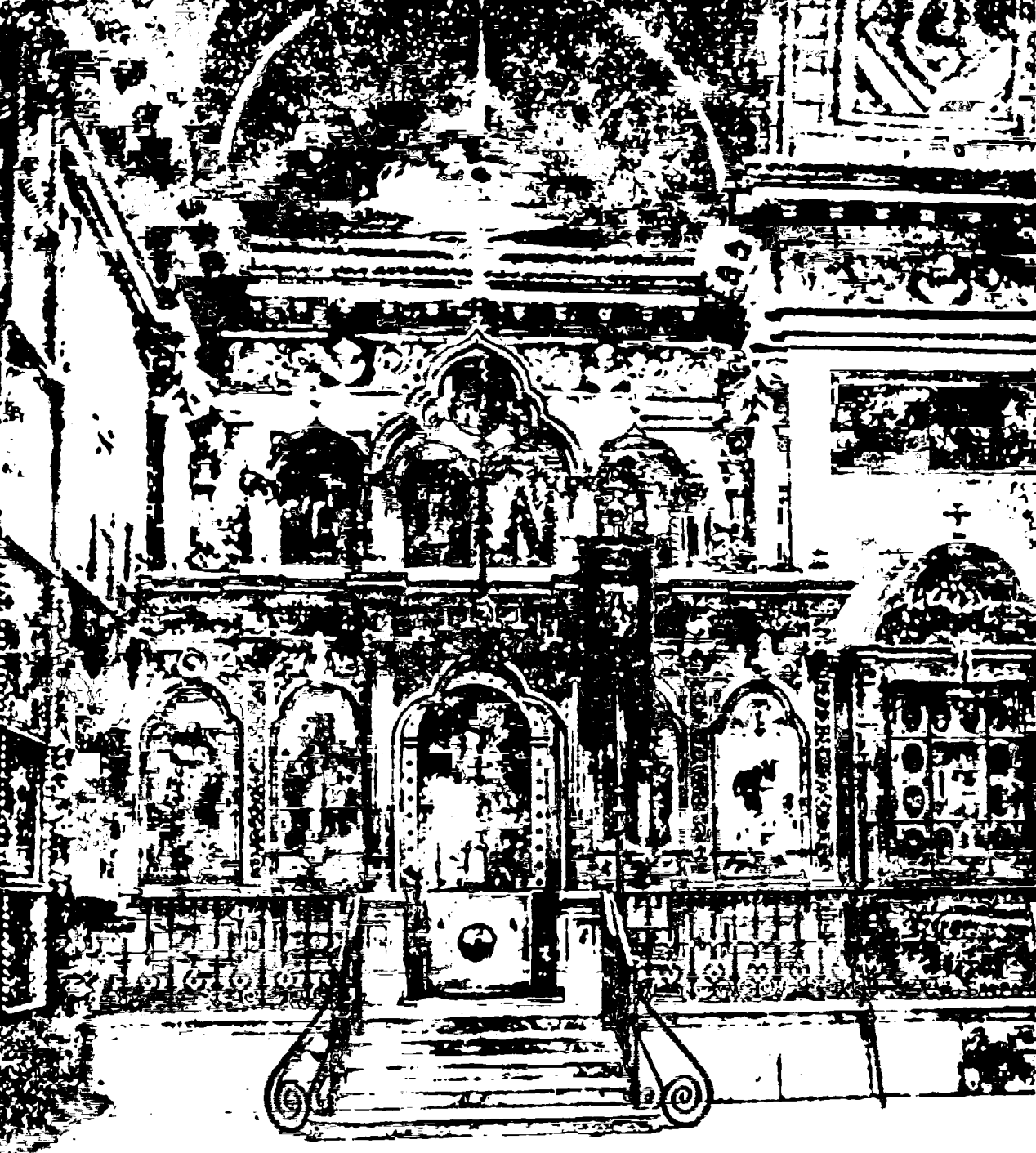
Кронштадтский Андреевский собор, 1898 г.
(фото ЦГАКФФД)

Кронштадтский Андреевский собор, 1898 г.
(фото ЦГАКФФД)

Главный алтарь Андреевского Кронштадтского собора в честь
апостола Андрея Первозванного

Покровский придел Андреевского Кронштадтского собора

Кронштадтская гимназия, где отец Иоанн служил законоучителем

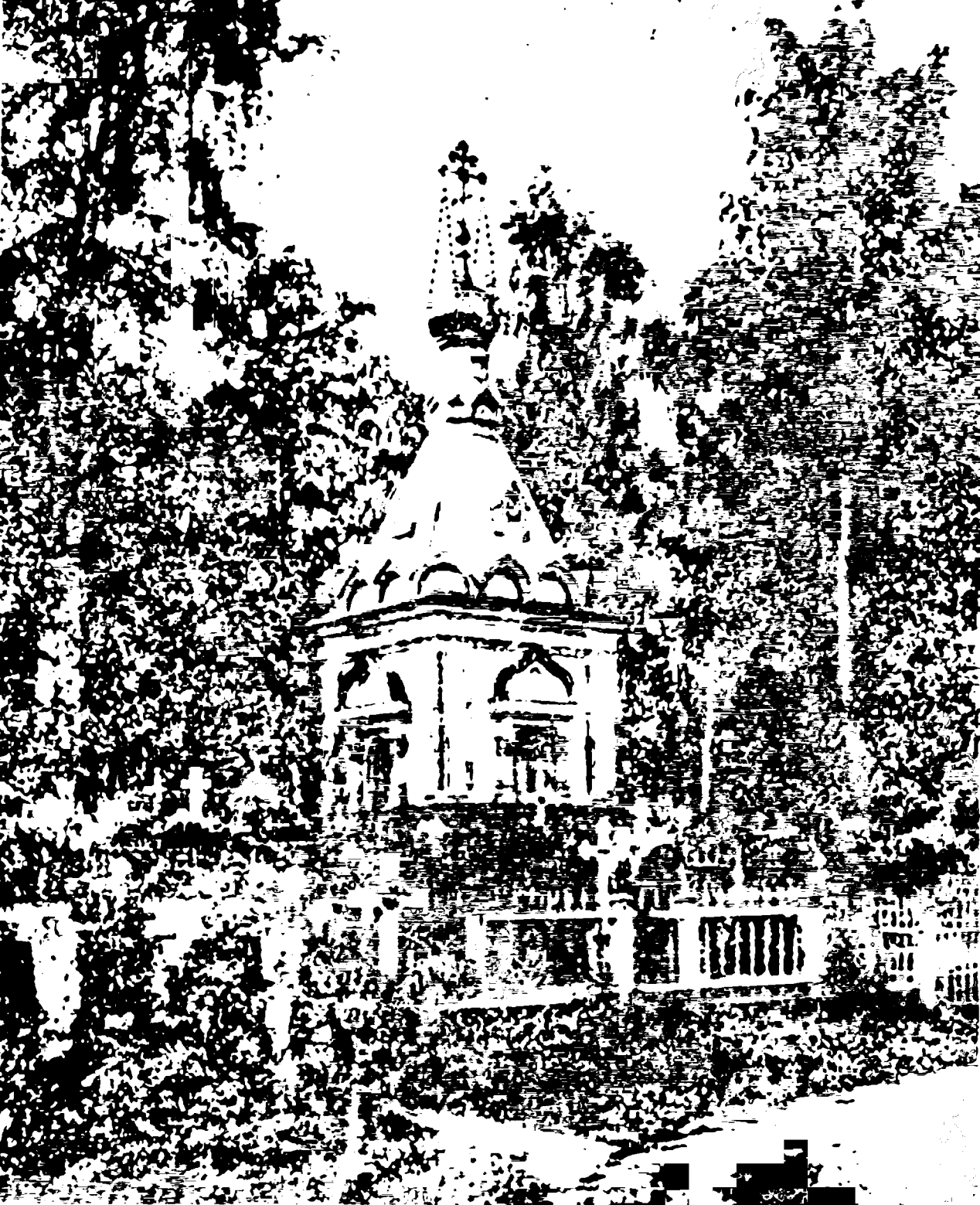
Никольская улица Кронштадта

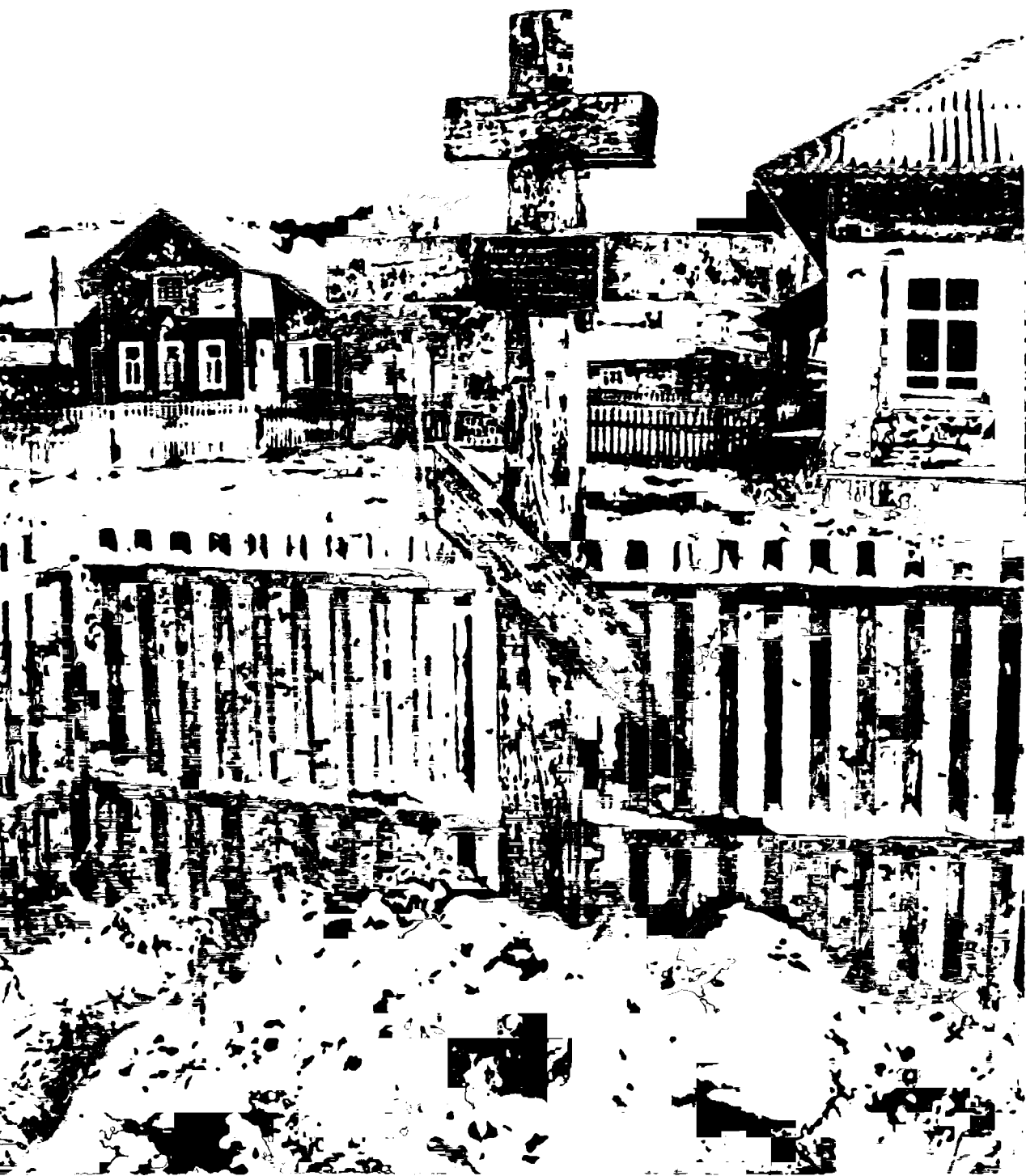
Ораниенбаум. Вид на город. Начало 1900-х годов
(фото ЦГАКФФД)

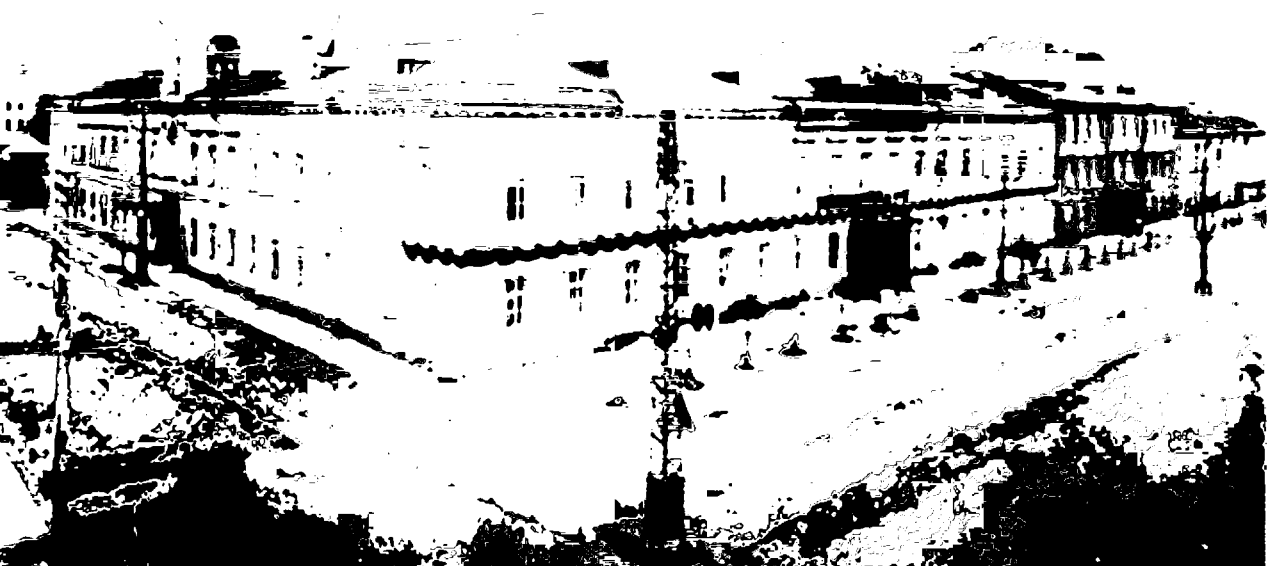
Ораниенбаум. Дворцовый проспект

Памятник-часовня над могилой матери отца Иоанна

Поклонный крест на месте погребения родителя отца Иоанна —
Ильи Михайловича Сергеева и родной сестры отца Иоанна —
Дарьи Ильиничны Малкиной
(современное фото)

Кронштадт. Здание Городской думы и Успенской церкви.
1913 г.

Кронштадт. Дом, в котором проживал отец Иоанн в квартире на
втором этаже. 1898 г. (фото ЦГАКФФД)

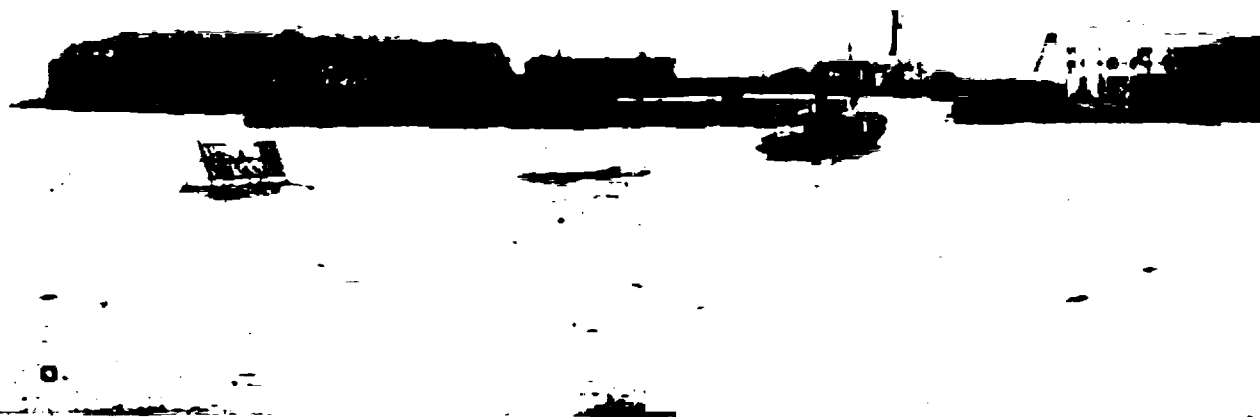
Кронштадт. Гостиный Двор. 1913 г.
(фото ЦГАКФФД)

Кронштадт. Петровский парк у памятника Петру I
(фото ЦГАКФФД)

Кронштадт. Вид с пристани
(фото ЦГАКФФД)

Кронштадт. Порт. 1913 г.
(фото ЦГАКФФД)

Санкт-Петербург. Вид на Казанский собор со стороны
Невского проспекта. 1911 г. (фото ЦГАКФФД)

Карета отца Иоанна (фото ЦГАКФФД)

Санкт-Петербург. Вид на Казанский собор со стороны
Екатерининского канала. 1911 г. (фото ЦГАКФФД)

Санкт-Петербург. Здание Духовной Академии.
Начало 1900-х гг. (фото ЦГАКФФД)

Кронштадт. Сергиевская улица. Дом трудолюбия.
Фото начала XX века

Кронштадт. Павловская улица.
Фото начала XX века

Кронштадт. Северный бульвар

Кронштадт. Николаевский проспект
Фото начала XX века

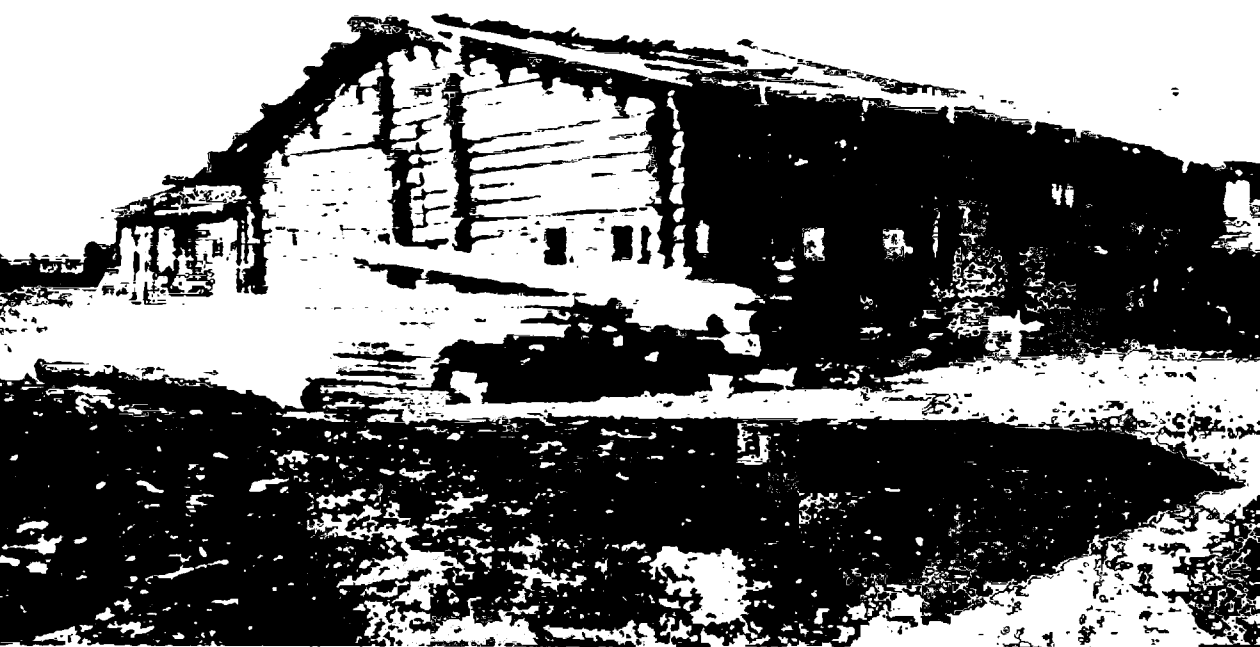
Кронштадт. Спасская часовня на Козьем Болоте (угол Соборной и Кронштадтской улиц). Фото начала XX века

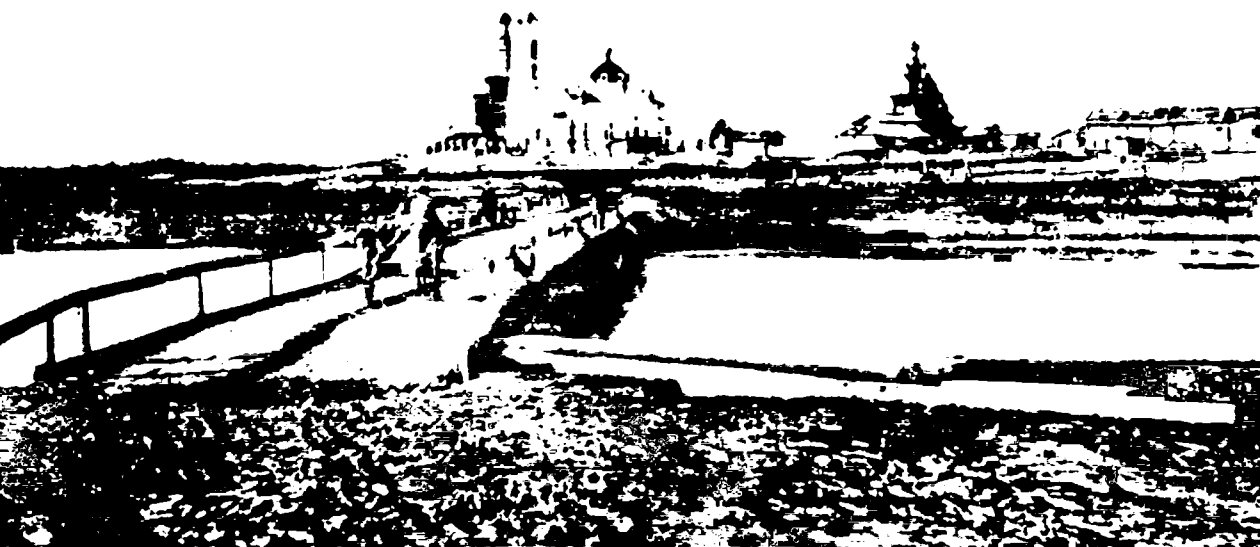
Кронштадт. Большая Екатерининская улица

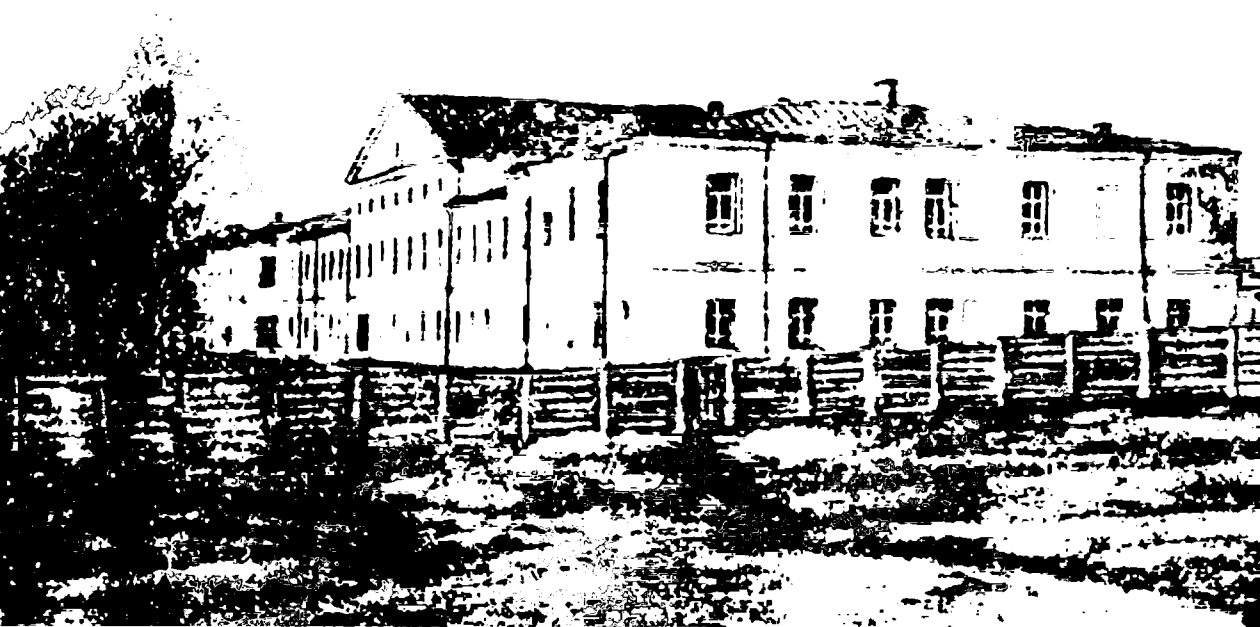
Село Сура и его окрестности. Вид с горы Поклонной. 1891 г.
(фото П.П. Шаумана)

Старый дьяческий дом в селе Сура, где отец Иоанн провел свои
детские годы

Село Сура со стороны реки Суры. 1891 г.
(фото П.П. Шаумана)

Архангельская духовная семинария, в которой учился отец Иоанн

НАСТОЯТЕЛЬ
КРОНШТАДТСКАГО
АНДРЕЕВСКАГО СОВОРА
ПРОТОДИАКОНЪ
ІОАННЪ ИЛЪИЧЪ
Сергіевъ.

Февраля мѣс. 7 дня
1902 года.
№ 1577
КРОНШТАДТЪ.

Извѣщеніе

Почтительно извѣ-
стить, что я полу-
чилъ отъ васъ де-
нежное письмо со
вложеніемъ десяти
рублей; за что отъ
души благодарю
и остаюсь вашимъ
усерднымъ молитвен-
никомъ.

Кронштадтск. Прото-
іерей Іоаннъ Сергіевъ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Февраля 1901 года.

Т.П. ПРОБЛЕСА, ТОМАЗЪ, ЛЕР. № 2-22

Извѣщеніе

Честь имею извѣстить, что я получилъ отъ васъ денежное письмо со
вложеніемъ десяти рублей, за что отъ души васъ благодарю и остаюсь
вашимъ усерднымъ молитвенникомъ.

Кронштадтскій протодіаконъ Іоаннъ Сергіевъ

Похороны отца Иоанна

Катафалк с гробом отца Иоанна у Андреевского собора.
Фотограф К. Булла (фото ЦГАКФФД)

Шествие похоронной процессии
(фото ЦГАКФФД)

Похоронная процессия отходит
от Андреевского Кронштадтского собора (фото ЦГАКФФД)

Похоронная процессия направляется по Финскому заливу
в Санкт-Петербург (фото ЦГАКФФД)

Отец Иоанн на смертном одре

Усыпальница отца Иоанна в Иоанновском монастыре на Карповке
до осквернения безбожниками (фото ЦГАКФФД)

как тленное и преходящее и от Бога отлучающее чрез пристрастие к нему.

Я первый язычник: сластолюбец, а не боголюбец: согреших, согрешаю,— помилуй мя, Господи! Сласти всё дело преспеяния⁶² духовного разрушают, во все страсти ввергают!

О, христиане по имени, а не по делам! О, язычники и горшие язычников христиане! Совсем заповеди Христовы презрели! В Великий пост различные увеселения — катки, горящие бочки, летучие огни, музыка! Потеха бесовская! Веселитесь, веселитесь до времени, до смерти и вечных слез и скрежета зубов! Где бы ныне сокрушаться и плакать о грехах да каяться — а тут веселье неистовое, угождение плоти усерднейшее! Вот вам Великий пост! Но что будет на конец?.. Пастыри! Не ваше ли дело вопиять против этого? Но вам самим не до того! Вам деньги нужны! Сласти нужны! Тешьтесь все, пока Судия долготерпит вам! Но крепитесь, когда будет судить!

Неверие людей нынешнего времени сильно сказывается в разнузданности нравов, в беспорядочной, беспутной жизни, совершенно чуждой уставов Церкви! Нет ничего священного: ни священных времен — праздников, постов, ни священных вещей.

Как этот грех называется: знатных мира сего, проказников в Божием мире, гордецов жестокосердых считать за нечто великое, изгибаться пред ними, низкопоклонничать, [робеть] при них в храме пред лицом Божиим, а бедных и незнатных века сего считать за ничто, гнушаться ими, как нечистотою, презирать их? — Лицеприятие, лицезрение — весьма тяжкий грех, великое оскорбление Господу Богу, создавшему всех нас одинаково по образу и подобию Своему.

В церкви во время богослужения надо так вести себя, как будто бы был тут только Господь Бог со всеми Силами Небесными, с Пречистою Богородицею и всеми святыми да ты; никакому лицу чудиться, ни на какое лицо в церкви с лицеприятием взирать не должно: богатый и убогий, знатный и незнатный — все равны!

Тебя обижают, а ты не обижай: за тебя Господь заступится. Есть или нет сладости — презирай их: мечта они души, не умеет ими пользоваться душа по причине своего рас- тления. Смотри на кончину человека: к чему служат тогда все сласти? О, если бы быть нам беспристрастным ко всему земному! Всё прелесть.

Гость, или гостя, или гости пришли к тебе, хотя и частые,— не огорчайся сердцем, но с ласковым видом и со словами ласковыми прими их и чем Бог послал угости их. Этим исполнишь заповедь Спасителя: *возлюби ближ- него твоего, как самого себя* [Мф. 22, 39].

Бог — неистощимый источник живота всех, есть живот наш преблаженный; на Него всю надежду возла- гать должно, а не на деньги, пищу, питье, сласти, на людей и прочее.

Раз я исполнился срама и тесноты по злобе вражией, но не отчаялся, и Господь отъял срамоту и тесноту и спас меня, по великой Своей милости.

Исполняйтесь Духом, сказано, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу [Еф. 5, 18 — 19]. Значит, раб Божий Григорий Блинов, поя в церкви (или подпевая), исполняется Духа Святого,— радоваться надо; и поет он тихо, стройно, приятно. Должны бы, по-настоящему, все петь и подпевать в церкви, а тут один усердный певец славы Божией поет, раб Божий Григорий; спасибо ему, спаси его, Господи!

Все страсти: гордыню, злобу, зависть, любостяжание, скупость, блуд, желание чужого, жаление своего друго- му, леность, уныние, непокорность и прочие — считай смрадом, из адской бездны исходящим; прилежи любви, кротости и смирению, не ради о земном, ибо всё, как сон, проходит и не будет. О вечном и непреходящем радей: о душе, о вечной жизни. Земное было или есть — и не будет его: так с телом нашим, так и со всеми благами его; значит, земное всё равно что ничто, а небесное есть, было, будет и никогда не кончится: вот оно — действи-

тельное бытие, пребывающее, истинное. А это, земное, — сон, мечта, хотя часто приятная.

Брат пришел к тебе, сестра, то есть ближний,— это бог земной пришел к тебе: всякою честью почти его, с любовью обойдись с ним, ничего не пощади ему: всё пред ним ничто, все блага мира.

Вообще жаление благ земных, насущных ближнему, есть глупость: взятое туне ближним вознаградит Господь.

Какая великая благодать петъ Господу, вообще служить Господу и мало вкушать пищи и питья! Легко, мирно, радостно на душе! Как хорошо читать слово Божие, совершать молитвы по Каноннику или в церкви по богослужебным книгам! О, какая сладость!

Если поставит меня Господь в протоиерея, надо отказаться от гимназии и заниматься составлением проповедей и разных сочинений: объяснить все Таинства подробно, все праздники, все службы, все молитвы, каноны и акафисты. Ветхозаветную историю составить.

Как всегда близки к нам и весьма быстро и удобно действуют на нас злые духи, так близки к нам, и несравненно ближе к нам Господь Бог, Пречистая Богородица, святые Ангелы и святые Божии человеки и еще быстрее и удобнее могут действовать на нас, ибо злые духи только попущением Божиим действуют на нас, а Господь Бог самостоятельно, с высочайшею свободою и как *везде сый и вся исполняй*, а Пречистая Богородица, святые Ангелы и человеки — как едино с Ним, по благодати Его.

Грехи и страсти наши, как остны, бодут нас и нудят к покаянию, а мы не хотим понять этого или понимаем, да не хотим каяться и исправляться, а идем дальше и дальше во глубину зол, — за то-то и будем мы осуждены на жесточайшие мучения после смерти, что всю жизнь противились действию благодати Божией, зовущей нас на покаяние.

Когда молишься Господу Богу, Пречистой Матери Божией, святым Ангелам и святым, то помни, что по природе своей ты свойствен и близок к Господу Богу, как по

образу Его сотворенный, а также к Божией Матери, к Ангелам и святым, ибо и они — по образу Божию. Всем существом цени в себе высоко этот образ Божий и возводи его к первобытному совершенству при помощи благодати Божией, поста, покаяния, молитвы, чтения слова Божия, Святых Таинств и добрых дел. А работное орудие духа — греховную, многострастную плоть — презирай.

Утаил сие (тайны Божии) *от мудрых и разумных* (века сего) *и открыл то младенцам* (простым людям века сего) [Мф. 11, 25]. Почему? Ибо премудрость мира сего буйство — безумие — есть у Бога [1 Кор. 3, 19], а в простых сердцах почивает Бог.

Об исповеди. Ученик, чтобы усвоить себе урок и рассказать его основательно учителю, обыкновенно учит его, вдумывается в него, в содержание его, замечает в нем главные мысли и частные, даже выражения его; так, кто хочет искренно покаяться и исповедаться пред священником, должен изучить себя со всех сторон, вдуматься в себя, в свое душевное состояние, узнать все свои греховные расположения и страсти, грехи главные, или смертные, тяжкие, и не главные, второстепенные, не смертные, например празднословие, божбу и прочие, и самые малые, со всеми подробностями. Чтобы основательно изучить урок, нужен труд, усидчивость, непрерывное напряжение внимания при изучении; чтобы хорошенько покаяться, исповедаться пред духовным отцом, нужны также труд, постоянное напряжение внимания относительно души своей. Учитель, спрашивая учеников отвечать урок, сейчас видит, кто трудился над изучением, а кто нет, и духовник тоже: кто потрудился учить урок, тот твердо рассказывает его и обстоятельно, кто поленился — тот вяло, неосновательно; то же и исповедующиеся.

17 марта 1866. Четверг Шестой недели Великого поста. Благодарю Тебя, Господи, за силы Твоя, явленные мне во спасение мое на утрени, когда я был в сетях вражиих: я непрерывно в сердце твердил молитву Тебе: *Заступник души моя буди, Боже, яко посреде хожду*

сетей многих⁶³, и прочее, доколе Ты не прогнал полчища демонские из внутренностей моих. Славлю и Тебе, о Богомати, всеблагая Заступница пребыстрая!

Знаменательно выражение Святой Церкви о святых отцах: она называет их преподобными и богоносными отцами, потому что они уподобились Богу, восстановили падший образ Его в себе и вовеки носят в себе Бога. Потому они предосточтимы.

Мать моя — младенец во Христе: простая, смиренная, незлобивая, малознающая; она и страдальца, ибо душу ее прошло оружие при виде страданий отца моего, вся огнем бед искушена, — потому она досточтима для меня.

Не осуждай ядущую жену свою, мать, отца, или брата, или сестру свою: требование природы пусть удовлетворяют — это естественно, и ты делаешь то же.

Благодарю Тебя, Господи, яко сподобил еси мя совершити непреткновенно Божественную литургию Преждеосвященных Даров. 18 марта 1866 г. Пятница Шестой недели.

Всё земное, на что я надеялся, полагался, к чему прилеплялся сердцем, или полагалось, прилеплялось [*сердце*], оказалось и оказывается постоянно таким ломким, непостоянным, преходящим, таким колючим, бодущим душу, смертоносным, что вскоре же по прилеплении к нему сердца я горько раскаивался в своем неразумии, ибо вместо того чтобы к единому Богу прилепиться, источнику живота и всех земных и небесных благ, я прилеплялся, неразумный, к тварям.

Какая благодать, какая легкость, какое здравие есть однажды в день и трудиться для славы Божией и спасения душ человеческих!

Что ты, враже, смущаешь меня деньгами, опускаемыми в мою пользу духовными чадами-исповедниками? Велико ли, что я пожинаю телесное, сея духовное? Что ты меня теснишь, приковывая мое сердце к деньгам, внушая, чтоб их не украл кто-либо? Что меня морочишь? Зачем отторгаешь сердце мое от дела Божия? Или находишь

меня земнолюбцем, сребролюбцем, а не боголюбцем? Господи! Исправи сердце мое и прилепи его к Тебе и к душам человеческим, которых нет ничего дороже на свете, за которые Ты излиял кровь Свою.

Если хочешь, чтоб дары Божии были для тебя всегда приятны, чтобы в сердце твоём была всегда вера, страх Божий, надежда на Бога и любовь к Богу и ближнему, живое [чувство] благодарности к Богу, Подателю всех благ,— не пресыщайся никогда дарами, употребляй их всегда умеренно, во славу Божию, делись с неимущими; в противном случае они же, эти дары Божии, накажут тебя, обратятся для тебя в величайший вред.

*Всякое ныне житейское отложим попечение*⁶⁴, потому что мы не земные только, но и небесные, искупленные от земли для неба и должны помнить и ценить свое небесное благородство, свое небесное предназначение, презирать земные сласти, как имеющие наслаждаться духовною, чистейшею сладостию лицезрения Божия, равно как и все земные сокровища, чтобы вместить в себя духовное, бесценное, живоначалное неистощимое сокровище — Христа Бога.

Не огорчайся, что нищие каждый день просят у тебя милостыни, и не уставай по силе своей подавать им, помянув, что ты сам — истый нищий и каждый день многократно просишь у Бога милости гораздо большей: прощения грехов, просвещения, мира, свободы, дерзновения, утверждения — и получаешь ее многократно по мере веры и искренности молитвы; да кроме того, получаешь от Него ежедневно и телесную милость — дары вещественные: пищу, питье в избытке, одежду, жилище, ибо каждый кусок хлеба, сласти, каждый глоток питья, каждое одеяние, каждая рубашка, каждая нитка в ней, сапоги, чистое и просторное жилище есть ежедневная, непрестающая к тебе милость Божия, за которую ты должен усердно, с горячею любовью благодарить Господа; за счастье почитай ежедневно служить Господу в лице нищих, ибо Господь ежедневно, ежеминутно служит тебе многоразличным

образом. Не говори: нищие от безделья, от неохоты и непривычки трудиться ходят просить милостыни или что они имеют, а всё-таки просят; не осуждай: твой суд, как человека растленного грехом, наиболеею частию ложен, как сказано: *всяк человек ложь* [Пс. 115, 2], да и не твое дело судить: Бог судия; скорее согласишься, что нищие от нужды ходят просить милостыню, как ты от нужды просишь ежедневно Господа, как нищий духом, и если бы Господь не дал тебе благодати — света сознать глубоко свою крайнюю нищету и немощь и беду, то и ты бы не стал ежедневно просить Господа и возгордился бы и понадеялся бы на себя, или на богатство, или на других людей. Смиряться же при виде нищих и помни, что ты сам — горший нищий, весь покрытый рубищем греховных страстей, никаких добрых дел не имеющий, немощный, ничего доброго без благодати Божией не могущий сделать, даже помыслить доброе, пожелать доброго. О, какая ужасная нищета! Помни, что ты без Божией благодати исполнен гордыни, превозношения, высокомерия, своенравия, упрямства, злобы, рвения, зависти, непокорения, непочтения, осуждения, лицемерия, сребролюбия и любостяжания, жадности, обжорства, опивства, блуда, скупости, вражды, татьбы, обмана, лжи, клятвопреступления, лени, лицепрятия, человекоугодничества, неправосудия и прочих грехов.

Всякую любовь, пристрастие к деньгам и к сластям земным оставить, потому что душа наша — образ Божий и к Богу, источнику жизни, должна прилепляться; неестественно для ней прилепление к вещам и еще потому, что, прилепляясь к вещественности, она непременно отвращается от Бога, хладеет к Нему, не любит Его и презирает, ненавидит ближнего; итак, всеконечную холодность, пренебрежение — ради Бога и исполнения заповедей Его — должно иметь ко всякой вещественности, которою пленяются люди в этом мире: к деньгам, сластям, дорогим одеждам и ко всяким прочим; пользоваться всем как посторонним для нас, не касающимся существа нашего духа, временным, эфемерным, минутным,

которое сегодня есть, а завтра нет его; всем же сердцем прилепляться к Богу — вечному нашему животу и к душам ближних, вечным сонаследницам будущего блаженства в Боге, и оказывать всякую помощь ближнему по возможности. Буди, Господи!

Молимся и кадим пред святыми иконами Спасителя, Божией Матери, Ангелов и святых, кланяясь изображенным на них лицам как живым, твердо веруя, что церковь есть как бы небо и что мы находимся пред лицом Божиим, в обществе святых: Пречистой Матери Божией, святых Архангелов и Ангелов и всех святых, которые, составляя едину с нами Церковь, единый дом Божий, общество верных чад Божиих, участвуют с нами в славословии Вседержителя, из небытия в бытие всех и всё приведшего по множеству милости Своея.

Пречистая Матерь Божия, святые Ангелы и святые человеки, составляющие Церковь Божию, к которой принадлежим и мы, внушают нам ликами своими, чтобы и мы были святыми членами Церкви Божией, подражали бы вере и житию их.

Господи! Ты ежедневно и многократно делаешь надо мною чудеса всемогущества и милосердия, оживляя умерщвляемую грехами душу мою,— за сие слава Тебе.

Вселенная — дом премудрого Зодчего, книга премудрого Сочинителя.

Так как мы чрезвычайно возвеличены Господом чрез восприятие Им на Себя нашего естества, то диавол, в противоположность этому, усиливается занимать и парализовать наши умы и сердца и тела пустыми вещами — деньгами, сластями, блудами, одеждами — или учит нас презирать и ненавидеть друг друга! Вот его дух, его намерение! Господь заповедал нам любить друг друга, а диавол подстрекает ненавидеть друг друга, враждовать друг против друга. А мы, как чада Божии, да разумеем злой умысел против нас диавола, и да презираем всё земное, возвергши всю печаль на Господа, и да прилепляемся всем сердцем ко Господу, и да мудрствуем горняя.

Что есть Церковь? Преддверие, предобручение неба. В ней всё небесно. Лица в ней — все небесные. Господь — Царь Небесный, и граждане небесные — Божия Матерь, Ангелы, святые; слова небесные, пение небесное.

Господи! Я принес покаяние пред духовным отцом Тебе, Сердцеведцу: даждь мне благодать совершенного прощения грехов и сотвори знамение во благо, да известно будет, яко простил еси мне вся согрешения мои! Господи! Даждь мне благодать измениться сердечно, даруй мне быть кротким, смиренным, незлобивым, терпеливым, не сребролюбцем, не завистливым, не сластолюбивым, не чревоугодником, не жадным, не скупым, не земнолюбивым, не ленивым, не своенравным, не упрямым, но нестяжательным, доброжелательным, воздержным, равнодушным к пище и питью, щедрым, горняя мудрствующим, трудолюбивым.

Пренебрегай человеческим о тебе судом, погрешительным и часто злонамеренным: есть суд Божий, праведный. Не уклоняйся от поношений мира, ибо *блаженны вы, сказано, когда будут поносить вас* [Мф. 5, 11]. Тебя называют лицемером, ханжой — не смущайся: есть истинный Ценитель сердец и действий человеческих — *Ему дадим отчет* [Евр. 4, 13]. Помни, что *всяк человек ложь* [Пс. 115, 2]. Впрочем, когда правду говорят тебе, не оскорбляйся, а познавай себя и исправляйся.

Не на слова обращай внимание простой и необразованной матери или необразованного отца, брата, сестры, а на мысль, на сердце, то есть на внутреннее, а не на внешнее: внешнее маловажно, а внутреннее заключает в себе всю важность. Если из-за простых, не грамматически сказанных слов матери, отца или другого необразованного человека презришь их, то уязвишь душу свою, как согрешивший пред Богом. В простоте сердца уважай всякого человека как образ Божий, хотя и немощный, и как член Христов, хотя и болящий или бедный, нищий. Помни, что ты сам недугуешь величайшею болезнью, величайшею грубостью, необразованностью сердца —

гордостью, надменностью, злобою, лицезрением, лицепрятием, завистию, скупостию, леностию, унынием, сребролюбием, любостяжанием, земнолюбием и прочими страстями; ты всех хуже, необразованнее, мерзостнее, ты гной, смрад греховный; тебе надо вести себя кротко и смиренно, как виновнейшему пред Богом и людьми, как преступающему присно заповеди Божии.

Премудрые и разумные века сего (образованные так называемые), заимствуйте у простых людей простосердечие, простоту веры, любви, простоту сообщения с ближними, их смирение детское, невозносливость. (Мать моя и земляк крестьянин Иван Иванович Шиков.) Образованные весьма часто бывают надменны, возносливы, гордятся пред равными себе, подобными себе человеками, созданными, как и они, по образу и подобию Божию, как и они, чадами Божиими, членами Христовыми.

Всякий грех сердца, например чувство злобы, гордыни, ненависть всей душой, как исчадие дьявола, как самого дьявола, и сердечно почитай и люби всякого человека, ибо все люди от единого Бога произошли, от одного человека и потому все должны жить между собою как братья, как члены одного тела, любя друг друга, как себя: всякому свойственно любить себя и всякий усердно любит сам себя.

Существо-то, ядро-то, жизнь-то человека есть любовь, долготерпящая, милосердствующая, не превозносящаяся, не гордящаяся, не завидующая, не мыслящая зла...

Простые, необразованные люди — младенцы во Христе, угодные Богу: для того Господь избрал апостолов из простых людей. Надо почитать простых и отнюдь не чуждаться их. Люди ученые — мудрые мира сего — гордые, лукавые, коих мудрость Господь давно назвал глупостию⁶⁵; не раболепствовать, не подобострастничать им, а обличать нещадно. Ученые да богатые и знатные мира сего распяли Господа славы. Не взирать на лица — взирать на человека. Мать моя — младенец старый, ребенок, простота. Достопочтенно это. У образованных людей много лукавства, страстей.

Можно ли священнику смущаться? Можно ли служителю Благого, служителю Бога любви озлобляться, служителю Долготерпеливого — раздражаться? Служителю Кроткого и Смиренного — гордиться? Щедрого — скупиться? Предстоящему престолу Бога небесного — помышлять о земном больше, чем о небесном, прилепляться к дольному? Причащающемуся Сокровища неисощимого — прилепляться к посторонним земным сокровищам?

Всё драгоценное и бесценное, все блага земли и неба: благодать Духа Святого, самое пречистое Тело и пречистая Кровь Господа — для тебя, человек, отдано Богом, потому что ты бесценен для Бога. Как ты всё это ценишь, человек? Как ты ценишь любовь Божию к тебе? Как себя ценишь? — За ястие и питье, за серебро, за временные, минутные наслаждения продаешь.

Отсеки свою волю послушанием многоразличной воле начальника. Смирение стяжи. Человек есть образ Божий, потому повинуйся человеку начальнику как Господу; отца-мать чти как Господа и ради Его; всякому ближнему различным образом служи, как Господу.

Грех есть дьявольская блевотина, например злоба, гордость, надмение, противление, непослушание.

Чти отца твоего и мать твою [Исх. 20, 12], заповедал Господь — и Сам явил нам пример почтения к Своей Матери по плоти, ибо возвеличил Ее превыше Херувимов и Серафимов и ради молитв Ее милует города, народы, царства. Если Богочеловек так почитал Свою Матерь-человека, то как мы, человеки, должны почитать своих родителей, одноестественных с нами? А то мы что делаем? Получим образование, возвысит нас всеблагой Господь на высокую степень в обществе — и мы давай гордиться пред бедными, необразованными и незнатными своими родителями и родственниками. Часто так бывает.

Как надо исполнять заповеди Христовы? — Употреблять в случай и повод сделать добро ближнему или оказать повиновение известной заповеди Христовой. Например, пришел земляк, или вместе и родственник, или сосед, знакомый в

гости — прими его ласково, как брата, побеседуй, накорми и отпусти его с миром; если он простой крестьянин — не возгнушайся им, если городской и курит табак — потерпи ему; если какой родственник ходит к тебе часто и берет твои любимые сласти — не жалея их, не ярись на него в сердце, не озлобляйся, а охотно предоставь ему вкусить их по желанию, — и ты исполнишь заповедь Христову; просят у тебя милостыни нищие, например денег: кто на сапоги, кто на рубашку, кто на квартиру, кто на паспорт, — не огорчайся, не раздражайся, не сердись, но спокойно выслушивай и обсуждай все просьбы и по мере возможности охотно удовлетворяй их, и ты исполнишь заповедь Христову: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим* [Мф. 19, 21], или: *Продавайте имущества ваши и давайте милостыню* [Лк. 12, 33]... Если из бедных кто просит тебя к требе, например молитву родильнице дать, причастать, соборовать, панихиду отслужить, — не брезгай и иди охотно, нимало не рассуждая, дадут или нет тебе за потребу, а ради Христа; если есть у тебя возможность, случай, страсть, привычка читать светские книги и ты не имеешь расположения читать книги духовного содержания и, во-первых, книгу книг — Святую Библию и Евангелие, во-вторых, писания святых отцов и, в-третьих, сочинения духовных лиц о духовных предметах веры, надежды и любви или лиц светских о духовных предметах — постарайся преодолеть, оставить свою привычку, хотя на известное время, и понудь себя читать ежедневно Евангелие хотя по малому отделению, с размышлением о прочитанном, и старайся приложить прочитанное к сердцу, к делу, и делай так всегда — и ты будешь исполнять заповедь Христову: *блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его* [Лк. 11, 28]; если в сердце твое часто прокрадывается суетное попечение о нарядах, о блестящих одеждах (хотя бы и священных), о щегольстве — отвергай от сердца это попечение и позаботься о душе своей, об одеянии ее в добродетели Христовы: кротость, смирение, терпение, нестяжание, послушание и преданность воле Божией, попече-

ние о горнем; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись [Гал. 3, 27]; не заботьтесь, сказано, для тела вашего, во что одеться.

Душа не больше ли пищи, и тело одежды? [Мф. 6, 25]; если имеешь привычку ежедневно не в меру есть и пить, обременяя свое сердце яствами и питием, чаем-кофе или пивом, вином, медом,— опять постарайся преодолеть и оставить свою худую привычку и есть и пить всегда в меру, только для удовлетворения естественной потребности тела, и ты исполнишь заповедь Христову: *Смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими* [Лк. 21, 34]. Не постоянно ли почти мы отягчаем сердца свои объядением и пьянством? Поревнуем же о воздержании, если мы подлинно христиане, то есть Христовы ученики, последователи. И так во всем будем поступать, во всех частностях житейских. Ибо послушание наше Евангелию испытывается в житейских частностях, как послушание Богу Адама и Евы было испытываемо чрез древо познания добра и зла (гимнастика духовная). Или вот еще пример: твой начальник не позволяет тебе сделать того, чего бы ты хотел, хотя бы это было и маловажное,— не огорчись на него, не воспротивься его желанию, а охотно покорись ему, и ты исполнишь заповедь Божию: *Чти отца твоего* [Исх. 20, 12], или: *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению* [Рим. 13, 1 — 2]. А что наша любовь к Богу и ближнему практикуется в таких частностях житейских, и Сам Господь Иисус Христос об этом свидетельствует, это подтверждает, это внушает, ибо Он не требует от нас чего-либо великого, а весьма обыкновенного: поучая кротости и незлобию при обидах нам от ближних, Он говорит: *кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* [Мф. 5, 39], или: *от взявшего твое не требуй назад* [Лк. 6, 30]; поучая милостыне, говорит: *Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся* [Мф. 5, 42];

поучая услужливости, говорит: *кто принудит тебя иди с ним одно поприще, иди с ним два* [Мф. 5, 41] и прочее. Так все мы должны изучить памятью, умом и сердцем все заповеди Христовы и ежедневно прилагать их к делу — и блаженны будем в житии, в смерти и по смерти.

Был бы непрестанно Бог в сердце — всё житейское приложится. А какая сладость, какое пространство в сердце, когда в нем Бог! Какая горечь, теснота, огонь, когда сердце прилагается к деньгам, или сластям, или одеждам! Жизнь не жизнь.

Все мы — одно, все любовь. Христе! Да будем совершени во едино, да любим друг друга.

Когда будешь смиряться в сердце и исполнять от души заповеди Божии, тогда-то восстанет на тебя сопротивник и будет коварствовать над тобою различным образом, смущая тебя, раздражая тебя, омрачая, — а ты всё терпи да знай волю Божию исполняй.

Помни, что твое сердце — тьма, зло: не следуй ему, распинай его. Христово сердце стяжи, Христа в сердце непрестанно имей. Кто *не возненавидит... душу свою, не может Мой быти ученик*, говорит Господь [Лк. 14, 26]. Даруй мне, Господи, ненавидите себя искренно, всегда.

Введи в Царство Твое вечное, Господи. Здесь всё кратко-временно, непостоянно, превратно. Желай всем сердцем стяжать вечную жизнь, вечное Царство с вечными благами.

Если бы истинствовало наше сердце, если бы светел был наш разум, то не было бы необходимости давать нам откровение о Боге и о делах Его, и о нас самих, и о происхождении всех вещей в мире. Была вопиющая нужда дать откровение людям о Боге и воле Его святой чрез святых мужей, а потом чрез Самого Единородного Сына Божия. Рождество Иисус Христово осияло мир светом разума. Люди сидели во тьме и сени смертной — предтече действительной, ужасной смерти вечной. Не доверяйтесь, люди, своему разуму и своему сердцу: они покрыты мраком греховным, не к свету, а к смерти ведут.

Сласти положительно вредны или, лучше, жадность к ним, неумеренность при употреблении их отлучают от любви к

Богу и ближнему, надмевают, научают презирать бедных и необразованных, простых; странное дело: чем проще пища, питье, одежда наша, тем лучше для нас и в отношении души: мы бываем смиреннее, проще сами, не презираем простых людей; а чем изысканнее наша пища, питье, одежда, нравы, обычаи — тем больше мы сочувствуем людям, употребляющим тоже изысканные пищу, питье, одежду и прочее, и отвращаемся людей, употребляющих пищу простую, грубую, питье простое, одежду простую. Вот какие последствия от похотей! Сласти еще в блуд ввергают, научают сердце лицепритию, непочтению к бедным и незнатным, нечиновным, ласкосердию к богатым и знатым. Итак, да будет простая пища твоя, одежда твоя, да не отвращается сердце твое от простых людей, да не гнушается ими.

Не завидуй богатым и знатым и ученым: многие, многие из них блаженствуют, по-видимому, а там, в том веке, будут мучиться; за сновидение, за мечту считай здешние блага. Простые, необразованные, бедные люди, живущие здесь в трудах, теснотах, обидах, там блаженны будут. Многие будут последние (простой народ) первыми, и первые (знатные, богатые, ученые) последними [Мф. 19, 30]. Суд Божий не таков, как суд человеческий: человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце [1 Цар. 16, 7].

Мы тунеядцы: даром светом солнца пользуемся, воздухом дышим, воду пьем. Отчего даром не дать денег, хлеба, одежды бедному, когда имеем избытки? Если рассмотреть хорошенько самих себя, свою жизнь, даже свои занятия или дела, то найдем, что мы всё даром от Бога получаем: и пищу, и одежду, и жилище, и деньги, и всё для того, чтобы не ценили этих вещей слишком высоко и не жалели подавать даром нищим того, что сами даром получили. *Даром получили, даром давайте* [Мф. 10, 8].

Пристрастие к сладостям и вообще к земному есть болезнь души, и надо молить Врача душ наших, чтобы Он исцелил ее. Пристрастие к сладостям земным есть беснование: оно водворяет в сердце вражду против Бога и ближнего.

Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем [Откр. 3, 21]. Побеждающий свои страсти и греховные навыки и ныне сидит на престоле с Царем Славы, вместе с Ним торжествует над врагами спасения и своими страстями.

Не озлобляйся на погрешающего или обидящего брата, а заметь ему кротко о погрешности его да наставь с любовью, как нужно дело делать, — и поправится, и оба будете покойны и правы пред Богом; за обидами же, тебе причиняемыми, не гоняйся, не взыскивай, не мсти за них, а предавай Судящему праведно. Мы все ученики в этой жизни, и все ошибаемся, все нуждаемся в снисхождении, в научении.

Долу, на земле, диавол царствует; на небеси, горé — Господь, Богоматерь, Ангелы, святые. Не считай целью жизни наслаждение благами здешней жизни: пищею, питием, одеждами, отличиями, богатством (это противно Евангелию) — а наслаждение будущими нетленными благами вечной жизни.

Живи в любви — и кушай всё умеренно, во славу Божию, делясь и с нуждающимися и с родственниками. Туне приемлешь — туне и давать не жалея: всё Божии дары.

Или Бога и ближних всех любить, или многоразличную вещественность всю — что-либо одно; но любить вещественность и не любить Бога и ближнего нелепо, противно здравому смыслу. Мы не кусок земли, а по образу Божию. Всякую земную приятность презирай, как и плоть свою.

Смотри, иерей, ты ведь небесен: предстоишь с Ангелами, Архангелами, Херувимами, Серафимами, когда совершаешь литургию. Пойми свое высокое положение и не занимайся дольным. Ты совершенно должен быть небесен по своим помыслам, чувствам, намерениям, словам, делам... Для чего на вратах алтаря изображены Архангелы?

Какая гордыня бывает иногда в человеке: не только мирские блага, но и [духовные-то] он захватил бы все самому себе: один бы пел в церкви, а другие нет, тогда как другие-то, может быть, нравственно гораздо выше его, а сам он — смрад греховный. О, гордыня!

Сами гоняемся за богатыми людьми, чтобы получить нечто от них, а когда нищие за нами гоняются — не любим, презираем их.

Господь дал нам бытие и с ним все блага — разум, сердце, волю, свет, воздух, пищу, одежду, жилище, добрых родителей, родственников, начальников, друзей, благодетелей, знакомых, и за всё это требуется от нас только живое сознание, что всё это мы имеем от Бога, да чувство благодарности и любви к Творцу и повиновение Его заповедям, для нашего же блага и блаженства.

Враг учит нас замечать малые недостатки или погрешности в других (иногда только мнимые) и озлобляться на них, чтобы мы не проникали внутрь себя, не видели своих грехов и не исправляли себя; вооружит против одного, а потом уже и ко всем озлобленный им чувствует нерасположение и озлобление, ибо яд злобы во мгновение заражает его сердце; если этот озлобленный на кого-либо есть священник, то злоба не даст ему искренно молиться за всех в молитве церковной. Так нужны священнику и всякому христианину любовь неизменная, кротость и смирение, терпение, долготерпение и снисхождение.

Кто с жадностью ест и пьет и сверх потребности, хотя и с аппетитом, тот ест и пьет не силу, а бессилие для тела и души, ибо многоядение расслабляет.

Всё делай: слушай, читай, говори, работай — с размышляющим сердцем.

Когда враг будет обуревать тебя сомнением и боязнию пред и по причащении или в другое время, например при чтении молитв, вспомни, что это делает хулитель величия и святости Божией, и презри его козни, успокоясь в сердце своем, а унывать и не думай.

Рыбы, как питательной пищи, грубящей, одебеляющей сердце, лучше не есть, а есть растительную или довольствоваться чаем с булкой.

Помни, что и сытость хлеба и изобилие вина довели Содом и Гоморру⁶⁶ до величайшего нечестия и забвения Бога.

Всех я необразованнее, невежественнее, потому что необразованное, невежественное сердце имею, склонное к гордыни, высокомерию, ложному стыду, злобе, зависти, скупости, жадности. Многие простые, необразованные мужички в этом отношении гораздо лучше меня (Иван Шиков).

Заамвонную молитву читай по утишении всех чувств.

Не жалея, что теряешь доход или плату за известное дело, которого ты не можешь по стечению дел исполнить. Это жадность, которая всё готова захватить в свои руки, забрать всё, если б было можно. Не жалея; дело же, которое делаешь, делай нераздвоенным, всецелым сердцем.

12 марта. Благодарю Тя, Господи мой, яко от насилия вражия дважды спасл еси душу мою. (Суббота Похвалы Богоматери. Акафист.)

Врагу нашему диаволу больно не хочется, чтобы я высказывал мерзкие содомские грехи, но надо их [на позор] смело выводить, высказывать. Мудрость мира сего буйство есть у Бога: много знают, а заповедей Божиих не знают и не исполняют.

Мать моя для меня выше и дороже и честнее всех на этом свете (если она богобоязненна), потому что она моя мать.

Доселе ли я не познал своего ничтожества, своей мерзости, своего бессилия для всего доброго, бездны гнездящегося во мне зла (*В бездне греховней валяясь⁶⁷*); доселе ли я не плачу и не рыдаю о развращении своего сердца, доселе ли я не смиряюсь и не считаю себя хуже всех, последнейшим всех, как превзошедший всех погрешностями, ибо ведый и мудрствуяй согрешал и не перестаю согрешать — и тогда, [как] служу непрестанно Богу, совершаю Божественную литургию и причащаюсь часто Божественных Тайн! О, обожение нашей природы! О, простота святая!

У матери свой язык, свое наречие, сельское, простое, грубое, не грамматическое, которого не надо презирать, но отдавать должное уважение, как словесному органу. Дьявол всё старается употребить в повод к злобе и презрению — ты старайся всё употребить в повод к благо-

сти, ласке, смирению. Ты говоришь правильною речью, образованною,— благодари Бога, даровавшего тебе образование, но помни, что образованная речь без образованного сердца (если, например, сердце злое, высокомерное, грубое, упрямое, завистливое, скупое) ничего не значит, пустой звон металла; напротив, необразованная речь при простоте сердечной, кротости, незлобии, ласковости, покорности имеет великую цену. О, какие мы лицеприятные, поверхностные, ложные! Итак, уважай наречие каждого места и не презирай человека из-за грубого наречия, как из-за грубой одежды. Помни, что ты сам некогда говорил тем же наречием. Простые, необразованные люди — дети: всё у них безыскусственно, просто: наречие, одежда, пища, питье.

Враг не дает выговаривать некоторых слов при отправлении богослужения. Скажи ему: представь причину, почему бы их не выговаривать? И не представит, нелепый, причины, потому что нет ее. Все слова молитв по научению Духа Святого преданы нам для учения и молитвы.

21 марта. Понедельник Великий. Благодарю Тебя, Господи, яко удовлил мя еси совершити Божественную литургию Преждеосвященных Даров и по некоем преткновении на заамвонной молитве не попустил еси овладети мною духу уныния злого, но чрез причащение Божественных Таин прогнал еси его и мирна мя соделал еси. Благодарю Тебя, яко во время Часов и литургии несколько раз спасл еси мя. Мужайся, когда находит дух уныния.

Алчущия исполни благ и богатящиеся отпусти тщи [Лк. 1, 53]. Нужно алкать, чтобы Господь исполнил душу благами. Горе насыщенным.

Священник всегда должен гореть любовью к Богу и ближним: иначе как он искренно будет молиться об них Богу по таким прекрасным молитвам?

Существом сердца твоего да будет любовь неизменная ко всякому человеку. Всякий вид вражды возненавидь; такой-то, говоришь, имеет надменный взгляд, надутое лицо, не люблю его — нет, люби: этот взгляд, это лицо есть

болезнь его, язва его, а мы все носим язвы прегрешений. Такой-то, говоришь, оборванец, [как-то] подпевает, стоя позади клироса, дьячку, и разнит: ненавижу его в сердце моем, ярюсь на него,— ты в плену у диавола, ты горд, надменен: как ты смел осуждать и ругать брата, хотя бы в сердце, презирать его за то, что он поет Господу? Ведь он, как и ты, по образу Божию и воспевает свой Первообраз, свой Живот Ипостасный, своего Отца и Промыслителя.

Благодарю Тебя, Господи, яко беззакония моего сердца отъемлещи по молитве моей и великое смущение, мрак, скорбь, тесноту, огонь, уничижение сердца и лица преворяещи в мир, свет, радость, пространство, прохладу, легкость, величие и дерзновение, вместо же греха подаешь святыню! Но утверди мя на камени Твоих хотений, премирный Господи!

О, как сластолюбие противится заповедям Божиим; сластолюбивое и исполненное сластями сердце презирает людей грубых, необразованных, простых, гнушается ими, ни во что их ставит. Вот какая гордость происходит от сластолюбия!

Земля сия есть земля пленения душ, заблуждения, омрачения, скорбей, бед и болезней. В храме люди — дети Отца Небесного — беседуют с Отцом Небесным, и сладостна эта беседа для душ благочестивых.

Когда мы, гордые, злые, своенравные, начнем смиряться и станем стараться быть смиренными, добрыми, покорными от сердца, то эта перемена поначалу бывает очень болезненна, и гордость и злоба оказываются тогда очень болезненными ранами сердца, каким-то диким мясом — наростом, который надо исторгать прижиганием. Это прижигание составляют скорби. Поэтому скорби необходимы для грешника, хотя они и очень болезненны. Но если безгрешный Господь скорбел нас ради (*душа Моя скорбит смертельно* [Мф. 26, 38]), если Пресвятая Дева Богородица скорбела в [сильной] мере, то нам ли, грешным, отрекаться от скорбей? *Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* [Деян. 14, 22]. Почему? Потому что много у нас ран гре-

ховных и потому что зол борец наш диавол, искуситель наш, непрестанно ищущий уязвить и поглотить нас.

Имже судом сужите, сужят вам [Мф. 7, 2] — обратится в пользу душевную и телесную или во вред душевный и телесный тебе самому, ибо мы едино тело. Моря и реки сообщают воды свои в виде паров воздуху, воздух возвращает земле, земля опять возвращает морям и рекам. Человек добывает пищу из земли и потом опять возвращает ее в землю, земля опять человеку. Такое мудрое кругообращение! Так и в нравственном мире. Всякое добро, сделанное нами ближнему, к нам возвратится, и сторицею.

Вот постоянное чудо благодати, всемогущества и премудрости Божией: Он ежедневно и многократно меня воссоздает, очищает, обновляет, умиротворяет! Слава Тебе, Господи!

Всё суета: красота лица, приятная манера, правильное, искусное по внешности слово, красота одежды, даже внешнее образование, — всё значение истины и пребываемости имеет сердце верующее, простое, смиренное, незлобивое.

Благодарю Тя, Господи, яко ныне (22 марта, Великий Вторник) избавил еси мя от лести злобы на брата Григория Блинова, подпевавшего в церкви на утрени. Сам пою розно — ничего, брат поет, немного рознит, — беда. А всё из-за чего? Из-за того, что Блинов бедный, оборванный. А что предосудительнее? Рознить устами или сердцем? Розно петь или ненавидеть брата за розни пения?

Желая петь в свой тон, а не чужой, например не дьячка, не певчих (хотя голос дьячка и не худ, или голос певчих), мы показываем в этом свою гордыню, желая, чтоб мы были всегда наверху, чтоб, как говорят, наша брала, а брат всегда внизу, и брата и его голос ни во что ставим, к себе же и всему, что наше, оказываем пристрастие, и из-за этого пристрастия к своему происходит часто огорчение на ближнего, озлобление, когда он не по-нашему делает, возмущение, потеря духа любви и невозможность молиться искренно Богу о людях, славословить

Его,— а священник должен всегда гореть любовью к Богу и ближнему.

Ученому человеку, пренебрегающему изучением Евангелия и Закона Божия. Инструмент-то у тебя (душа, ее способности, сердце, разум, воля) тупой, сосуд-то нечистый, в который слагаются все твои познания. А к чему послужат все познания без чистого сердца или при нечистом, порочном сердце, без любви к Богу и ближнему, без кротости, смирения, незлобия, покорности? — К большему осуждению и мучению и к большей тяготе в этой жизни, к большему беспокойству: *кто умножает познания, умножает скорбь*, — сказал некто из древних [Еккл. 1, 18]. Итак, прежде всего изучи себя, а потом изучай внешние [науки], чтоб познание их вело к усовершенствованию твоего сердца, твоих нравов.

На всем пространстве жизни искушает диавол — на всем пространстве жизни готов спасать и спасает Спаситель, то есть каждую минуту готов спасать.

Познай нищету своего духа и возлюби нищих, да обогатишься.

Плоть грешную отделяй в человеке от его духа бессмертного, по образу и подобию Божию сотворенному, и из-за страстной, грубой, темной, косной плоти не презирай духа, не презирай образа Божия; или не имей плотской любви и излишнего уважения к плоти прекрасной, презрев опять образ Божий — душу. Не душа ли сообщает красоту телу? Еще помни, что у ближнего, например нищего или вообще у брата твоего, те же немощи, какие у тебя. А ты при стольких благодатных средствах всё остаешься с теми же немощами! Как же ближний-то будет совершен, не пользуясь такими средствами к узнаванию и побеждению своих грехов, страстей, привычек?

Когда мы хотим поставить на своем, чтобы брат непременно был таков, а не другой, хотя и в добрую сторону, то это есть насилие, самоуправство: у всякого человека есть свобода, которую и Бог не насилует. Себя не изменяем, а брата скоро изменить к лучшему хотим.

Согрешил я пред Богом своенравием и упрямством, не желая, чтоб пел Блинов. Как хочется мне петь в церкви, когда Дух Святой движет мое сердце и уста! Но так же хочется и другим петь: и их сердце и уста движет Дух Святой. Если что несколько негармонично — ничего: зато в душе, быть может, у них гармония духа, мир, строй. *Единеми усты и едином сердцем*⁶⁸... Это злоба дьявольская. Испытано. Презирать ее.

Если говоришь: *Яко Твое есть Царство и сила и слава* — отчего не повинуюешься Богу, отчего не царствует в тебе Бог?

23 марта 1866 г. Великая Среда. Обедню, по благодати Божией, совершил непреткновенно и причастился в мир душевных сил. Пред исповедью гимназистов мерзкий дух уязвил хулою на Пречистую. Победил молитвою. Гимназистов исповедовал хорошо, мирно, рассудно. В соборе исповедовал сначала мирно, но потом вскоре враг прокрался в сердце чрез опасение мое — не украли бы собравшиеся около сосуда с билетами и свечами деньги — и этим сильно уязвил и мучил меня во всю исповедь жалением серебра. О Господи! Согрешил я пред Тобою: имея Тебя, живота и попечителя моего, в себе, о серебре поревновал, об этом соре! А для чего серебро? Да в сладостях его иждивая, да плоть свою многострастную, прелюбодейную, тленную ублажим. О, как еще низка моя душа и нетверда в благочестии! Но помни серебряники Иудины, что ревнование о собрании серебряников есть дело сатаны. Единого Бога, живота всесовершенного, имей в сердце, довлеет Он тебе для всего: сердце твое едино.

Помнить, что как хула вражия на святыню святых Божиих есть мечта, ложь, нелепость врага, так точно и жажда и жаление серебра — мечта. Когда я убеждался сердечно в этом, в сердце ощущал мир, а когда побеждаем был противными мыслями, тогда ощущал огонь и тесноту и мрак.

24 марта 1866 г. Великий Четверг. Благодарю Тебя, Владыко, яко даровал еси мне благодать совершить непреткновенным сердцем и усты Божественную литургию Василия Великого, и благопоспешно причаститься

Святых Таин, и людей Твоих причастить, и потом потребить Святые Дары в мир душевных моих сил и во обновление души и тела. О чуде Божественных Твоих Таин! Слава Тебе!

О, какая смиренная мать моя! Как она даже предо мною смиряется! И как надо мне пред нею смиряться! Ибо она пример для меня. Если бы она держала себя предо мною с важностью, как мать, и тогда бы я должен был смиряться пред нею как сын, как рожденный и вскормленный ею. Но она держит себя предо мною очень кротко и смиренно! Притом честь, оказываемая отцу и матери, восходит к Богу, создавшему нас чрез них. Тем паче надо почитать их!

Мать моя, простая женщина, обладает простосердечием, которого я, ученый и священник, не имею. Она говорит мне простосердечно: здравствуй, дитяtko, прощай, дитяtko, благодарю, дитяtko, — а я не могу без насилия себя сказать: здравствуй, мамаша, прощай, мамаша, благодарю, мамаша; я одержим лукавством гордыни. Господи! Дадь мне простосердечие! О, как Господь посрамляет и запинает мудрых мира сего, а как умудряет простых и как пространно у них сердце! Младенец во Христе мать моя. Но то дивно, что лукавые, гордые века сего враждуют против простосердечных, озлобляются на них, высокомерничают пред ними, когда надо бы было смиряться пред смиренными и незлобивыми, уважать их, удивляться им, как они, при своем невежестве, столько мудрее нас, ученых, в жизни! Ибо простота сердца есть величайшая мудрость.

Не поцеловал я однажды руки у матери, когда она шла спать и прощалась со мною; зачем часто, думал я, целовать ее, тяготясь этим,— и что же? Уязвилось, смутилось сердце от непочтения к матери и до тех пор было в смущении и тесноте, пока я не подошел к ней, уже лежавшей на диване, и не поцеловал руки ее, попрощавшись с нею. После того я вскоре же успокоился, успокоилось сердце мое.

Мать моя после Бога — божество земное, ибо от нее, после Бога, получил я бытие; честь, воздаваемая ей, воз-

дается Богу и возвращается ко мне самому, ибо она и я — одно. Она, кроме того, по образу Божию и член Христов, человек, во всем подобный мне. А человек — высокое существо: всевозможное почтение оказывай ей, ни из-за чего не презирай ее и не озлобляйся на нее.

25 марта 1866 г. Благодарю Тебя, Господи, яко даровал еси мне благодать непреткновенно сердцем и устами совершить Божественную литургию и причаститься Святых Таин, и умиротворил еси мя, и возвеселил еси мя. Но после литургии прибывший мне грех дома после обеда за гнушение рукою матери прости мне, Господи! Опять простосердечию изменил.

Якоже Господу служи матери: она была живым ковчегом твоим, в коем образовалось твое бытие, твоя душа и тело; она берегла тебя, как зеницу ока, воздоила тебя, воспитала тебя, добрые семена посеяла в тебя, одевала тебя, болела о тебе, жалела тебя, как никто не жалел, радовалась о тебе, о твоём здоровье и успехах.

Уважай язык матери как природный и говори ее языком, то есть ее разговорным складом. Люби. Не гнушайся, не брезгай языком ее, как не брезгаешь языком самодским, зырянским, татарским.

Охотно терпи немощи матери, как она терпела охотно и с любовью твои.

Господи! Дажь мне благодать ничем не обижаться, ни на что не оскорбляться; как мать моя незлобива, так даруй Ты мне быть незлобивым. Неласковый или грубый вид ближнего или грубое слово даждь встречать снисходительно, благодушно, терпеливо; даждь всем прощать, всех терпеть.

При употреблении пищи и питья всякий из взрослых сам для себя господин, ибо сказано о всяком человеке: *вся покорил еси под нозе его* [Пс. 8, 7]. *Не ядый ядущаго да не осуждает* [Рим. 14, 3], что он много или сладко ест.

26 марта 1866. Благодарю Тебя, Господи, державно и благостно избавившего меня двукратно во время литургии от пристрастия моего и от злобы древнего запинателя и даровавшего совершить литургию непреткновенно,

громогласно. Но вот в квартире директора опять было запнул меня враг желанием денег, но вера восторжествовала о имени Господнем, и опять я умиротворился, и опять светлый вид приняло лицо мое. Дома после обеда опять запнул враг чрез пристрастие к белому хлебу, но и опять, Господи, помилуй мя и очисти и умири меня. Ни денег, ни хлеба вожделевого не желай и не жалея — единого Господа на всякую минуту вожделевай, гори к Нему любовью.

27 марта 1866 г. Господи! Благодарю Тя, яко всеблагою и всемогущею Твоею благодатию враги моя, коварствовавшие надо мною, победил еси, и грехи моя очистил еси, и утреню пасхальную купно с литургиею даровал еси совершити, якоже просих у Тебе ранее, во славу Твою, громогласно, открытым, пространным сердцем и устами. Певчие в начале обедни худо пели — это меня волновало, но после я успокоился, ибо сила вся в благодати священства. Господи! Се тако вся дни живота моего враги моя побеждай и тако, и еще лучше и лучше служить Тебе даруй. Но о чесом просих Тя до утрени и о чесом Тя просих во время литургии, исполнил. Шесть часов утра.

Многоядение и многопитие — одна жадность плоти; желание многих и блестящих одежд тоже одна жадность плоти. Не вдавайся в различие брашен и напитков, не делай много одежд, особенно дорогих, иждивай свое имение на бедных, ибо для человеков вся земля, все дары Божии, но не для одного или нескольких только, так чтобы одни были богаты, а другие — бедны и не имели насущного.

Игра в печать. Печать, столь полезное искусство, орган истины, ныне обратилась большею частию в игрушку, в забаву, в проводник всяческой суеты. Это море великое и пространное, в котором *гади*, ихже несть числа [Пс. 103, 25]. Потому не всё, что печатают, надо читать, а надо благоразумно выбирать из печатаемых книг и листов такие, которые отличаются пользою, дельностию, благонамеренностию, которые ведут к истине и добру. Да и печатать нужно не всё, а только полезное, истинное и доброе, потому что за всякое

праздное слово, как научены мы Спасителем, придется людям дать ответ в день Суда [Мф. 12, 36].

Император, Синод, архиепископы, епископы, архимандриты, игуменство, честное пресвитерство, во Христе диаконство, весь священнический и монашеский чин, синклит⁶⁹, военачальники, градоначальники, воинство, все чины гражданские и военные, купечество, мещанство, крестьяне — ведите все дела свои так, чтоб вам непосрамленным лицом можно было предстать пред Всевидящим Судиею на оном страшном и праведном испытании. Помните все, что есть непрестанный Зритель помышлений, намерений, словес и дел ваших — Судия вселенной, праведный, грозный, величественный, Коего величию нет предела.

Не придет Царствие Божие приметным образом... Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть [Лк. 17, 20 — 21]. И царство сатаны приходит также тайно, крадучись, вдруг, незаметно. Вот ты сидишь беседуешь с ближним, но вдруг входит человек в ваше общество, которого ты не жалуешь или за его простоту и необразованность, за лицо или одежду, или за обиду какую, действительную или мнимую, и вдруг тобою овладевает ложный стыд убийственный, стеснительный, уничижительный для тебя самого, потому что ты смотришь на лицо и уничижаешь ближнего, который, как и ты, сотворен по образу Божию и искуплен Кровию Спасителя и есть член Христов, как и ты. Итак, говорю, тобою овладевает ложный стыд, гордость, презрение или же злоба, раздражение. Кто это в тебе действует, кто хочет царить в тебе, кому ты тут служишь, если допускаешь ложный стыд своего ближнего или злобу на него? Это действует в тебе диавол, это он царствовать в тебе домогается, все лукавый. Или к тебе приходит человек, родственник или посторонний, который нередко тебя навещает и туне ест-пьет твое, — в тебе вдруг является чувство озлобления и презрения к нему и скупости, когда он сидит за твоим столом. Чье это дело? Опять вражие и вместе твое, потому что, если ты не противишься всем сердцем чувству злобы, презрения и скупости, ты делаешься по своей воле един дух с сатаною.

Или вот твой знакомый не поздоровался с тобою, и ты озлобился на него. Чье это дело? Твое и вместе сатаны, который всячески учит нас озлобляться друг на друга, ненавидеть, презирать друг друга. Или вот ближний угрюмо и, по-видимому, зло смотрит на тебя, и твоим сердцем овладевает злоба и презрение к нему,— чье это дело? Сатаны и вместе твое: сатана учит — ты слушаешься исполнять его козни; тебя зовут на известное дело по должности, дело, которое не приносит тебе лично пользы,— ты раздражаешься на приглашающего: опять, чье это дело? Опять сатаны и твое. Тебе, по-Божьему, надо охотно служить ближнему, нести тяготы его, даже, когда нужно, и душу свою положить за него, а ты и малого труда не хочешь охотно подъять для него. Или вот ты — допустим, что ты священник,— исповедуешь своих духовных детей, вот они за труды твои дают тебе деньги; вдруг тебе приходит мысль и боязливое опасение: не украли бы твоих денег стоящие близ духовные дети. Это опасение тебя жжет, теснит, омрачает, расслабляет,— чье это дело? Опять дело сатаны, который ищет всячески парализовать нас при исполнении нами духовных потребностей. Но есть тут и твое дело, твой грех, потому что это опасение за деньги показывает твое к ним пристрастие и легкомыслие в духовных вещах, неприготовление к нему молитвою, размышлением и воздержанием. Или ты служишь утреню, обедню, или вечерню, или совершаешь какое-либо Таинство, или молебен, или панихиду, или другое что — к тебе закрадывается в сердце сомнение касательно Таинства, касательно слышания и приемлемости Богом или святыми твоей молитвы: это тебя уязвляет, мучит, стесняет, омрачает, раздражает; или к тебе приходят помыслы скверные, хульные, лукавые — чье это дело? Лукавого, нечистого, хульного духа злобы — но тут есть доля и твоего греха, если ты при этом малодушествуешь, колеблешься, смущаешься и не вменяешь этих козней лукавого за ничто. Или ты озлобляешься на сослужащих тебе за какую-либо неисправность истинную или мнимую, чье это дело? — Врага нашего общего и твое, если и ты озлобля-

ешься, а не снисходишь к ближнему, не кротко замечаешь ему. Или ты вдруг чувствуешь, что вследствие помысла о деньгах или о лакомом ястве сердце твое вдруг смутно, болезненно пристрастилось к ним, горит оно, теснит, во мрак повергает, — чье это дело? Дело вражие: враг запинает нас, особенно во время священнодействия, пристрастием к земному, — да вместе и твой грех: он показывает твою жадность к деньгам, яствам, напиткам. Или ты взглянул на какое-либо лицо и уязвился нечистым помыслом — чье это дело? Врага и опять твое, потому что этот нечистый помысл говорит о нечистоте твоего сердца, о пристрастии к красивым лицам, о превратности твоего сердечного взгляда на священнейшие детородные органы, от которых распространяется жизнь в мире, которые служат орудием исполнения слов Создателя: *раститесь и множитесь, и наполните землю* [Быт. 1, 28]. Или ты слышишь о каком-либо товарище, ближнем хорошие речи, о его успехах, его благотворной деятельности и уязвляешься завистию, думаешь: да чем я не таков? Чье это дело? Завистника диавола и твое, потому что ты показываешь тут свое самолюбие и гордость, хочешь быть один выше всех, хотя сам, может быть, пренемощный человек и мало чего истинно дельного можешь сделать. [Таким] и подобным образом враг в нас коварствует! Блажен, кто разумеет его козни и не следует им и не малодушествует при нахождении их, но крепко стоит сердцем на камне Христовых заповедей и возводит молитвенно мысленные очи сердца ко Христу, Спасителю душ наших.

Пойми же ты благодать Божию, тебе даруемую, что тебе потребно очень мало пищи: есть один раз в день или два, но как можно меньше.

Горделивейший сатана, в нас действующий, постепенно, незаметно, усердно старается в нас нарушить благоговение наше к Богу и святым Его, внушая нам холодность и нерадение к молитве церковной и домашней, научая нас молиться легкомысленно, не из глубины сердца, без размышления, поверхностно, не взвешивая внутренней важности и силы слов молитвенных, не попуская нам иногда, по нашей

плотности, выговаривать каких-либо слов молитвы, которые, может быть, особенно его бьют, уязвляют его гордость, внушая не благоговейно и не сердечно произносить имена святых, Самого Бога и Пречистой Его Матери. Таким-то образом сатана усиливается ежедневно поколебать нашу веру в Бога, надежду на Него и любовь к Нему; особенно же он усердно действует в сердцах христиан и всех людей к нарушению деятельных заповедей Его, то есть требующих деятельности нашей, исполнения заповедей Его, преимущественно о любви к Богу и ближнему. Тут он на место животворящих заповедей Божиих старается поставить свои погибельные законы, правила, обычаи, приемы, а заповеди Божии старается вовсе искоренить из сердца: например, учит нищих и простых людей презирать, а богатых и ученых уважать, раболепствовать им; телесную красоту уважать, некрасивых презирать; раздражаться, гордиться, презирать, завидовать, лгать, сребролюбствовать, объедаться, упиваться, любодействовать, красть, предаваться разным веселостям плотским; упрямитесь, не слушаться старших, вольнодумствовать, кощунствовать над святыней, лениться и прочему. Потому верный Христу раб должен непрестанно носить в сердце Христовы заповеди, например заповеди: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... и ближнего твоего, как самого себя* [Лк. 10, 27]; *любите друг друга* [Ин. 13, 34], или: *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими* [Лк. 21, 34].

Дорогой, почтенной, священной для тебя личности отца или матери не приноси в жертву своему человекоутодию, но да будет она всегда и везде и пред всеми дорога, почтенна и священна; и не постыдись ее ни пред кем за ее грубость и необразованность, считая мягкость, образованность, красноречие делом второстепенной важности, а главным то, что она, как и все человеки, по образу и подобию Божию, имеет такой же как и все ум, такое же сердце, и может быть гораздо более других чистое, такую же волю, такой же почтенный вид человека, такое же почтеннейшее

титло⁷⁰ христианина, и памятуя, что ты сам, достопочтенный по сану и званию и, может быть, вовсе не достопочтенный по своему сердцу, нравам, действиям, произошел от нее и по образу ее. Значит, чтя отца или мать, чтишь Бога, создавшего их по образу Своему и по подобию, чтишь и себя, произшедшего от них. Не внимай врагу, шепчущему в сердце и подстрекающему нас непрестанно к гордости, презорству, зависти, злобе, скупости, любостяжанию, непослушанию и прочим грехам. Ходи непрестанно в простоте и благости, незлобии сердца, памятуя, что Бог всё во всех [1 Кор. 15, 28] и что младенцы, то есть простые люди, во всем дороже для Бога людей премудрых и разумных века сего, например хоть тебя самого, [исполненного] всякой неправды, всякой страсти. У них же всё просто делается, и грешат-то они спроста, потому что после искренно каются и охотно несут духовное наказание, даже просят его, чего мудрые и разумные века сего не заявляют.

Доколе тебе поклоняться кумиру света и его приличиям? Доколе считать за нечто великое светскую образованность, которая есть буйство у Бога, светское красноглаголанье и многоглаголанье (Господь любит благоразумное молчание), красиво выраженное лицо с головным убором по последней моде, красивую одежду в городском вкусе и тому подобное? Доколе будешь таким мелочным, с ложным взглядом, человеком? Составляет ли человека и христианина всё то, что я исчислил выше? Не верующее, не кроткое ли и смиренное сердце составляет человека, особенно христианина? Не богобоязненность ли? Не молчаливость ли? Не сердце ли простое, доброе, незлобивое? *Человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце* [1 Цар. 16, 7]. *Имейте веру в Иисуса Христа нашего Господа славы, не взирая на лица* [Иак. 2, 1].

Внимай себе непрестанно, как ты обращаешься со всяким ближним, с которым приходится обращаться: с кротостию ли и смирением, любовно ли, уважительно ли; если ближний согрешил против Бога или против тебя и вместе против себя (например, если он несколько

пьян) — снисходительно ли с ним обращаешься, терпя его любовь, покрывая его согрешение (помня, что и сам ты не безгрешен, не бесстрастен), или сурово, нетерпеливо, злобно, презрительно, — если это последнее, то ты сам согрешаешь больше брата, потому что нет греха тяжелее гордости и злобы. О, как осторожно, мудро надо обращаться со всяким человеком, который есть образ Божий, хотя и носит язвы прегрешений!

Господи! Благодарю Тебя, яко меня, согрешившего против брата презрением, озлоблением, скупостию, помиловал еси, когда я воззвал к Тебе о помиловании молитвою псалмопевца. 29 марта 1866 г.

Господи! *Даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего*⁷¹. Странное дело! Мы слепы для того, чтобы видеть свои грехи, всё безобразие своих сердечных страстей, и очень зорки для того, чтобы видеть с злобою чужие грехи, злобно отвращаться из-за них ближнего, не удостаивать говорить с ним или говорить презорливо, грубо, вместо того чтобы кротко, любовно поговорить с ним и вразумить его словом любви оставить известный грех, известную страсть и, если не оставит, не сердиться, а жалеть его, ибо всякий создан свободным, и Сам Бог никого не принуждает сделаться добродетельным. Видим несколько пьяного знакомого или родственника — и осуждаем его, не удостаиваем его слова кроткого и ласкового, а отвращаемся его, как чумы, забыв свои величайшие немощи; видим курящего в нашем доме — и отвращаемся его, озлобляемся на него, презираем его, забыв, что зловоние, дым нашей злобы и гордости гораздо более преогорчивает Владыку нашего живота, чем нас дым табачный. За что осуждаем ближнего? Вот, думаем, не так ест-пьет, например лакомо, неладно поет, неладно говорит, не так ходит, не так сидит, не так смотрит, не так здоровается, не так одевается — и, словом, в ином ближнем нам всё кажется не так, как быть должно, хотя у самих, может быть, действительно многое нехорошо, не так, и однако ж того не замечаем. И вот отчего мы не

исправляем своего сердца, своих нравов, греховных навыков, страстей: оттого, что замечаем всё за другими, а за собой не хотим ничего видеть, или хотим исправлять других, тогда как надо бы прежде исправить самих себя.

Господь нас ради обнища богат сый, да мы нищетою Его обогатимся [2 Кор. 8, 9]. Если Господь нас ради обнищал, то и мы не должны бояться обнищать ради нищих братьев наших, да восприимем от Него и вещественные и духовные блага, ибо в нюже меру мерим, возмерится нам [Мф. 7, 2].

Если нас ради Господь алкал, то мы ради себя должны поалкать, попоститься, ибо нужно это алкание, да душа насытится.

Стоя в церкви пред престолом Божиим, чаще мысленно вопрошай себя: где ты стоишь, о иерее? Для чего? От Кого поставлен? Имеешь ли любовь к Богу и ближнему, чтобы достойно стоять на этом месте, чтобы не лицемерить, чтобы истинно говорить все молитвы, проникнуться духом любви к Богу и человечеству?

Плоть наша окаянная, то есть ветхий наш человек, всё духовное презирает, как бы не замечает, не видит, а на всем плотском, внешнем, внешне привлекательном останавливается и ко всему, что есть лучшего или возбуждающего, щекочущего ее, прилепляется. Так, она — о, ужас и подумать, не только сказать — и Господа Бога, и Владычицу, и все небесные чины, и святых Божиих презирает и делами это показывает, не желая часто и знать повелений Господних, зачастую презирая их, на каждом почти шагу нарушая их; не чтит по достоянию Владычицу мира, внутренно иногда хулит Ее, Пренепорочную, забвению предаёт ангельские чиноначалия, составляющие единую во Христе Церковь с нами, также и святых Божиих людей, молитвенников наших усердных ко Господу, да и в земных людях духовные потребности духа, расположения, симпатии ни во что ставит. Против такого направления плоти что надо делать? Надо как можно больше ценить всё невидимое, презирать видимое: то — как истинное и пребывающее, это — как прелестное и временное. Во всяком человеке ценить невидимую

его душу, сердце, презирать тленное его тело, его красоту, нарядность, внешний лоск, внешнюю, мирскую образованность, ценя образование сердца, веру, благочестие, страх Божий, духовное рассуждение о предметах Божественных и мирских. По свету человек иногда всем взял: и ростом, и дородством, и умом, и образованием, — да по Богу ничего не имеет и, значит, в самой вещи пустой человек — мишура одна, один внешний блеск, временно наведенный. Не презирать отнюдь простых, необразованных людей, потому что где мир ничего не предполагает доброго, там Господь видит Себе избранные сосуды. Так Он апостолов избрал не из знатных и богатых и образованных мира сего, а из простых, неученых поселян — рыбарей, да и первые христиане были большею частию простые люди: *не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощее мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом* [1 Кор. 1, 26 — 29]. Мир полагает жизнь в еде, питье, нарядах, курении, играх, развлечениях, увеселениях — презирать всё это как маловажное и греховное: и еду, и питье, и наряды, и курение, и игры, и частые развлечения, особенно не вовремя, и употреблять только то, что составляет насущную потребность тела и души, а не прихоти плоти. Заботиться о покаянии и частом причащении Святых Таин, Тела и Крови Христовой, о духовном облачении во Христа, в Его кротость, смирение, незлобие, святую, терпение и прочее. Кто во Христа крестится, во Христа облачается [Гал. 3, 27]; не о обновах заботится, а о обновлении во Христе духа своего и о совлечении ветхого человека, ветхих дел, рубища страстей; не об одеянии в злато, шелк и бархат, а о стяжании души золотой, мягкой и нежной; не о наполнении себя дымом, а о исполнении Духом Святым, не о играх плотских, а об игре души, веселящейся о Дусе Святе. Надо зреть всегда пред собою невидимого Бога как видимого, относиться к Нему непрестанно как к Всевидящему Творцу, Отцу, Промыслителю, Судии; на земные же власти и на родителей

смотреть только как на орудия Его благодати, промышления и суда об нас.

Благодарю Тебя, Господи, яко избавил и очистил еси мя от помыслов скверных, нелепых и от похоти плотской нелепой ([...]). Благодарю Тя, яко спасл еси мя от лукавого презорства, злобы, казавшихся неисцельными; сказал я: Господи! Исцели, очисти: всё возможно Тебе, хотя для меня и кажется невозможным, — и Ты помиловал меня, избавил меня от тесноты, от геенского посрамления и уничижения лица. Но да не привяжуся, Владыко, сердцем моим к какой-либо вещи, и да не отступит сердце из-за какой-либо вещи от Тебе, *Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во век* [Пс. 72, 26].

По устройению всеблагого и премудрого Промысла Божия мы испытываем ежедневно то утешение и мир Божий, то скорбь, тесноту, уничижение, то свет, то мрак; первое тогда, когда пребудем в Божиих повелениях, ходим по воле Божией; второе — когда нарушим Его святую волю и отпадем от Него сердцем, прилепившись на время к какой-либо вещи или нарушив любовь к ближнему чрез гордость, высокомерие, раздражительность, озлобление, зависть, недоброжелательство и зложелание, скупость, любоддеяние внутреннее или делом и прочее.

Мудрование плоти: грубого, необразованного, грубою сельскою речью говорящего, грубо одетого презираю — деликатного, с ловкими манерами, образованного, правильною, грамматическою речью говорящего, хорошо одетого уважаю; бедного, просящего милостыни презираю — богатого, или состоятельного, своим домом живущего, или получающего порядочное жалование уважаю; примелькавшегося по причине частых встреч, неречистого, небойкого презираю — редко встречаемого, речистого, бойкого уважаю; высокого, сановитого господина трушу, робею — маленького презираю или дерзок с ним. Вот какая гадкая плоть наша — наш ветхий человек! Но неотложно надо его самого, нашего ветхого человека, [наше] ветхое сердце, презирать, а всякого человека уважать, любить без различия, нелицемерно, не зря на лицо, и

неможным, необразованным, бедным, грубым еще большую любовь или большее внимание оказывать, как неможнейшим (силу подай, Господи), нелицемерное уважение оказывать, как достойным по их простоте, смирению, незлобию, терпению всяческих превратностей мира, обид, бедности и прочего. Впрочем, ко всем чувствовать и являть нелицемерное уважение и любовь, памятуя, что *едино тело есмы мнози* [1 Кор. 10, 17] и что у этого тела единого Глава — Христос, возглавивший всяческая в Себе.

Когда плоть действует, велемудрствует, говорит в нас и уязвляет нас, тогда и дух наш, новый человек, не должен молчать в нас, но тотчас противиться мудрованию плоти в себе, в сердце и мыслях или в устной или письменной речи, а не молчать, да не одолеет нас лукавая, мечтательная, всезлая хитрость Велиара. Распинать все свои чувства: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, возненавидеть их, презирать их как орудие диавола, да и самый ум свой, и сердце свое, и память, и способность представлять или воображать, поколику они суть орудие диавола. Кто не возненавидит душу свою, говорит Господь, не может быть Моим учеником [Лк. 14, 26], [...] потому что душа наша вся — противление Богу, без благодати Божией, вся осатанилась: одного духа с сатаною.

Всё внешнее в человеке вменяй в нуль, в ничто, да почтишь как должно душу его — образ Божий.

Я и теперь то же ничто, каков был в младенчестве, всё тот же немощный, невежественный сердцем, как и прежде; всё, что имею теперь, внушающее ко мне уважение, я имею от Бога, не от себя; значит, и теперь я должен не высокая мудрствовать, не гордиться, не величаться, не презирать людей грубых, необразованных или подверженных слабостям, страстям, а смиряться пред всеми, как ничтожный, немощный, грубый сам, и всевозможно укрощать горделивые, презорливые порывы своего окаянного сердца. На простоту проста и смотри; не презирай простых людей за простые слова их, странные, неблагозвучные: не в слове человек, а в силе, или в сердце, ибо в сердце вся сила чело-

века, душа его, существо его. Благодарю Тебя, Господи, яко вознесшегося мя на мать свою сердцем моим наказал еси теснотою и смирившегося помиловал еси.

Не стыдись пред образованными людьми мира сего необразованной, грубой матери своей, ибо *премудрость мира сего буйство у Бога есть* [1 Кор. 3, 19], и мудрые, образованные века сего буи пред Богом, а простые, необразованные часто мудры у Бога, в очах Его светлейших. Мать моя — младенец, ребенок, простота, а диаволу это ненавистно и моему ветхому, навывшему гордости и презорству, человеку. Попирай мечты ветхого человека нещадно, презирай краснословие, служащее пустословию, благообразие лица, внешнее образование, красоту одежд, благородство крови и прочее. Проникай всегда во внутреннее — в сердце, в простоту, смирение, незлобие и прочее.

Как меньший, но сильнейший, ты приспособляйся к матери, а не она к тебе, ибо она необразованна и проста, а ты образован: покрывай любовью все ее недостатки, не замечай их. Береги этот бесценный одушевленный ковчег (мать свою), в котором зародилось, питалось, вырастало, хранилось существо твое, из которого по образовании исшел ты на свет сей. Береги мать свою, которая воздоила тебя, берегла, жалела, как зеницу ока, не щадила для тебя ни своего спокойствия, ни здоровья, ни сил, ни денег, ничего. Чем ты можешь достойно отблагодарить ее? Ничем, ибо все благодеяния, оказываемые ей тобою, ничтожны в сравнении с теми, которые она тебе делала, и, во-первых, ты не можешь дать ей бытия, родить ее не можешь, 2) воздоить ее млекою груди своей не можешь — она в том не нуждается, 3) не можешь оказывать ей той нежной любви в тех нежнейших выражениях, в коих она тебе ее оказывала. Господи! Научи мя взаим воздаяти родительнице моей. Научи любить ее, снисходить ей!

Встречая нищих и подавая им милостыню, помни слова Апостола: *доброхотно дающего любит Бог* [2 Кор. 9, 7] — и подавай с добрым изволением, без раздражения и злобы. Не говори: они часто просят,— часто просят

потому, что ничего не имеют и во всем постоянно нуждаются; между тем подаваемая тобою доля очень мала, чтобы удовлетворять нуждам нищих. Потому надо всегда милосердствовать о нищих и всякому просящему давать, по слову Господню [Мф. 5, 42].

Поститься, говорят, не полезно, потому что от поста делаешься раздражителен, между тем как в скоромное время бываешь покоен. Допустим. Но для доказательства ложности этой мысли представим пример. Когда у меня не просят милостыни, я спокоен, когда просят неотступно нищие — я раздражаюсь, жалея денег. Следует ли, что для спокойствия своего я не должен подавать милостыню, что подача милостыни бесполезна для души? Не следует, а следует только то, что я должен унять раздражительность сердца и с добрым изволением сердца подать и подавать посильную милостыню, а если не в силах подавать или если нищий, по достоверному дознанию, обманывает или злоупотребляет, то без гнева, без сердца отказать ему. Так и в пост, когда лишаемая приятных снедей плоть раздражается, я должен укрощать ее, а не оставлять пост и не начинать есть скоромную или лакомую пищу. В противном случае как мы познаем свою болезнь душевную, свои пристрастия, как будем лечить их, когда не будем терпеть более плоти, когда не будем укрощать раздражительности своей? Для излечения болезни надо, чтоб она вполне обнаружилась, надо вытерпеть операцию, прижигание ее или отсечение корня ее; не обнаруживши болезни, нельзя излечить ее. Замечаешь, что плоть не терпит поста, раздражается, или порывается с силою к блуду, или завидует, скупится, сребролюбствует, гордится, возносится, — тут-то и распинайся, тут-то и терпи, тут-то и познай, что это тлетворные болезни твоей души, отвергни их, возненавидь их и прилепись всецело к Богу, единому источнику жизни и врачу душ и телес наших.

Мы многие одно тело [1 Кор. 10, 17]. Любовь взаимная — презрение плоти и всего плотского и вещественного.

От вещественности-то сердцем отрекись, да к Богу прилепись и к ближнему.

Старайся постоянно быть бесстрастным, то есть равнодушным относительно всякого зла, замечаемого в людях и касающегося тебя лично; храни душевное спокойствие, коего нет ничего на свете дороже.

Всеми благами жизни, после Бога и Пречистой Его Матери, я обязан матери, ибо она дала мне, по воле Божией, бытие, вскормила, воспитала меня до отроческого возраста, во время крайней моей немощи, Она сохранила меня, после Господа Бога, здоровым и невредимым и сделала способным заниматься науками и занимать место священника, ибо будь я хромым от неосмотрительности матери в младенчестве моем, я не был бы священником. Впрочем, всё Ты, Господи, устроил, всеблагий мой Отец и Промыслитель! Мать — только орудие в руках Твоих, орудие живое, одушевленное, по образу Твоему.

Целование руки — это свойственное родителям от детей. Так, священникам, как духовным отцам, целуют духовные дети руки. И это свойственно духовным отцам и чадам их. Честь эта восходит к Самому Богу, общему всех Отцу, *от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле* [Еф. 3, 15].

Отчего мы стыдимся целовать руку у простых, необразованных родителей? От гордости и самолюбия. Нам думается, что это унижает нас, когда на самом деле это возвышает. *Елико великеси, толико смирайся* [Сир. 3, 18]. Сами любим, чтоб целовали наши руки духовные дети, и оскорбляемся, когда не целуют, а сами целовать руку у простых родителей не хотим и этим доказываем, что неискренно любим и уважаем их и даже не любим от души, не уважаем от души, унижаем их. Какая нелепая гордость! Но сказано: *Чти отца твоего и мать твою* [Исх. 20, 12]. А как чтить? Между прочим целованием руки, поклоном, угождением. Не угождающий родителям как будет угождать Богу? Распять себя надо совершенно, смирить себя. Как Сын Божий смирил Себя? Бог — до зрака рабья, до смерти крестной [Флп. 2, 7—8]. Да смиряем себя все. Призирает Господь на смирение рабов Своих.

Пред нищими, больными да смиряем себя, пред несчастными, убитыми горем, нуждою — да нас Господь вознесет.

Какая мне выгода от моего образования, моей учености, моего всезнания, когда я имею необразованное сердце, когда я горд, высокомерен, презорлив к простоте, необразованию, зол, раздражителен, сребролюбив, жаден к пище-питью, сластолюбив, скуп, завистлив, своеправен, непокорен? — Никакой: большее мне осуждение, бóльшая тягота. Образуй сердце, научись вере, надежде, любви, кротости, смирению, благодати, любезности, терпению, снисходительности (особенно к людям простым, необразованным), презрению денег и вообще вещественности, воздержанию в пище и питье, целомудрию, презрению плотских удовольствий, щедрости, искреннему доброжелательству каждому человеку, благопотребности, отвержению собственной воли и покорению ее воле настоятеля или воле старших. Тогда будешь истинно просвещенный, и не суетно будет твое образование.

Созерцая разные лики святых — праотцев, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных отцов и жен, бессребреников — и припоминая многоразличные подвиги их для Бога, взвесь свою веру, свое упование и свою любовь и посмотри, как далек ты от их совершенства, как они совершенны и достойны всякого прославления и подражания. Что они оставили для Бога? А ты что оставляешь ли? Они презрели мир, плоть, серебро, золото и вся красная мира, да Христа приобрящут [Флп. 3, 8]. Ты что презираешь? Ты не хочешь чрево презирать, но работаешь ему усердно, хотя знаешь, что оно враг Господу и слуга диавола, ибо из-за него сколько греха в мире! Сколько страстей!

Ветхий наш человек не только не хочет подражать кротости, смирению и незлобию простых людей, но и вооружается и ярится против них сердцем своим: зачем-де, говорит, безответны, зачем вялы, неразвязны, мертвенны? А будь речисты, очень проворны, развязны, умей постоять за себя — опять беда. Отсюда обязанность наша презирать себя, ненавидеть себя, воевать против себя, а

не против ближних, которых всячески уважать и любить. Отрицаться себя, сатаны, в нас гнездящегося, и всех дел его и непрестанно быть со Христом. В нас есть, говоря ученым языком, и положительное и отрицательное, так сказать, электричество: положительное — добро, отрицательное — зло: этого надо непременно отрицаться, то надо непрестанно полагать в себя, в свое сердце. Одно — живое и живящее электричество, другое — мертвое и мертвящее. Плоть грехолюбивую, зараженную этим отрицательным электричеством страстей, зла, надо распинать, по Евангелию: *те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями* [Гал. 5, 24].

Всё мечта сердца, кроме любви. Люби непрестанно; не мечтай, то есть не мысли зла ни на мгновение.

Так рассуждай о себе (а чтоб так рассуждать, надо смирение): всё, что во мне собственно и от меня, то худо, а что в другом и от другого — то хорошо сравнительно со мною; всё хорошее во мне от благодати Божией. Любовь не замечает и не хочет видеть в другом зла к озлоблению на него и осуждению его, разве только к вразумлению и исправлению в духе кротости, а изощряет взор только на себя и видит в себе бездну зла, чтоб себя уничижать, укорять, ненавидеть, презирать, а ближнего возвышать, ласкать, любить, долго-терпеть и снисходить к нему, видя общую болезнь, общую немощь греховную; врачевание же зла в ближнем предоставляет Ведущему сердца всех и Судящему всех праведно и Исправляющему всех премудро и с великою силою, но вместе кротостию и долготерпением.

Все мы даром всё едим-пьем у Господа, туне одеваемся, кров имеем, освещаемся, просвещаемся, освящаемся, оживляемся, туне дышим. Отсюда все мы должны быть соединены духом единения и любви — как чада единого Отца, как туне всё от Него и все получающие, — давать бедным требуемое ими без раздражения и озлобления и презорства, ибо всё общее и на общую пользу дано.

Против кого я, окаянный, нелепый, безумный, не озлоблялся? Против отца, матери, жены, свояченицы, шуринов,

против нищих, против незнатных и грубых, против начальников, против братии, против знакомых. И всё по своенравию, безумию, мечте, пресыщению сердца благами жизни. Давно бы надо научиться себя одного, мерзавца, презирать, ненавидеть, а не ближнего и всем сердцем возлюбить волю Божию, благую и совершенную, и закон Его, а я всё нелепому сердцу своему следую: увлекает дрянь быстро и с силою, насильствует мерзость, побеждает нечисть. О, бедные человеки! Ох я, жалчейший из всех, всех сквернейший, всех превзошедший всеми страстями — злобою, гордынею, высокомерием, презорством, завистию, скупостью, чревоуистовством, объядением, пьянством, блудом, скверными, лукавыми и хульными и сомнительными помыслами, любостяжанием, любовецием, сребролюбием, непокорством, братоненавидением, злопамятством, упорством, непослушанием, осуждением, осмеянием, унынием, маловерием, ненадеянием на Бога, хладностию к Богу, неблагодарностию, леностию к молитве и к делу вообще, лицемерием, лицезрением, клеветою, ложью, ложною клятвою, желанием чужого, кражею, соблазном, жестокосердием, грубостию, ропотом, нетерпением, раздражительностию и озлоблением не только на людей, но и на бездушные вещи, человекоутодием, человеконадеянием, нерадением в деле Божиим и прочим.

Без позова на пищу и, значит, без потребности телесной никогда не ешь, и вообще избегай многоядения и частоядения, от коих грубеет сердце и человек весь делается плотным. Многоядение и частоядение расслабляют душу и тело.

Елико велик еси, толико смирайся [Сир. 3, 18], и благодти будет напоследок.

Не руку только, но и ногу будь готов целовать своей матери, ибо она достойна того 1) как виновница после Бога бытия твоего, кормилица и хранительница и промыслительница твоя, 2) как созданная по образу и подобию Божию и 3) как член Христов одушевленный. Все мы ничто: вся честь, воздаваемая человеку ради Господа, воздается Самому Господу, — потому нелицемерно, от всей души, доброхотно надо чтить родителей и всякого ближнего.

Чем мы выражаем почтение, любовь, благоговение пред Девою — Материю и Царицею? Целованием Ее пречистой десницы и пречистых ног. А к отцам духовным? Целованием руки.

Надо уничтожить себя, ни во что вменять и всеконечно смиряться пред родителями.

В родителе или родительнице виждь и чти образ Виновника бытия твоего Бога; в нем или в ней Всетворца Бога чти, Его, Отца и Промыслителя и Кормителя. Если родители твои грубы и необразованны, а ты — образованный, всё-таки не гордись, ибо образование — величайший дар Божий, за который ты должен быть благодарен Богу боголюбезным смирением, но помни, что при образовании ты имеешь то же сердце, которое имел до образования, и еще хуже, потому что в него привзошло много нравственной порчи, гордости, злобы, нечистоты и прочего. При образовании считай себя ниже, хуже необразованных родителей, ибо они при необразованности имеют простоту сердечную, незлобие, кротость, смирение, сострадание нелицемерное.

2 апреля 1866 г. Суббота Светлой Недели. Благодарю Тя, Господи, за силы Твои великие, явленные во мне, грешном, во время всенощной несколько раз благостно, скоро, победоносно, явно, величественно, по молитве моей, и за очищение Твое, и за силу спасения десницею Твоею дома, после вечернего чаю, на вечерней молитве. Се, тако спасай меня, Господи, во вся дни живота моего. Буди! Аминь.

О, какой мир, какое величие, дерзновение, свободу духа даровал Ты мне, Господи, по молитве моей о очищении согрешений моих! Какую дерзновенную молитву вложил в сердце мое! За всё слава Тебе! Но сие не велико есть, яко вложил еси таковую молитву, — сие велико есть, еже исполнити ю: исполни убо, яко вся возможна Тебе. Молитва же моя была о людях Твоих и о мне, грешном. Господи! Да не туне стою у престола Твоего.

Для чего Господь больно наказует — и строго наказует нас за пристрастие к вещам мира сего? — Да даст нам в вечное, неотъемлемое достояние Себя Самого: *дал еси*

достояние боящимся Тебе, Господи [Пс. 60, 6]. Для того и от всех грехов и страстей наших отвращает, наказует нас за них, да даст Себя Самого в достояние нам, ибо какое общение праведности с беззаконием?.. между Христом и Велиаром? [2 Кор. 6, 14 — 15].

Тот же диавол, который не допускает мне иногда быть искренним пред Богом, не допускает быть искренним, теплым, простосердечным и пред матерью и пред отцом. Но пред кем безопаснее и естественнее, легче и удобнее смиряться, как не пред отцом и матерью?

Смирение — жизнь души, соединение с Духом Божиим; гордость — смерть, сочетание с диаволом. Любит Господь смирение, как Сам кроток и смиренен.

Тот же диавол, который в церкви иногда не допускает мне испросить искренно у прихожан прощения грехов, не допускает мне искренно смиряться пред матерью.

3 апреля 1866. Воскресение Фомино. Благодарю Тебя, Господи, за благопоспешество в служении литургии: и причастился во оставление грехов и в мир душевных сил, и проповедь сказал с Духом Божиим.

Чего ищут [...] люди в образованных? Доброго, теплого сердца, ласки, приветя, искренности, кротости, смирения, незлобия. А всё это наибольшую частью [обретается] в простых людях.

Имейте веру в Иисуса Христа нашего Господа славы, не взирая на лица [Иак. 2, 1]. Все чада Божии и Христовы по крещению и причастию Тела и Крови Иисуса Христа: и простые, и знатные, образованные и необразованные. Мы многие одно тело [1 Кор. 10, 17].

Как благоухание кадила приносится пред алтарь, так ты да приносишь пред него благоухание сердца — благоухание незлобия, кротости, смирения, чистоты и целомудрия, нестяжания, любви к воздержанию и посту, братолюбия, терпения. Как углие горящее приносится пред Бога, [разлагающее] фимиам благовоние, так ты приноси пред Бога горящее верою и любовью к Богу, Церкви торжествующей и немощному человечеству, борюще-

муся на земле с врагами спасения, сердце, да приятен будешь Богу, да легко и скоро взыдет молитва твоя к Богу, яко фимиам кадила.

Как мягкая и крутая, двусоставная просфора приносится на жертвенник, так мысль твоя да переносится чаще к воплощению Сына Божия ради тебя и к соединению в Нем двух естеств, Божеского и человеческого, и к обожению твоего естества, и сообразно своему высокому призванию и положению старайся жить на земле, уготовляя себя к небесной жизни; стяжи уважение ко всякому человеку, коего естество во Христе обожено и спосажено на небеси, на престоле Божества, в особенности к христианам, как к членам Христовым; терпи и долготерпи их немощам, как сам немощный; не превозносись, не раздражайся на них, ибо скажи: над Христом ли будешь превозноситься, на Христа ли раздражаться? Ибо возносящийся над братом христианином возносится над Самим Христом! Как мягкая, белая, крепкая просфора приносится к алтарю, так ты приноси Богу мягкосердечие, чистосердечие, постоянство христианской добродетели (вечность, неизменность), твердосердечие — не лукавство сердца, не изменчивый на зло нрав.

Внешность пренебрегать — на внутреннее, на сердце свое обращать всё внимание.

Враг искушает нас окружающими нас ежедневно лицами и вещами, с которыми мы ежедневно имеем обращение: нашими домашними, например детьми или родственниками, прислугою: деньгами, пищею, питием, одеждою, мебелью, посудою, — потому надо крайне быть внимательным и осторожным относительно этих лиц и вещей: ни на кого отнюдь не озлобляться, никому ничего не жалеть, ни к кому и ни к чему не иметь страсти, особенно быть умеренным в пище и питии.

Священник по его сану воистину должен быть небесен, любвеобилен ко всем, кроток, смирен, благопокорлив, воздержен, нелюбостяжателен.

Все мы думаем наслаждаться земными благами и почти не думаем о будущей жизни, как будто нам здесь

вечно жить, и не исправляемся от своих худых наклонностей, привычек, страстей, не стремимся к святости жития, не думаем о смерти, а ведь смерть вдруг может постигнуть нас, и, может быть, она от многих из нас очень-очень близка.

Не раздражайся на брата согрешающего, ибо человеку свойственно погрешать и претыкаться (по своей немощи суди о других), да притом злобою ли исправляется погрешность? Не кротостию ли и смирением и вразумлением?

Не на лице зря избрал тебя Господь и поставил во иерея и с такою благостию приблизил тебя к Себе, приняв в ближайшее общение с Собою,— и ты, научаемый из своего собственного примера, не на лица зри, но всех почитай, не презирая никого: простых, необразованных, нищих — равно как богатых и знатных, больных и увечных, некрасивых и уродов — равно как здоровых и благообразных.

Наблюдай, чтобы всегда была свежа молитва, ясна, сильна, искренна. Тонкость сердца храни — ешь мало: многоядение делает сердце грубым и дебылым. Наблюдай непрестанно, с каким сердцем предстоишь Владыке: зришь ли непрестанно очами сердца ко Господу, внемлешь ли сердечно словам молитвы, искренно ли желаешь благ от Господа тем сословиям и лицам, о коих молишься, искренно ли желаешь того, тех благ, о коих просишь Господа, не лицемерно ли молишься?

Черствая просфора означает твое черствое сердце: какое ты приносишь ежедневно сердце Господу? Сердце твое — хлеб для Господа: каково же сердце ты приносишь Ему?

На себе перенеси обиду, нанесенную ближним, а не рассердись, не нарушь мира и любви. А ради Господа будь благодушен, без злобы, добром победи зло.

Чести от других требует ветхое наше, злое, грехами смердящее сердце, а не новый человек, который чем более совершен, тем более смиряется пред ближним и готов служить всем, угождать — [даже] последнему нищему. Потому надо презирать свое честолубивое и лживое сердце и всячески смиряться, тяготу ближнего носить благодушно.

За царя как за образ Царя царей молись.

Как безумно терять мир, волноваться духом и волновать кровь из-за чего бы то ни было вещественного! Мир — истинное благо.

Постоянно оскверняемся — Господь нас очищает, постоянно заболеваем грехами — Он нас исцеляет, уязвляемся страстями — Он язвы наши врачует, омрачаемся — Он просвещает, беспокоимся — Он беспокойство отъемлет и мир подает, забываемся — Он в память нас приводит: непрестанно и всячески благодворит нам.

Сердце пресыщенное бесчувственно, холодно, бесстрашно в отношении к Богу, гордо, грубо, дерзко относительно ближнего. Мало надо вкушать.

Себя за ничто считай, всех возвышай; имя мне, говори, ничтожество, немощь, мерзость греховная. И истину смиренно говори, то есть кротко, сохраняя почтительность к лицу обличаемому. Когда бываешь соединен с Богом и стоишь сердцем во истине, тогда за нечто великое считай себя, но ради Господа и в Господе, и не возносись ни пред кем, а опять смирайся пред всеми, считая себя по себе самому за ничто.

Отчего это бывает, что хотя страсти рожном стоят в нашем сердце, хотя бодут, режут, мучат нас, а мы всё им следуем? От греховного растления и самолюбия нашего. Надо возненавидеть себя, отвергнуться себя. Надо лакомство, многоядение пресечь, желание чести отсечь. Молиться крепче.

Смотри, как обращаешься со всяким человеком простым и образованным — от искреннего ли сердца?

Господи! Се зриши, яко враг мой всё обращает в повод к злобе на ближнего. Помилуй мя! Научи меня кротости и незлобию, терпению и долготерпению. Всё да обращаю в повод к любви — всякую погрешность брата, намеренную и ненамеренную.

Не смотри на меня, мать, в доме как на священника и хозяина, а как на сына и принимай почтение как от сына, а в церкви взирай как на священника. Для имени «мать» и хозяйством своим жертвую.

Едино тело все мы в Господе, по Писанию [Рим. 12, 5]. Не верь ни глазу, ни слуху, ни осязанию, ни вкусу, ни мысли, ни чувству (ни уму, ни сердцу), когда они будут внушать что-либо противное этой истине слова Божия, например когда зрение будет подстрекать к презрению ближнего за его наружность или за что другое, или к злобе, или мысль и чувство будут лукаво внушать, что такой-то не заслуживает любви, а вражду или неуважение и презрение за что-либо такое, что и в нас есть и чего мы в себе не хотим замечать. Всех уважай, всех почитай, братство возлюби [1 Пет. 2, 17], ибо все мы братья во Христе, все скровны, стелесны, единоестественны.

О, как всё враг ищет обратить в случай к вражде! Пришел ближний хлеба-соли кушать, чаю-кофе, сахару, или нищий милостыню просит — и возбуждает в сердце горькую вражду на него. Но не внимай ему, врагу, а оказывай всегда ближнему любовь, ибо за любовь любовью возмерится тебе от Бога и ближнего, а если не от ближнего, то от Бога, — да и за великое счастье надо всегда считать служить Богу в лице ближнего, который есть образ Его, Самому Христу в членах Его. Да посрамится всячески враг, запинаящий нас враждою, да враждуем против него, но не против ближнего нашего, всячески да тщимся оказывать ближнему любовь, а всё земное в сор да вменяем.

С охотою и ласково говори с домашними, отвечай на вопросы и сам спрашивай. Вообще иногда весьма полезно и нужно вести и поддерживать разговор для того, чтобы отогнать от сердца злое уныние и суетную, то есть напрасную злобу на ближнего, гордыню, презорство. Мы словесные существа и должны иметь общение в слове.

Насколько сын, как сын, ниже матери? Насколько плод меньше дерева, или как подчиненный ниже начальника, или как подданный ниже царя, ибо дети — подданные родителей, и родители имеют над ними большие права. Благословение родителей утверждает основания домов, потому дети обязаны великим почтением к родителям и если не для чего другого, то для своей собствен-

ной пользы должны почитать их искренно, ибо почитающим родителей, сказал Господь, благо будет, и долголетны они будут на земле [Исх. 20, 12].

Какая мать смиренница, как моя мать! Какая мать целует руку сына, хотя и священника, какая мать столько кротка, смиренна, незлобива, терпелива, простосердечна, добросердечна, ласкова, как моя мать? Благослови ее, Господи, и молитвами ее меня благослови и помилуй.

Отчего душа радуется при получении награды? От тайного предчувствия будущего воздаяния по делам и будущей радости от этого, и еще от удовлетворения врожденного ей чувства чести, также чувства любостязания, — впрочем, любостязание есть самоизвращенное желание обогащения добродетелями, или добрыми делами, исполнением законов Господних. Итак, душа наша не ошибается, радуясь награде царской или вообще начальствующих или от родителей. Она предчувствует будущую награду от Отца светов и будущую радость от этого.

Сласти сильно пакостят в сердце, когда нам надо молиться с народом, когда надо помогать бедному, утешать печального, соскорбеть несчастному. Тогда мы чувствуем хлад к Богу и ближнему, лукавство сердца, рабство.

[Отец] Вас. Михеевич хорошую мысль мне подал. Я сказал ему: привыкающие ежедневно приходят ко мне и просят милостыню, а он сказал: не с людьми только так бывает, а и с животными, с птицами и рыбами: где кормят голубей, там они и живут. Но кольми лучше человек голубя? Не за честь ли надо считать питать созданного по образу Божию?

Не помни и зла и не говори в себе: сделал бы я ему или ей такое и то одолжение, услугу, да он или она вот что мне сделал или сделала, или: вот он или она такой-то или такая-то (гордая, злая, клеветница, пересудница, недоброжелательница, зложелательница, хотя это, может быть, и не доказано), или: сделал бы добро такому-то человеку, да он или она приятель или приятельница моему недоброжелателю, или [...], — из-за этого не хочу сделать ей милость. Нет, не говори так, но сделай добро, забыв всё зло и побеждая

благим злое. *Если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность?* [Лк. 6, 33].

5 апреля 1866. Радоница. Служил позднюю обедню поочередную. Благодарю Тя, Господи, за великие силы Твои, явленные на мне окаянном нынешний день во время обедни, во время молебна благодарственного за спасения государя от рук убийцы⁷² и в гимназии во время двух классов, четвертого и шестого. Благодарю Тя, яко меня, недостойного, ни в чем не посрамляешь, но победоносна и дерзновенна творишь. Господи! В простоте Твоей сохрани меня. Господи! Ты бесконечная моя жизнь; Ты хочешь, чтоб я был в Тебе беспечален, чтоб я не радел о всем земном, радея всем сердцем, якоже достойно и праведно есть, о Тебе и о душах человеческих. (Вот и ныне, Господи, Ты спас меня простотою имени Твоего, заключенного в сердце. Я пожалел было на мгновение сластей ближним.)

Яйца курицу не учат; так и я мать. Она себе госпожа (да и мне). Да помню я свою зависимость от ней. А то мы чуть оперимся — и загордимся. Но какая она кроткая, смиренная, простая, незлобивая, терпеливая — младенец! И я так горд, что за что́ надо бы ее глубоко уважать, за то я презираю, за что особенно любить — за то ненавижу. О, растление сердца! О, изнанка, извращение! Себя презирай, ненавидь. Вот это будет справедливо. Своего ветхого человека, свое растленное сердце распинай, ненавидь, презирай. О, я мерзость, гадость! Вот кто я, а всё, что есть во мне порядочного, достойного подражания, — это Божия благодать: *и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился* [Еф. 2, 8 — 9].

Отрезвляй молодых и ученых, светских людей смелым, строгим словом обличения, как пастырь, со властью: Господь вразумит их — Он знает как, только говори. Сон. Офицеры. Благодарны будут.

Не раболепствовать надо (молодым или пожилым) ученым и по-светски, в удовольствиях и богатстве живущим людям, а обличать их со властью и смело; не иметь ложного стыда пред ними при отправлении обрядов

веры и при совершении Таинств, а тем смелее и с бóльшим сознанием важности совершаемого святого дела, с бóльшим дерзновением совершать обряды и Таинства. Презирать мирской блеск, мирскую суету, мирскую рассудительность и отрезвлять ее.

Друг верный есть тот, который скорбит в несчастьи, утешает в печали, помогает в нужде, а не тот, который ходит к нам для того, чтобы поесть-попить сладко, который расположен к нам за нашу хлеб-соль. Когда случится с нами несчастье, он оставит нас, не окажет искреннего сочувствия, помощи, утешения не прольет в душу нашу, потому что по сластолюбию своему не найдет что сказать от Духа Святого Утешителя. Живущий в сластолюбии не может сочувствовать искренно живущему в бедности и несчастьи: его сердце горячо к сластям, к богатству и к богатым, но холодно к скорбящим и нищим. Потому надо презирать сласти и богатство.

Богу служу — Бог и поможет.

Непрестанно молитесь [1 Фес. 5, 17], потому что если душа не будет источать благовоние молитвы, то будет источать зловоние помыслов страстных, чувств злобы и гордыни, зависти, скупости, любостяжания и прочих, слова и дела греховные.

Хотим блистать, а сами темны. На что внешний прелестный блеск, когда внутри света нет? Стяжи внутренний свет — тогда прославит Бог и внешним.

Где нужно прямо и просто дело делать, там диавол учит умствовать, рассуждать. Заповедь говорит прямо: *чти отца твоего и мать* [Исх. 20, 12], а враг учит умствовать, как чтить, делать такие или другие знаки почтения, и только время крадет и от дела отвлекает — и яд свой в сердце изливает.

Скорби отрезвляют, пробуждают нас от греховного усыпления, потому они полезны, хотя и тягостны для нас. Если скорби очень сильны, мы должны жаловаться не на судьбу, не на Бога, а на свои греховные язвы и благословлять руку Промысла, поражающую нас скорбями для укрепления нашего духа в благочестии.

Всё земное тленно по природе, и, кроме того, почти на всё земное человек положил печать своего греховного растления; потому всё земное должно быть предметом не желания, а отвращения, — предметом же искреннего желания должен быть Бог, соединение с Ним и нетленная жизнь на небесах.

Ешь всегда меньше, чем больше.

Как превратна, бедственна земная жизнь: сегодня или в этот час веселимся — чрез час или завтра плачем; сегодня благополучны — завтра несчастны, или даже чрез час благополучия — несчастье: отлучились куда-либо — нас обкрадывают, унося всё, на что полагали надежду, или вдруг заболеем, или умирает кто-либо из родных — при разных обстоятельствах слезы отчаяния, или пожар истребляет наше достояние, или утопаем в волнах, плывя куда-либо, или злой человек лишает нас имени, чести, свободы. О, какая превратная тленная жизнь! Как превратна земная жизнь! *Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение* [Мф. 11, 25—26]. Не сто́ят премудрые века сего откровений Божиих по своему лукавству и гордыне — простые же и необразованные века сего, не испорченные лукавством его, гордостью его удостаиваются откровений Божиих, и нам самим, людям, надо уважать в простых людях простоту и девственность их душ и учиться у них их простоте, незлобию и терпению.

Кушает у тебя человек с удовольствием — значит, у него есть потребность кушать: пусть кушает на здоровье, в удовольствие, в простоте сердца, спокойно, свободно, самостоятельно, как свое, ибо он царь земли.

В пост не пить вина, особенно шампанского. Смеси не делать. Вовсе не пить вина. Голова болит. Чаю крепкого не пить. Пшенная каша с миндальным молоком — не очень полезная: тяжела.

Сосуд, говорят, полон, надулся: удержишь — нездоров будешь. Не слушай. Будешь здоров.

Что очень сладко в устах, то сладостно и в чреслах, что жжет в устах, например вино, то будет жечь и в чреслах и будет позывать на блуд. Очень умеренно употребляй сладости, вино; если можно, вовсе не пей. Банями не нежься часто: любострастие порождает. Варенья как можно меньше кушай.

Сладкий кисель вреден без миндального молока — вяжет. Впрочем, излишество вредно, а умеренно — хорошо. Мало сладкого ешь-пей. Золотуха моя капризна, того-сего не любит: забурлит, на тошноту позывать станет. Она, между прочим, причина моего смутного и раздражительного характера. Но, Владыко, сила Твоя в немощи всюду.

Семга сырая с перцем, уксусом и хорошим лафитом весьма хорошо укрепляет тело, а сласти и мучнистые супы расслабляют. Благодарю Тебя, Господи, яко жену хранительницу мне даровал еси.

Благодарю Тебя, яко во всех самонаималейших вещах о мне промысляеши, ни о чемже печалитися мне повелеваеши; благодарю Тебя, яко вся на потребу и пользу трудящимся создал еси.

И в сем вижу Твой Промысл, яко жену высокого целомудрия телесного мне даровал еси — не по делом моим, ибо я блудник от юности.

Чай, да кофе, да шоколад без хлебной и мясной похлебки, даже и при похлебках, пучит живот, расслабляет тело, особенно когда со сливками употребляется.

Кофе не пить — вредит: спина болит. Повели Г... домашним не варить его, да не дебелеют сердца наши.

На плод преподавания смотреть надо: какой это плод принесет? География, история, латинский язык.

У Блинова приятный голос, и приятно подпевает.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бессловесие (церк.-слав.) — безрассудность, безумие, отсутствие духовного смысла.
- ² Мечта (церк.-слав.) — пустой призрак, обольщение.
- ³ Прелесть (церк.-слав.) — обман, прельщение.
- ⁴ Презорство (церк.-слав.) — презрение, высокомерие.
- ⁵ Присный (церк.-слав.) — родственник, близкий человек.
- ⁶ Велиар (евр.) — букв.: непотребный, ненаказанный — наименование дьявола.
- ⁷ Рус.: *Всё ничтожнее тени, всё обманчивее сноведений...* Стихира «Кая житейская сладость...» из последования отпевания мирян.
- ⁸ Александр, епископ Команский (†III в.), священномученик. Изучив Священное Писание и греческую философию, он принял на себя подвиг юродства и жил тем, что продавал на городской площади уголь. В годы гонений при императоре Аврелиане за исповедание веры был сожжен. Память 12 / 25 августа.
- ⁹ Григорий Богослов (ок. 330 — 389), святитель, один из выдающихся богословов Православной Церкви, друг и сподвижник святителя Василия Великого. Память 25 января / 7 февраля и 30 января / 12 февраля.
- ¹⁰ Тропарь на утрени во Святой и Великий Четверток, глас 8-й.
- ¹¹ Святитель Тихон, епископ Воронежский, Задонский чудотворец (1724 — 1783; причислен к лику святых в 1861 г.), был крупнейшим духовным писателем и просветителем XVIII века, труды которого пользовались большой популярностью. Память 13/26 августа.
- ¹² Добрóта (церк.-слав) — красота.
- ¹³ Якоже достоит (церк.-слав.) — как надлежит, как должно.
- ¹⁴ Брашно (церк.-слав.) — кушание, пища.
- ¹⁵ То есть «да будут во мне те же чувствования, расположения, что и в Тебе».
- ¹⁶ Стужати (церк.-слав.) — беспокоить, докучать, досаждать.
- ¹⁷ Судьбами Твоими — здесь: «изволениями Твоими».
- ¹⁸ Подвизати (церк.-слав.) — побуждать к чему-либо, увещевать.
- ¹⁹ Отревати (церк.-слав.) — удалять, отчуждать.
- ²⁰ Аще (церк.-слав.) — хотя.
- ²¹ Простый (церк.-слав.) — открытый, прямой, чистый; цельный, неделимый на части.

- ²² Туне (церк.-слав.) — даром, без платы; напрасно, без причины.
- ²³ Молитва «Боже Пречистый, и всея твари Содетелю...» из последования Венчания. То есть супружеством явивший из двух одно тело.
- ²⁴ Не образованная (земля) — то есть бесформенная, от церк.-слав. «образ» — внешний вид, образ, форма.
- ²⁵ *Какой из вас отец, когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень? или, когда попросит рыбы, подаст ему змею вместо рыбы? Или, если попросит яйца, подаст ему скорпиона? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него (Лк. 11, 11 — 13).*
- ²⁶ Тестем.
- ²⁷ Кра́стель (церк.-слав.) — коростель, перепел.
- ²⁸ Дондеже есмы (церк.-слав.) — пока существуем.
- ²⁹ Присно (церк.-слав.) — всегда, постоянно.
- ³⁰ Симония — грех святотатства, когда священников должностей (и других церковных Таинств) удостаивают не по достоинству, а из видов корысти, за деньги или иные подарки.
- ³¹ По достоянию (церк.-слав.) — по достоинству.
- ³² Осётить — обнести сетями, то есть завладеть душой человека, подчинить ее себе.
- ³³ Пребывающий (церк.-слав.) — от «пребывати» — оставаться, длиться вечно.
- ³⁴ Позор (церк.-слав.) — зрелище; позор, публичное, принародное бесчестие. «Изводить в позор» — открывать на всеобщее обозрение скрытые грехи.
- ³⁵ Наздание (церк.-слав.) — воссоздание, возобновление. Ср.: *Радуйся, Начальнице мысленного наздания* (рус.: *Радуйся, Виновница духовного возрождения*) (Акафист ко Пресвятой Богородице, икос 10-й).
- ³⁶ Зиждительный (церк.-слав.) — создающий, творящий.
- ³⁷ Рею (церк.-слав.) — толкаю, напираю («реяться» — бросаться).
- ³⁸ Отщетитися (церк.-слав.) — потерпеть убыток (тщету), всё потерять, остаться ни с чем.
- ³⁹ Рескрипт — письмо монарха к подданному с выражением благодарности или объявлением о награждении.
- ⁴⁰ Мудри о себе (церк.-слав.) — высоко мечтающие о себе, возомнившие о себе.

- ⁴¹ Тропарь преподобным общий.
- ⁴² Иже (церк.-слав.) — кто, которые.
- ⁴³ Неключимый (церк.-слав.) — негодный, непотребный.
- ⁴⁴ Выну (церк.-слав.) — всегда, во всякое время.
- ⁴⁵ Орлец — особый круглый коврик, на котором стоит архиерей во время богослужения. На этом коврике изображен летящий орел и под ним освещенный солнечными лучами город, а ниже города три источника.
- ⁴⁶ Отдоенное (церк.-слав.) — дитя, отнятое от груди матери.
- ⁴⁷ Присносущный (церк.-слав.) — вечный, никогда не оканчивающийся.
- ⁴⁸ Паки (церк.-слав.) — снова, опять.
- ⁴⁹ То есть самое тесное, живое, личное общение.
- ⁵⁰ *Сильна спасающая десница Его* (пер. П. Юнгера).
- ⁵¹ Юродивый (церк.-слав.) — глупый, безумный.
- ⁵² Молитва 2-я, святого Макария Великого, из последования утренних молитв.
- ⁵³ Умный (церк.-слав.) — здесь: бесплотный, не материальный, духовный.
- ⁵⁴ Суббота Пятой недели Великого поста. В этот день Православная Церковь совершает Похвалу Пресвятой Богородице (так называемая Суббота Акафиста).
- ⁵⁵ Ваал — одно из главных божеств, которому поклонялись хананеяне и финикияне; служение ему сопровождалось безнравственными оргиями и человеческими жертвоприношениями. Древние евреи, соседствуя с этими народами, переняли у них и служение Ваалу, отпав от истинного Бога, и это было их главным грехом.
- ⁵⁶ Вавилонский царь Навуходоносор (VI век до Р.Х.), завоевав Иудею, под страхом смерти приказал всем евреям поклоняться золотому истукану (Дан. 3).
- ⁵⁷ То есть образ раба.
- ⁵⁸ Остен (церк.-слав.) — жало, острый шип, острие, острый наконечник трости.
- ⁵⁹ Смысл (церк.-слав.) — разум, понимание; душа, сердце.
- ⁶⁰ Денница — букв.: утренняя звезда или заря; Люцифер, начальник падших аггелов, названный так по своим блестящим совершенствам, какими он был одарен от Бога, был низвергнут за гордыню и превозношение пред Богом.
- ⁶¹ Великий прокимен, глас 8-й. Ср. Пс. 60, 6.

- ⁶² Преспѣяние (церк.-слав.) — совершенствование.
- ⁶³ Молитва из последования на сон грядущим.
- ⁶⁴ Херувимская песнь.
- ⁶⁵ Ср.: *мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3, 19).
- ⁶⁶ Содом и Гоморра — древние города в Иорданской долине, бывшей в те времена очень плодородной. За беззаконие своих жителей уничтожены небесным огнем; на месте этих городов образовалось Мертвое море.
- ⁶⁷ Ирмос 6-й песни воскресного канона на утрени, глас 2-й.
- ⁶⁸ Возглас священника на литургии в конце Евхаристического канона: *И даждь нам едиными усты и единым сердцем славити и воспевати пречестное и великолепое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков.*
- ⁶⁹ Синклит — верховное гражданское правительство.
- ⁷⁰ Титло (церк.-слав.) — титул (звание, сан).
- ⁷¹ Молитва святого Ефрема Сирина.
- ⁷² 4 апреля 1866 года Дмитрий Каракозов совершил неудачное покушение на жизнь императора Александра II.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

От издателей 7

Дневник за 1866 год 8

Примечания 150

Святой праведный Иоанн Кронштадтский
Дневник
Том 11. 1866

Лицензия ИД № 05066 от 14.06.01 г.
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93, том 2;
код 953000 — научно-историческая литература.
Подписано в печать 29.03.2009 г.
Формат 60х100/16. Тираж 3000 экз. Заказ № 6958
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22.
Изд. № 405
ООО «Издательство «Булат»,
Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93